

**ЮРИЙ
ЕМЕЛЬЯНОВ**

СМЕРТЕЛЬНАЯ СХВАТКА НАЦИСТСКИХ ВОЖДЕЙ

**ЗА КУЛИСАМИ
ТРЕТЬЕГО РЕЙХА**

АНДРЕЙ ФУРСОВ РЕКОМЕНДУЕТ!

Игры мировых элит

Юрий Емельянов

**Смертельная схватка
нацистских вождей. За
кулисами Третьего рейха**

«Книжный мир»

2014

Емельянов Ю. В.

Смертельная схватка нацистских вождей. За кулисами Третьего рейха / Ю. В. Емельянов — «Книжный мир», 2014 — (Игры мировых элит)

«Еще одна книга о Третьем рейхе?», – скептически усмехнется читатель. И будет прав. Да, это новая книга кандидата исторических наук, известного российского писателя, лауреата международной премии им. Шолохова Юрия Емельянова, посвященная закрытым страницам истории гитлеровской Германии. В ней автор не только рассказывает о кровавом нацистском режиме, захватившем власть над одной из самых развитых стран Европы, но и вытаскивает на свет Божий всю неприглядную подноготную вождей Третьего рейха, начиная с самого фюрера. Каждому из фашистских бонз, составлявших в то или иное время свиту Гитлера, Ю. Емельянов посвящает отдельную главу в своей книге. Основная тема исследования – постоянная жестокая борьба за власть нацистских «фюреров» в окруженной фронтами Второй мировой войны Германии. Борьбы, которая не заканчивалась до самой последней секунды существования преступной клики, собравшейся вокруг Гитлера – Геббельса, Гиммлера, Геринга, Бормана, Шпеера, Гудериана, Дёница и других. В финальной части своей работы автор предлагает читателю собственную версию смерти главарей нацистского режима, запертых, как пауки в банке, в бункере рейхсканцелярии осажденного Красной Армией Берлина. Как умер Гитлер? Куда скрылся Борман? Правда ли, что Геббельс и его семья окончили жизнь самоубийством? Ответы на эти и множество других загадок Третьего рейха – на страницах предлагаемой вам книги.

© Емельянов Ю. В., 2014

© Книжный мир, 2014

Содержание

Пролог	7
Часть I	12
Глава 1. Генерал Гудериан и другие военачальники	13
От «Железной дивизии» к железным машинам	13
«Внимание! Танки!»	14
Разгром Польши и обострение отношений Гитлера с военными	18
Блицкриг в Западной Европе	19
Гибель мифа о непобедимости германской армии на советской земле	24
Ответственность германских военачальников за военные преступления	30
Дорога к Сталинграду и обратно	31
Активизация заговора против Гитлера и провал реванша под Курском	34
Попытка военного переворота	36
Возвышение и падение Гудериана	38
Глава 2. Командующий авиацией и престолонаследник	43
Родственник всех королевских домов Германии	43
«Через Геринга – к Гинденбургу!» и «Через Гинденбурга к власти!»	44
«Пушки вместо масла!»	46
«Ни одна бомба не упадет на Рур!»	49
Сея смерть с воздуха	52
«Я намереваюсь грабить эффективно»	55
Геринг против СССР	58
«Мы либо приведем люфтваффе в порядок, либо войну проиграем»	61
«Меня зовут Мейер!»	63
Глава 3. Зодчий военно-промышленного комплекса	68
С кульманом в высшие сферы власти	68
Неожиданное превращение в министра вооружений	71
Сомнительные достижения военного производства и их человеческая цена	75
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Юрий Емельянов
Смертельная схватка нацистских
вождей. За кулисами Третьего рейха

© Ю. В. Емельянов, 2014

© Книжный мир, 2014

Пролог

24 октября 2006 г. во время празднования 10-летия одного московского издательства, состоявшегося в помещении ЦДРИ, я познакомился с художником Юрием Архиповичем Походаевым, который когда-то писал портрет Маршала Советского Союза В. И. Чуйкова. Юрий Архипович рассказал, что в перерывах между сеансами маршал вспоминал наиболее интересные события своей жизни. Одним из таких он считал свою встречу со Сталиным, которая состоялась в 1945 году после окончания войны на черноморской даче. По словам Чуйкова, Сталин лично вышел к воротам дачи, чтобы встретить его, а затем долго беседовал с ним.

Судя по словам Ю. А. Походаева, маршал ничего не рассказал ему о содержании этой долгой беседы, а потому художник прибег к домыслам, которые свидетельствовали о его незаурядной творческой фантазии и не слишком хорошем владении историческим материалом. Поэтому остается лишь догадываться, о чем могли говорить Генералиссимус Советского Союза и прославленный генерал. Разумеется, В. И. Чуйков мог немало рассказать о боевых делах своей легендарной армии. Но не исключено, что особый интерес для Сталина представляли воспоминания военачальника о событиях, которые разыгрались на его берлинском командном пункте 1 мая 1945 года.

В это время далеко не все в мире знали о том, что вскоре после полуночи 1 мая 1945 года в Берлине произошли события, которые затем были многократно описаны в мемуарах и книгах по истории, а также были изображены, по меньшей мере, в десятке отечественных и зарубежных фильмов. Восстанавливая их по свежим впечатлениям, военный корреспондент П. Трояновский писал, что в ночь на 1 мая «на участке части полковника Смолина вдруг появился немецкий автомобиль с большим белым флагом на радиаторе. Наши бойцы прекратили огонь. Из машины вышел немецкий офицер и сказал одно слово: «Капитуляция...» Его поняли, приняли и проводили в штаб. Офицер заявил, что вновь назначенный начальник генерального штаба генерал Кребс готов явиться к советскому командованию, чтобы договориться о капитуляции берлинского гарнизона. Советское командование согласилось принять Кребса...»

За месяц до этого Геббельс, комментируя назначение генерала от инфантерии Ганса Кребса начальником генерального штаба сухопутных сил Германии, записал в дневнике, что тот «был нашим военным атташе в Москве». В Берлине хорошо знали и о примечательном эпизоде из московской деятельности Г. Кребса. Исполняя обязанности военного атташе, Г. Кребс присутствовал на проводах министра иностранных дел Японии Мацуока после подписания советско-японского договора о нейтралитете. Стремясь подчеркнуть верность СССР взятым на себя обязательствам по этому договору, И. В. Сталин и В. М. Молотов лично прибыли на вокзал и тепло приветствовали Мацуоку. В то же время советские руководители постарались здесь же продемонстрировать свою готовность соблюдать и договоры 1939 г., подписанные между СССР и Германией.

В правительственной телеграмме в Берлин посол Германии Фридрих Вернер Шуленбург писал 13 апреля 1941 г., что, во время церемонии проводов, И. В. Сталин «громко спросил обо мне и, найдя меня, подошел, обнял меня за плечи и сказал: «Мы должны остаться друзьями, и Вы должны теперь всё для этого сделать!» Затем Сталин повернулся к исполняющему обязанности военного атташе полковнику Кребсу и, предварительно убедившись, что он немец, сказал ему: «Мы останемся друзьями с Вами в любом случае». Комментируя эти слова Сталина, Шуленбург писал: «Сталин, несомненно, приветствовал полковника Кребса и меня таким образом намеренно и тем самым сознательно привлек всеобщее внимание многочисленной публики, присутствовавшей при этом».

Удивительным образом, через четыре года после этого эпизода бывший германский военный атташе Ганс Кребс направлялся на командный пункт бывшего советского военного атташе

Василия Чуйкова, чтобы обратиться через него к И. В. Сталину с предложением мира, который Германия вероломно нарушила почти четыре года назад вопреки настойчивым усилиям СССР.

Позже Маршал Советского Союза В. И. Чуйков писал в своих воспоминаниях: «В 3 часа 55 минут дверь открылась, и в комнату вошел немецкий генерал с орденом Железного креста на шее и фашистской свастикой на рукаве. Присматриваюсь к нему. Среднего роста, плотный, с бритой головой, на лице шрамы. Правой рукой делает мне приветствие по-своему, по-фашистски; левой подает мне свой документ – солдатскую книжку... С ним вместе вошли начальник штаба 56-го танкового корпуса полковник фон Дуфвинг и переводчик. Кребс не стал ожидать вопросов. «Буду говорить особо секретно, – заявил он. – Вы первый иностранец, которому я сообщаю, что тридцатого апреля Гитлер добровольно ушел от нас, покончив жизнь самоубийством».

Затем Кребс передал Чуйкову документ о его полномочиях, подписанный новым министром по делам нацистской партии Мартином Борманом, и «Политическое завещание» Гитлера. Одновременно Г. Кребс вручил В. И. Чуйкову письмо к И. В. Сталину от нового рейхсканцлера Германии Йозефа Геббельса. В нем говорилось: «Мы сообщаем вождю советского народа, что сегодня в 15 часов 50 минут добровольно ушел из жизни фюрер. На основании его законного права фюрер всю власть в оставленном им завещании передал Дёницу, мне и Борману. Я уполномочен Борманом установить связь с вождем советского народа. Эта связь необходима для мирных переговоров между державами, у которых наибольшие потери. Геббельс».

Известно, что темп исторического развития намного ускоряется во времена войн и революций. При этом в ходе таких исторических процессов бывают дни, когда насыщенность событиями возрастает до предела. Содержание документов, которые принес с собой Ханс Кребс на командный пункт В. И. Чуйкова, отразило множество событий последних дней апреля 1945 г., характерных для бурной предсмертной агонии гитлеровской Германии. Поэтому два важнейших факта, которые сообщил посланец Геббельса и Бормана – готовность руководителей Германии вести переговоры с Советским Союзом и самоубийство Гитлера – отодвигали на второй план другие важные события, которые были отражены в документах, доставленных Кребсом.

А затем в течение 1 мая в Берлине развернулись новые события, которые происходили с огромной быстротой, изобилуя неожиданными поворотами. Именно в такие переломные моменты истории раскрывается суть прежде подспудных общественных процессов. В то же время в те весенние дни, наполненные напряженным ожиданием дня Победы, еще не было возможности, достаточно глубоко осмыслить происходившее. Однако, к сожалению, в последующие 70 лет многие важные события весенних дней 1945 года, не вызвали желания взглянуть на них по-новому. Некоторые оценки, сделанные наспех относительно них, укоренились и не были пересмотрены.

Создается впечатление, что подробные рассказы о самоубийстве Гитлера и о предшествовавших этому событию опалах Геринга и Гимmlера отвлекли внимание от факта, что эти лица не были единственными, оказавшимися вне последнего правительства нацистской Германии к 1 мая 1945 г. Между тем, прежде каждая из перемен в германском руководстве становилась поводом для многочисленных комментариев, продолжительных дискуссий и даже сатирических обличений за пределами рейха. Так, новые назначения Гимmlера в августе 1943 г. стали поводом для карикатуры Кукрыниксов в «Правде», а занятие Геббельсом поста уполномоченного по тотальной мобилизации в августе 1944 г. было высмеяно в карикатуре Бориса Ефимова в «Красной звезде». Когда же сменили министра сельского хозяйства Германии, то поэт С. Маршак посвятил этому событию целое стихотворение, которое начиналось словами:

Опять говорят: на фашистском дворе
Сменились цепные собаки.
Погнали в отставку министра Дарре

Назначили Герберта Бакке...

Перемещения в гитлеровском руководстве вызывали живой отклик в советском обществе, в частности, и потому что имена, фамилии и карикатурные изображения высших деятелей Третьего рейха были известны подавляющему большинству советских людей. У Бориса Ефимова были карикатуры, персонально посвященные каждому из наиболее видных руководителей Германии: Гитлеру, Герингу, Геббельсу, Гиммлеру, Риббентропу, Розенбергу. Кукрыниксы создали целую галерею карикатур этих же деятелей с добавлением Роберта Лея. Карикатуры сопровождали стихи С. Маршака. Эти же лица были запечатлены на карикатуре «Гитлеровская разбойничья шайка» художником Борисом Ефимовым в 1942 году. Слева направо на ней были изображены: Геринг, Гесс, Гитлер, Геббельс, Гиммлер, Риббентроп, Лей, Розенберг. Те из них, кто остался жив после мая 1945 г., в дальнейшем стали главными фигурантами Нюрнбергского процесса.

Между тем, помимо покончившего самоубийством Гитлера и оказавшегося в Англии с мая 1941 г. Гесса, Геринг, Гиммлер, Риббентроп, Розенберг не вошли в состав нового правительства Германии, который сформировал фюрер за несколько часов до своей смерти. Не вошел в состав нового правительства и Альберт Шпеер, не запечатленный Борисом Ефимовым в 1942 г., но ставший одним из приближенных к Гитлеру в последние годы существования Третьего рейха, а затем – одним из обвиняемых Нюрнбергского процесса. Из «гитлеровской шайки» в правительство вошли лишь возглавивший его Геббельс и министр труда Роберт Лей.

Кроме того, на первый план выдвинулся Борман, который еще в начале войны не считался одним из ведущих руководителей Третьего рейха. Еще более неожиданным стало выдвижение в руководители страны гросс-адмирала Дёница, который не был членом нацистской партии, а потому никогда не рассматривался в качестве возможного лидера Третьего рейха.

В значительной степени эти отставки и назначения были связаны с не прекращавшейся борьбой в правящих кругах гитлеровской Германии с самого начала ее существования. Описывая обстановку в окружении Гитлера еще до начала войны, бывший министр вооружений Германии Альберт Шпеер в своих воспоминаниях писал: «После 1933 быстро оформились соперничавшие группировки, придерживавшиеся противоположных взглядов. Они шпионили друг за другом, презирали друг друга... Смесь осуждения и неприязни стала господствующим элементом в партийной атмосфере... Влиятельные люди при Гитлере ревниво наблюдали друг за другом, как это всегда бывает с претендентами на трон. Довольно рано развернулась борьба за положение между Геббельсом, Герингом, Розенбергом, Леем, Гиммлером, Риббентропом и Гессом». Шпеер отмечал, что ведущие деятели рейха долго не замечали роста влияния Бормана, который еще до войны неотлучно был рядом с Гитлером.

Характеризуя отдельные группировки и их лидеров, Шпеер писал: «Гиммлер общался почти исключительно со своими эсэсовскими последователями, на безграничное уважение которых он мог рассчитывать. Геринг также имел свою шайку почитателей, некритично восторгавшихся им. Она состояла отчасти из членов его семьи, отчасти из его ближайших сотрудников и адъютантов. Геббельс чувствовал себя легко в компании людей из писательских кругов и кинематографа. Любитель камерной музыки и гомеопатии, Гесс был окружен странными, но интересными личностями. Будучи интеллектуалом, Геббельс презирал грубых обывателей из мюнхенской группы. Они же в свою очередь смеялись над преувеличенными амбициями литературных академиков. Геринг не считал ни мюнхенских обывателей, ни Геббельса достаточно аристократичными для него и поэтому избегал общения с ними. Гиммлер, преисполненный миссионерской ролью СС, чувствовал себя выше всех. Гитлер имел свой кружок, который всюду следовал за ним. В него входили водители машин, его фотограф, его пилот и его секретарши. Состав этой компании не менялся».

Шпеер отмечал: «Гитлер соединял эти противоположные кружки вместе. Но после пребывания у власти в течение года, ни Гиммлер, ни Геринг, ни Гесс не появлялись достаточно часто за его обеденным столом или во время просмотра кинофильмов. А поэтому нельзя было говорить о наличии «высшего общества» нового режима». К тому же, как отмечал Шпеер, «Гитлер не поощрял общения между руководителями. По мере же того, как ситуация становилась критической в последние годы, он внимательно и с большим подозрением наблюдал за любыми попытками сближения между своими соратниками».

Перемены в руководстве гитлеровской Германии в конце апреля 1945 года отражали победы одних лиц и их группировок и поражения других. Эти изменения в расстановке сил наверху были подтверждены последней волей Гитлера. В то же время происшедшие перемены отражали нечто большее, чем обычное завершение борьбы за власть внутри правящих верхов. Дело в том, что высшие деятели Германии руководили теми или иными направлениями государственной деятельности, обладая известной самостоятельностью в осуществлении своих властных полномочий в пределах значительных сфер влияния. Английский историк Алан Баллок утверждал: «Геринг, Геббельс, Гиммлер и Лей, каждый из них, создал свою частную империю для себя». Синхронная смена многих министров и других руководителей означала не только распад этих «частных империй», но и провал политики в самых разных сферах государственного руководства Германией, а, стало быть, глубокий кризис Третьего рейха, начавшийся задолго до начала боев в Берлине.

В то же время, очевидно, что новый состав правительства, утвержденный Гитлером в его «Политическом завещании», не мог сам по себе разрешить кризис, в котором оказалась гитлеровская Германия. Помимо прочего, назначения Гитлера игнорировали то обстоятельство, что из всего состава правительства, перечисленного им в «Завещании», в окруженном советскими войсками центре Берлина оставались лишь трое: Геббельс, Борман и новый рейхсминистр пропаганды Вернер Науман. Новым рейхсфюрером и шефом германской полиции был назначен гауляйтер Ханке, который находился в окруженном советскими войсками Бреслау (Вроцлаве). Большинство же министров находилось в разных частях Германии, еще не занятых Красной Армией и союзниками. Назначения Гитлера свидетельствовали об окончательном утрате им чувства реальности.

В своем письме Сталину Геббельс писал, что Гитлер передал высшую власть троим – Дёницу, Борману и ему. Дёниц был назначен рейхспрезидентом, Геббельс – рейхсканцлером, а Борман – министром по делам партии. Однако роли в триумвирате, сформированном Гитлером, были не четко определены.

Из истории известно насколько неустойчивы любые триумvirаты. Распределение высших постов заранее обрекало правящую группировку на обострение внутренней борьбы за влияние. Комментируя в своих воспоминаниях последние назначения Гитлера, Альберт Шпеер называл их «самыми абсурдными в его карьере государственного деятеля... Он не смог ясно определить, как это уже случалось в последние годы его жизни, кто обладает высшей властью: канцлер или его кабинет, или же президент. Согласно букве завещания, Дёниц не мог сместить канцлера или кого-либо из министров, даже если бы оказалось, что они не годятся для работы. Так важнейшая часть полномочий любого президента была отнята у него с самого начала».

Было очевидно, что формирование последнего правительства Гитлером, не устранило противоречия нацистского режима и не остановило острую борьбу за власть в его руководстве. Исследование борьбы за власть в гитлеровской верхушке на протяжении всего существования нацистского режима и внимательное изучение фактов, относящихся к последним дням Третьего рейха, позволяет вновь поставить вопрос, который давно мучает исследователей разных стран мира: «Куда бесследно исчез Борман, уполномочивший Геббельса «установить связь с вождем советского народа?»» Более того, можно поставить вопросы, которые почему-то не ставили в течение 70 лет: «Почему переговоры генералов Чуйкова и Соколовского с Кребсом

не привели к капитуляции Германии 1 мая?» «По какой причине через несколько часов после прибытия Кребса с письмом от Геббельса, автор письма, его жена, их дети, а также его посланец к Чуйкову расстались с жизнью?» «Какие события, разыгравшиеся в бункере рейхсканцелярии 1 мая, повлияли на то, что были подписаны два акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил – 7 мая в Реймсе и в полночь с 8 на 9 мая в Берлине?»

А чтобы найти ответы на эти и другие вопросы следует внимательно разобраться не только в событиях 1 мая в Берлине, но и в истории гитлеровской Германии, а также в биографиях тех, кто утратил свое высокое положение или, напротив, возвысился в последние дни существования Третьего рейха.

Часть I

Гитлеровская команда: удаленные с поля

Среди тех, кто был отстранен от руководства гитлеровской Германии в последние дни ее существования, можно выделить 6 наиболее значительных фигур: Гудериан, Розенберг, Риббентроп, Шпеер, Гиммлер, Геринг. В то же время три прежних вождя рейха сохранились в составе нового правительства, сформированного Гитлером в соответствии с его последней волей: Лей, Борман, Геббельс. Вместе с Дёницем, который никогда не входил в состав высшего руководства страны, но был назначен президентом Германии, и самим Гитлером, получается 11 человек – целая футбольная команда.

Представим себе, что подобные перемены произвел капитан футбольной команды незадолго до финального свистка судьи, а затем сам сбежал с поля. Скорее всего, даже зрители, включившие телевизор незадолго до этих событий решили бы, что шансы команды на победу или на ничейный результат стремительно приближаются к нулю, а ее капитан находится в невменяемом состоянии. Кто из «игроков» команды Третьего рейха вызвал истеричный гнев ее капитана? Каким образом у них возникли проблемы с капитаном? Кто был признан годным для продолжения «игры»? Для начала рассмотрим судьбы тех, кто был «удален с поля».

Глава 1. Генерал Гудериан и другие военачальники

Первой знаменательной отставкой в гитлеровском руководстве стало отстранение от дел начальника генерального штаба сухопутных войск генерала Гейнца Гудериана 28 марта 1945 г. О том, что в ту весну в мире многие перестали внимательно следить за перемещениями в руководстве Третьего рейха и немало людей долгое время не знали об этой отставке, можно понять из содержания оперативной сводки Советского Информбюро за 2 мая, опубликованной в центральных советских газетах 3 мая. В ней Кребса называли «вновь назначенным начальником генерального штаба». Очевидно, что назначение Кребса вместо Гудериана все еще было новостью в начале мая 1945 г. В то же время отставка Гудериана логично вытекала из всей истории отношений Гитлера с германской армией.

Начав службу в рядах кайзеровской армии в 1914 г., сотрудничая с армейской разведкой после войны, а затем с генералом Людендорфом во время подготовки и осуществления Мюнхенского путча, опираясь на поддержку армии, Гитлер полагался на сухопутную армию как на главную силу в реализации своих военно-политических планов. Однако постепенно он столкнулся с сопротивлением ряда видных военачальников. Борьба Гитлера против руководства сухопутной армии увенчалась ростом оппозиционности среди военных и почти полной утратой доверия к военачальникам со стороны фюрера. Отставка Гудериана стала последним этапом в длительном конфликте между руководством армии и Гитлером.

От «Железной дивизии» к железным машинам

Гейнец Гудериан был выходцем из помещичьего рода и сыном кадрового офицера. Родившись 17 июня 1888 г., Гудериан по окончании кадетского корпуса в 1907 г. поступил на воинскую службу. 1 октября 1913 г. Гудериан женился на Маргарите Герне, с которой прожил всю жизнь. Она стала матерью двух сыновей Гудериана.

Во время Первой мировой войны Гудериан находился на Западном фронте, главным образом в армейских штабах. После окончания войны он служил в министерстве обороны.

В 1919 г. Гудериан участвовал в военных действиях в Прибалтике в составе «Железной дивизии» 6-го резервного корпуса генерала фон дер Гольца, которая сражалась против советских частей. Действуя по соглашению с Антантой, «Железная дивизия» разгромила советскую власть в Литве, а затем и в значительной части Латвии. В 1920–1921 гг. Гудериан не раз принимал участие в подавлении рабочих выступлений в Германии.

С января 1922 Гудериан служил во вновь созданных автомобильных частях, а с октября 1931 г., получив звание подполковника, стал начальником штаба автомобильных войск рейхсвера. В рамках этих войск создавались и танковые силы.

Появление танковых войск коренным образом изменили методы ведения войны. В своих воспоминаниях Г. Гудериан отмечал: «Первая мировая война после короткого периода маневренных действий на Западном фронте застыла в позиционных сражениях. Никакое сосредоточение военных средств, достигшее громадных размеров, не в состоянии было сдвинуть фронты с места, пока в ноябре 1916 г. на стороне противника не появились «танки» и не перенесли благодаря своей броне, гусеницам и вооружению, состоявшему из пушек и пулеметов, ранее незащищенных солдат через заградительный огонь и проволочные заграждения, через рвы и воронки живыми и боеспособными на передний край обороны немцев; наступление было восстановлено в своих правах... Сколь велико значение танков, показал Версальский договор, которым Германии запретили под страхом наказания иметь и производить бронемашину, танки и другие подобные машины, могущие служить военным целям. Следовательно, у наших

врагов танк считался боевым оружием такого решающего значения, что нам запретили его иметь».

К началу 30-х гг. Гудериану, по его словам, «стало ясно, что будущая структура бронетанковых войск должна способствовать их использованию для решения оперативных задач. Поэтому организационной единицей могла быть только танковая дивизия, а в дальнейшем – танковый корпус. Задача состояла теперь в том, чтобы убедить представителей других родов войск, а также руководство армии, что наш путь является правильным. Сделать это было трудно, так как никто не верил, что автомобильные войска, относившиеся к службе тыла, могут быть использованы в тактических и даже в оперативных целях. Старые рода войск, прежде всего пехота и кавалерия, считались основными».

Гудериан одним из первых военачальников оценил большие возможности танков. Летом 1932 г. Гудериан принял участие в учениях с применением бронеавтомобилей и первых макетов танков.

Тем временем за рубежами Германии появились теоретические работы, авторы которых признали танки решающей силой будущей войны. В 1934 г. в Париже вышла в свет книга секретаря Высшего совета национальной обороны Франции полковника Шарля де Голля «За профессиональную армию». В одной из глав книги де Голль рассказал о возможности стремительно перебросить в течение одной ночи большие танковые соединения и развернуть наступление 3000 танков на фронте шириной в 50 километров. Де Голль считал, что танковые армады могут наступать со скоростью 50 километров за день боя. После прорыва обороны, писал де Голль, «откроется путь к великим победам, которые по своим далеко идущим последствиям сразу же приведут к полному разгрому противника».

Однако идеи де Голля встретили непреодолимое сопротивление французских военачальников, исходивших из оборонительной, а не наступательной стратегии и уверовавших в неуязвимость «линии Мажино». Германский поклонник танков Гудериан встретился с аналогичным сопротивлением профессиональных военных в Германии. Однако ситуация изменилась после прихода Гитлера к власти.

«Внимание! Танки!»

Хотя представители потомственной военной касты чувствовали себя выше «неотесанных» нацистов, некоторые из них охотно вступали в национал-социалистическую партию (НСДАП) и поддерживали Гитлера. Это объяснялось, прежде всего, тем, что сразу же после прихода к власти Гитлер взял курс на милитаризацию Германии. Отказ от обременительных ограничений Версальского договора, гонка вооружений и другие шаги правительства Гитлера получали безоговорочную поддержку значительной части военных Германии. Военачальники были довольны расправой Гитлера с Рёмом и его штурмовиками 30 июня 1934 г., так как в них видели опасных конкурентов профессиональной армии.

Особо энергично поддерживали Гитлера сторонники маневренной войны. Еще до Первой мировой войны германские военные считали, что Германия сможет победить лишь нанесением быстрых последовательных ударов по своим противникам на западе и на востоке. Идею проведения «краткосрочных военных операций» пропагандировал тогда фельдмаршал Х. Г. Б. Мольтке. Танки и моторизованные войска открывали техническую возможность для таких действий.

Вскоре после прихода Гитлера к власти Гудериан в середине 1933 г. получил возможность продемонстрировать новому рейхсканцлеру действия подразделений мотомеханизированных войск во время учений в Куммерсдорфе. Гудериан вспоминал: «Гитлер... проявил большой интерес к вопросам моторизации армии и создания бронетанковых войск... Я показал Гитлеру мотоциклетный взвод, противотанковый взвод, взвод учебных танков Т-1, взвод

легких бронемашин и взвод тяжелых бронемашин. Большое впечатление на Гитлера произвели быстрота и точность, проявленные нашими подразделениями во время их движения, и он воскликнул: «Вот это мне и нужно!» После этого у меня сложилось впечатление, что канцлер полностью согласился бы с моими планами организации нового вермахта, если бы мне удалось изложить ему мои взгляды. Однако в этом я встретился с существенными затруднениями, связанными с неповоротливостью наших военных органов и отрицательным отношением к моим взглядам со стороны руководящих лиц генерального штаба, мешавших мне связаться с генералом Бломбергом (он был министром обороны и главнокомандующим вооруженными силами Германии. – *Прим. авт.*)»

Несмотря на возражения со стороны начальника генерального штаба генерала Людвиг Бека, весной 1934 г. было создано командование мотомеханизированных войск. Гудериан стал начальником штаба этих войск. Он выступал инициатором развития бронетанковых сил и настаивал на существенном усилении их роли в боевых действиях в будущей войне.

Полностью одобряя политику Гитлера по отношению к бронетанковым войскам, которые должны были стать ударной силой в будущей «молниеносной» военной кампании, Гудериан в то же время, как и многие военачальники, разделял беспокойство рискованными действиями фюрера, которые могли спровоцировать войну, к которой Германия еще не была готова. Гудериан писал о том, что «весной 1936 г. мы были поражены решением Гитлера оккупировать Рейнскую область».

Позже, беседуя с Гудерианом осенью 1939 года Гитлер, по словам генерала, «подробно изложил историю возникновения своего недоверия к генералам, начиная с момента формирования армии, когда Фрич (главнокомандующий сухопутными силами Германии до 1938 г. – *Прим. авт.*) и Бек создали для него ряд трудностей, противопоставив его требованию о немедленном создании 36 дивизий свое предложение ограничиться 21 дивизией. Перед оккупацией Рейнской области генералы тоже предостерегали его; они были даже готовы, увидав первые признаки недовольства на лице французов, отвести обратно введенные в Рейнскую область войска, если бы имперский министр иностранных дел не высказался против этой уступки. Затем его сильно разочаровал фельдмаршал фон Бломберг и ожесточил случай с Фричем».

Гитлер ни слова не сказал Гудериану о сопротивлении Бломберга, Фрича и других военачальников его плану военных авантур, изложенному им 5 ноября 1937 г. перед узким кругом государственных и военных руководителей рейха. Тогда, выслушав Гитлера, главнокомандующий ВМС Германии адмирал Эрих Редер в беседе с Вернером фон Бломбергом и Вернером фон Фричем сказал, что Германия не готова к войне. Соглашаясь с ним, Фрич и Бломберг в то же время подчеркивали, что главное – это получить средства на вооружение.

Все же через четыре дня Фрич представил Гитлеру меморандум, в котором указал, что Германия не может рисковать и подставить себя под возможный удар Франции. Гитлер ответил Фричу, что такого риска не существует, что главное – наращивать военный потенциал, и что, вообще не дело генерала заниматься политическими вопросами. Однако и Фрич, и Бломберг ясно понимали, что реализация гитлеровского плана чревата для Германии новым грандиозным военным поражением.

Не стал Гитлер говорить Гудериану и о том, как грубо были скомпрометированы, а затем отправлены в отставку Бломберг и Фрич. В противовес этим и другим генералам Гитлер поддерживал тех военачальников, которые, как Гудериан, выступали за реализацию его планов молниеносных военных кампаний.

Зимой 1936–1937 гг. генерал-майор Гейнц Гудериан изложил свои мысли о первостепенном значении танков в современной войне в книге «Внимание! Танки!». Ее основные положения были повторены в статье, опубликованной в военном журнале 15 октября 1937 г.

Основной тезис Гудериана гласил: «Огонь и движение – основа танкового наступления». Гудериан подчеркивал: «В первую очередь нужно добиться того, чтобы войска передвигались

более быстрыми, чем раньше темпами и были в состоянии, несмотря на огонь обороняющегося противника, продолжать движение, препятствуя тем самым созданию новых оборонительных рубежей и нанося удар в глубину обороны... Используя в наступлении танки, мы сможем продвигаться значительно быстрее, чем передвигались до сих пор... После успешного прорыва мы будем продолжать дальнейшее продвижение». Гудериан указал и на ряд условий, необходимых для успеха танкового наступления: «Сосредоточение сил на выгодном участке местности, наличие слабых мест в обороне противника, превосходство над ним в танках и др.».

Подчеркивая приоритет танков в современной войне, Гудериан писал: «При ведении наступления с участием танков решающая роль принадлежит последним, а не пехоте, потому что неуспех танков влечет за собой провал всего наступления и, наоборот, успех танков обеспечивает победу... Мы полагаем, что именно танки в состоянии наносить стремительные удары одновременно по различным участкам обороны противника на значительном по ширине фронте, что именно они играют решающую роль в достижении общего успеха наступления и что достигаемый ими успех будет иметь не только тактическое значение, какое имели прорывы танков во время Первой мировой войны».

Подчеркивая главную роль танков в будущей молниеносной войне, Гудериан писал: «Мы, танкисты, считаем свой род войск вполне созревшим и уверены, что наш успех в будущих сражениях наложит отпечаток на предстоящие события. Если наступление танков будет удачным, то все остальные рода войск должны будут приспособиться к тому, чтобы действовать в одинаковом с ними темпе. Поэтому мы и требуем, чтобы те рода войск, которые будут взаимодействовать с нами для развития нашего успеха, были также подвижными и были нам приданы еще в мирное время, потому что решающее значение в будущих сражениях будет иметь не количество пехоты, а количество бронетанковых войск».

Гудериан получил возможность продемонстрировать значение бронетанковых войск во время военных маневров, устроенных осенью 1937 г. На них присутствовали Б. Муссолини с итальянской военной миссией, английский фельдмаршал С. Деверел и члены венгерской военной миссии. По словам Гудериана, «в последний день маневров специально для иностранных гостей было проведено крупное наступление всех танковых сил, участвовавших в маневрах под моим командованием. Впечатление было исключительно сильным, хотя мы располагали в то время лишь небольшими танками типа Т-1... Результаты маневров показали, что танковая дивизия вполне оправдала себя как боевая единица».

Первым шагом в испытании методов «молниеносной войны», в которых ведущая роль отводилась танкам, стал аншлюс. 11 марта 1938 г. Гитлер подписал директиву, в которой говорилось: «Если другие меры окажутся безуспешными, я намереваюсь вторгнуться в Австрию при помощи вооруженных сил для того, чтобы создать конституционные условия и предотвратить дальнейшие нападки на прогерманское население... Поведение войск должно быть таковым, чтобы создать впечатление, что мы не намереваемся вести войну против наших австрийских братьев. В наших интересах, чтобы вся операция была проведена без применения насилия, но в форме мирного вступления при приветствии со стороны населения. Поэтому следует избегать любой провокации. Если, однако, будет оказано сопротивление, то оно должно быть сломлено безжалостно силой оружия».

Хотя захват Австрии произошел без применения оружия, он был использован для демонстрации военной мощи Германии, особенно его танковых армий. По мнению У. Черчилля, эта демонстрация провалилась. Описывая немецкий поход на Австрию, У. Черчилль в своих воспоминаниях утверждал, что «большинство танков оказались не в состоянии продолжать движение. В моторизованных подразделениях тяжелой артиллерии имели место аварии. Дорогу от Линца до Вены загромождали застрявшие тяжелые машины». Черчилль уверял, что Гитлер «обрушился на своих генералов с руганью, но те заявили, что не виноваты. Они напомнили

фюреру, что он и слушать не хотел предостережения Фрича о риске для Германии идти на более крупный конфликт».

Гейнц Гудериан, участвовавший в походе на Австрию, опровергал высказывания Черчилля относительно «разноса», устроенного Гитлером генералам. Однако Гудериан признал, что «высшее командование было недостаточно подготовлено к проведению этого похода. Решение о нем исходило от одного Гитлера. Весь поход представлял собой сплошную импровизацию, что явилось для танковых дивизий, созданных лишь осенью 1935 г., рискованным мероприятием... Наиболее важным недостатком, выявившимся в процессе марша, оказалась неудовлетворительная постановка ремонта техники, особенно танков... Имели место серьезные затруднения в обеспечении горючим».

Недавняя расправа с Бломбергом и Фричем и неудачи танкового броска на Австрию усилила рост оппозиции среди немецких генералов, не желавших вести страну к сокрушительному военному поражению. По мере обострения международных кризисов 1938 года вокруг Чехословакии, последовавших за аншлюсом, среди военных созрел заговор против Гитлера, в котором на первых порах участвовали высшие руководители вооруженных сил Германии. Они были готовы свергнуть Гитлера, как только ситуация приблизится к развязыванию войны.

Заговорщики считали, что Германия будет обречена на поражение в случае начала войны. Кроме того, они учитывали, что значительная часть немецкого народа, поддерживая Гитлера, его идеологию и внутреннюю политику, не хотела войны. Широко распространенные в германском народе расистские установки, националистическая спесь и убежденность в том, что немцам должны принадлежать богатые земли планеты сочетались с горькими воспоминаниями об ужасах Первой мировой войны и ее последствиях.

В последние дни сентября к чехословацкой границе перебрасывались немецкие войска. Некоторые части проходили через Берлин. Американский корреспондент Уильям Ширер видел, что берлинцы с мрачными лицами наблюдали за проходившими войсками. Не было ничего похожего на тот энтузиазм, с которым провожали солдат в германской столице летом 1914 года.

Стремясь предотвратить войну из-за Судет, заговорщики установили контакт с западными державами. Исходя из того, что Англия решительно отвергнет требования Гитлера, заговорщики назначили военный переворот на 29 сентября 1938 г. Приказ о выступлении должен был отдать новый начальник генерального штаба генерал Франц Гальдер. Однако за день до этого Гальдер узнал, что премьер-министры Великобритании и Франции Чемберлен и Клемансо направляются в Мюнхен, чтобы договориться с Гитлером о разделе Чехословакии. Поэтому, сообщил потом Гальдер, «я взял обратно приказ о начале путча». Его поддержал и главнокомандующий сухопутными силами Германии фельдмаршал Вальтер фон Браухич.

Трусливая капитуляция Великобритании и Франции в Мюнхене 29–30 сентября 1938 года позволила Гитлеру получить всё, что он требовал. Военные отказались от переворота. Последующие бескровные захваты Чехии и Мемельской области в марте 1939 года убедили многих военных в Германии в том, что программа захватов Гитлера, изложенная им 5 ноября 1937 г., успешно выполнялась под угрозой оружия, но без применения его. Более того, после этих захватов, которые усилили военно-стратегическое положение Германии и мощь ее военной промышленности за счет чешской, военачальники поддержали подготовку Гитлера к нападению на Польшу. Правда, многие из них считали, что и в этом случае Гитлер захватит эту страну, не прибегнув к оружию, а получив ее в виде уступки от стран Запада. В то же время военные заговорщики не исключали возможности выступления против Гитлера в случае неудач в польской кампании.

Разгром Польши и обострение отношений Гитлера с военными

Польская кампания, начавшаяся 1 сентября, впервые показала методы военных действий, на которые затем полагалась германская армия в ходе Второй мировой войны. Американский историк Луи де Йонг писал: «На большинстве участков фронта польское сопротивление непосредственно у границ было быстро подавлено; танковые соединения устремлялись в прорыв далеко в глубь страны. Польская авиация оказалась уничтоженной к исходу первого дня боев; немцы завоевали господство в воздухе... Превосходство немцев в вооружении и искусстве склоняло чашу весов в их пользу».

Активный участник польской кампании Гудериан испытывал полное удовлетворение тем, как реализовывались его идеи танковой войны. Он писал: «Польский поход явился боевым крещением для моих танковых соединений. Я пришел к убеждению, что они полностью себя оправдали, а затраченные на их создание усилия окупались... Несомненно, этот род войск решающим образом способствовал тому, что кампания закончилась в такое короткое время и с такими незначительными потерями».

Гудериан и ряд других генералов вермахта получили высокие награды от Гитлера. Однако не исключено, что Гитлер что-то знал об оппозиционных настроениях в армии. Об этом свидетельствовало содержание политических лекций, с которыми выступили перед высшими военачальниками и офицерами Германии в ноябре 1939 г. партийные руководители, в том числе Геббельс, Геринг и Гитлер. По словам Гудериана, «в лекциях названных лиц повторялась одна и та же мысль: «Генералы военно-воздушных сил, действующие под целеустремленным руководством партайгеноссе Геринга – абсолютно надежные люди в политическом отношении; также и адмиралы надежно воспитываются в духе указаний Гитлера; однако к генералам сухопутных войск у партии нет полного доверия».

Заговорщики были напуганы этими речами. Гудериан же и другие генералы, не участвовавшие в заговоре, восприняли их с негодованием. Гудериан писал: «После успехов в только что закончившейся польской кампании этот тяжелый упрек нам был непонятен. По возвращении в Кобленц я посетил начальника штаба группы армий, хорошо знакомого мне генерала Манштейна, чтобы поговорить с ним о мерах, которые надлежит принять. Манштейн разделял мое мнение, что генералитет не может мириться с упомянутыми высказываниями. Он беседовал уже со своим командующим, но тот не был склонен что-либо предпринимать. Он посоветовал мне еще раз поговорить с Рундштедтом, что я и сделал немедленно. Генерал-полковник фон Рундштедт был уже информирован обо всем; он согласился лишь посетить главнокомандующего сухопутными силами и сообщить ему о сложившихся среди нас мнениях. Я возразил ему, сказав, что упреки в первую очередь направлены по адресу главнокомандующего сухопутными силами и что он лично слышал их; дело состоит как раз в том, чтобы пойти к Гитлеру и рассеять эти необоснованные подозрения. Генерал фон Рундштедт не проявил готовности предпринять дальнейшие шаги».

Тогда Гудериан обратился к генерал-полковнику Вальтеру фон Рейхенау. По словам Гудериана, его «преданность Гитлеру и партии была всем известна». Однако, к удивлению Гудериана, Рейхенау заявил о наличии у него с Гитлером острых разногласий. По этой причине Рейхенау отказался идти к Гитлеру, чтобы выразить протест военачальников.

Гудериан решил сам идти к Гитлеру. По его словам, он заявил Гитлеру: «Я пришел сегодня к вам, чтобы выразить протест против высказываний, которые мы восприняли как несправедливые и оскорбительные. Если вы питаете недоверие к отдельным генералам... тогда вы должны устранить их. Предстоящая война будет продолжаться долго. Мы не можем терпеть такого раскола в верховном командовании. Необходимо восстановить доверие, пока война не достигла критической стадии, как это имело место во время Первой мировой войны в 1916 г.,

пока Гинденбург и Людендорф не возглавили верховное командование. Однако такой шаг был сделан слишком поздно. Наше верховное командование должно остерегаться такого положения, когда необходимые решительные меры опять будут приняты слишком поздно».

Внимательно выслушав 20-минутную речь генерала, Гитлер ответил, что его недовольство сухопутными войсками вызвано, прежде всего, их главнокомандующим Браухичем. Гудериан предложил назначить вместо него Рейхенау. Но Гитлер отверг эту кандидатуру. Других кандидатов, предложенных Гудерианом, Гитлер также отверг.

Затем, по словам Гудериана, Гитлер обрушился с критикой на руководителей армии. Он сказал, что «нынешний главнокомандующий внес ему совершенно неприемлемые предложения по вопросам вооружения. Ярким примером этого являются его совершенно неудовлетворительное предложение о расширении производства легких полевых гаубиц. Его план содержал смехотворно малые цифры. Что же касается совершения предстоящего похода на Запад, то его, Гитлера, мнение тоже расходится с мнением главнокомандующего».

Блицкриг в Западной Европе

Осенью 1939 года военные, по словам Г. Гудериана, «надеялись на то, что быстрая победа в Польше окажет определенное политическое воздействие и западные державы удастся склонить к разумному миру». В противном случае, Германия могла быть разбита в результате англо-французского наступления. После войны генерал-лейтенант Б. Циммерман писал: «Если бы французы, имевшие тогда значительное превосходство в силах, перешли в наступление, то весьма возможно, что им удалось бы прорвать Западный вал и даже продвинуться в глубь Германии. Когда Германия начала войну с Польшей, Западный вал... был еще не готов, и работы по его созданию находились в самом разгаре».

Позже генерал Йодль заявил, что «до 1939 года мы были в состоянии разбить Польшу, но мы никогда, ни в 1938 году, ни в 1939 году, не были в состоянии выдержать концентрированный удар всех этих стран (Англии, Франции и Польши); и если мы еще в 1939 году не потерпели поражения, то это только потому, что примерно 110 французских и английских дивизий, стоявших во время нашей войны с Польшей на Западе против 23 германских дивизий, оставались совершенно бездейственными».

На Западном фронте велась «странная война», по поводу которой И. В. Сталин сказал: «Воевать-то они воюют, но война какая-то слабая: то ли воюют, то ли в карты играют». Генерал-лейтенант Б. Циммерман писал: «В критические дни осени 1939 года войска, оборонявшие эти укрепленные линии, ограничивались только тем, что изредка обстреливали друг друга и вели наблюдение». Как и прежде, поведение западных держав позволяли Гитлеру готовиться к реализации своих авантюристических планов.

В то же время страх перед началом наступления западных союзников вновь активизировал усилия антигитлеровских заговорщиков среди военных. Один из участников заговора Ульрих фон Хассель писал в своем дневнике: «Приблизительно 4 ноября 1939 г. мне сказали, что все подготовлено для покушения на Гитлера... Вдруг утром 6 ноября я узнал, что все отменено. 5 ноября генерал, в чьих руках были все нити заговора, должен был делать доклад Гитлеру по текущим вопросам. В конце доклада Гитлер неожиданно спросил его, что он еще намечает. Ничего не подозревавший генерал назвал некоторые дополнительные технические детали. После этого Гитлер воскликнул: «Нет, я не об этом спрашиваю, я догадываюсь, что вы что-то замышляете». Генерал с трудом сохранил самообладание, сделал вид, что он удивлен и ничего не знает. От Гитлера он прибежал в панике и заявил, что заговор кем-то предан. В результате от этого плана отказались. Через несколько дней стало очевидным, что никакого предательства не было, и Гитлер ничего о заговоре не знал. Он просто брал на испуг».

30 декабря 1939 г. руководители заговора Карл Гёрдлер, Йозеф Бек, Иоханнес Попитц разработали новый план переворота, который предусматривал ввод войск в Берлин и смещение Браухича с поста главнокомандующего вооруженными силами. Некий врач должен был объявить, что Гитлер не в состоянии управлять страной. После этого Гитлер должен быть посажен под стражу.

Заговорщики вступили в контакт с представителями западных держав. В ходе переговоров в Швейцарии в конце февраля 1940 г. один из руководителей заговора У. Хассель передал английскому посреднику Л. Брайансу меморандум, в котором излагались цели и принципы антигитлеровских заговорщиков. В меморандуме подчеркивалось их стремление не допустить «большевизации» Европы. В то же время заговорщики исходили из того, что Австрия и Судеты останутся в составе Германии, а восточная граница Германии будет установлена такой, какая она была в 1914 г. Таким образом, заговорщики были намерены сохранить все захваты Гитлера. В то же время они рассчитывали, что после переворота военное правительство будет признано Великобританией.

Однако отказ западных держав активно поддержать генералов, а также нежелание наиболее влиятельных из последних нанести удар по армии во время войны, заставили руководителей заговора отложить осуществление переворота. Гальдер же, являвшийся одним ведущих участников заговора, отказывался приступить к осуществлению переворота, так как в это время с энтузиазмом разрабатывал планы военной кампании на западе. В письме к Гёрдлеру Гальдер сообщал, что пришел к выводу о необходимости вести войну до победного конца.

Методы молниеносной войны, разработанные при участии германского генштаба, были применены Гитлером при захвате Дании и Норвегии. Де Йонг писал: «В датской столице многочисленные правительственные учреждения оказались захваченными немцами еще утром 9 апреля. Жившие в Копенгагене немцы с большим рвением и энтузиазмом показывали солдатам дорогу и служили переводчиками. Радио, почта, телеграф, телефон, железные дороги сразу же оказались под немецким контролем. Немцы знали точно, куда им следует направляться. Об импровизации не могло быть и речи. Сказались целые месяцы тщательной подготовки». Захват Дании, главным образом с помощью военно-морского десанта, был осуществлен так неожиданно, что датские солдаты оказали лишь незначительное сопротивление. В ходе недолгих столкновений 13 солдат датского королевства было убито и 23 ранено. На этом вооруженное сопротивление вермахту в Дании завершилось.

В ночь с 8 на 9 апреля началось вторжение в Норвегию. Описывая захват Норвегии, немецкий полковник Эгельгаф писал: «Войскам первого эшелона удалось захватить различной величины плацдармы и силами сколоченных на месте боевых групп продвинуться в направлении тех районов, где шло развертывание норвежской армии, а также к тем разведанным заранее учебным центрам, где располагались отдельные роты норвежцев... Боевым группам удалось полностью сорвать мобилизацию и развертывание норвежской армии и захватить в свои руки почти всю боевую технику и вооружение норвежцев».

Неожиданное вторжение немецких войск вызвало панику в стране. Голландская газета «Ньюве роттердамше курант» писала 14 апреля: «У входов в метро дрались обезумевшие люди, стараясь поскорее укрыться в подземных туннелях; некоторые пытались спрятаться в подъездах домов, кое-кто бежал к дворцовому парку. Часть людей бежала, или пыталась убежать из города; люди катили перед собой детские коляски, забирались на грузовики, брали приступом железнодорожные станции, где весь свободный подвижной состав заполнялся до отказа. Поезда отправлялись в сельские районы».

Де Йонг констатировал: «Все были вне себя от страха, уныния и сомнений. В то время как часть населения Осло в панике убегала с насиженных мест, немцы, хладнокровные и спокойные, вступали в город: первые отряды немецких войск двигались с аэродромов к правительственным зданиям. Примерно к полудню они захватили намеченные объекты... Никто не

знал, что необходимо предпринять. Как могло случиться, что немецкие войска среди бела дня, почти в 400 милях от ближайшего немецкого порта, смогли беспрепятственно вступить в город и спокойно расположиться во всех правительственных зданиях? Оставшееся в городе население было совершенно ошеломлено... На следующий день... выяснилось, что немцы проникли не только в Осло, но и во все другие крупные города норвежского побережья: в южной его части были заняты Кристиансунн, Эггесунн, Ставангер и Берген, в центральной части – Тронхейм, на крайнем севере – Нарвик... За всю историю не было ни одного примера такого широкого и успешного использования внезапности».

Но если для населения Дании и Норвегии вторжение немецких войск было неожиданным, то такое же нападение должны были каждый день ожидать и англо-французские войска на Западном фронте весной 1940 г. Ведь с начала сентября 1939 г. Франция и Великобритания находились в состоянии войны, англо-французские войска стояли на германской границе, а порой между противоборствующими армиями шла перестрелка. Было также известно, что Германия нападет на Францию через Бельгию, Нидерланды и Люксембург. И все же наступление немецких войск, начавшееся 10 мая 1940 года, застало западных союзников врасплох.

Еще до начала военных действий Гудериан был уверен в успехе вермахта на Западном фронте. В своих воспоминаниях он не пытался преуменьшить свой вклад в эту победу. Генерал писал: «Из теоретического анализа, сделанного человеком, не скованным никакими традициями, был сделан вывод о конструкции и использовании танков, а также об организации и использовании бронетанковых соединений, вывод, который вышел за рамки теорий, господствовавших за границей. В упорных спорах, длившихся годами, мне удалось претворить в жизнь мои убеждения раньше, чем другие армии подошли к решению аналогичных задач. Преимущество в проектируемой организации и в боевом использовании танков было первым фактором, на котором основывалась моя вера в успех. Даже в 1940 г. я почти один в германской армии верил в это».

Гудериан подчеркивал, что «Франция обладала самой сильной сухопутной армией и самыми крупными бронетанковыми силами в Западной Европе». У Франции было больше танков, чем у Германии (4800 против 2200), а «французские танки превосходили немецкие броневой защитой и калибром пушек». Правда, он отмечал, что французские танки уступали немецким «в совершенстве приборов управления и скорости». Однако, как писал Гудериан, военное руководство Франции придерживалось устаревших методов ведения военных действий, характерных для Первой мировой войны: «Несмотря на наличие этого самого сильного подвижного боевого оружия, Франция создала «линию Мажино» – самый прочный укрепленный рубеж в мире. Почему же деньги, вложенные в укрепления, не были использованы для модернизации и усиления подвижных средств? Старания де Голля и Даладье в этом направлении были оставлены без внимания. Отсюда следовал вывод, что верховное командование французской армии не признавало или не хотело признавать значения танков в маневренной войне... Немецкое командование могло с уверенностью считать, что оборона Франции с учетом использования укреплений планируется осторожно и схематично по доктрине, основанной на выводах из Первой мировой войны, т. е. на опыте позиционной войны, – высокой оценке огня и недооценке маневра. Известные нам принципы французской стратегии и тактики 1940 г., противоположные моему методу ведения боевых действий, явились вторым фактором, обосновывавшим мою веру в победу». Гудериан пришел к выводу о том, что в верхах Франции «надеялись избежать серьезной военной кампании. Пассивное... поведение французов во время зимы 1939/40 г. приводило к выводу, что желание воевать у Франции было невелико».

Генерал был убежден в том, что «целестреmlенный внезапный удар крупными танковыми силами через Седан на Амьен с выходом к Атлантическому океану встретит лишь сильно растянутый фланг противника, находящегося в готовности к выдвижению в Бельгию. Для отражения такого удара противник располагает незначительными резервами; такой удар сулил

большие надежды на успех, который при немедленном его использовании мог бы привести к окружению всех выдвинувшихся в Бельгию главных сил противника».

В своих мемуарах Уинстон Черчилль писал, что после воздушных налетов на аэропорты, центры связи, штабы, 10 мая 1940 г. «немецкие вооруженные силы ринулись на Францию через границы Бельгии, Голландии и Люксембурга. Почти в каждом случае им удалось добиться полной неожиданности. Из крошечной тьмы вдруг появилось бесчисленное количество хорошо вооруженных, энергичных штурмовых частей, часто в сопровождении легкой артиллерии и задолго до наступления дня сто пятьдесят миль фронта превратились в полосу огня... За один день вся внешняя линия обороны Голландии была захвачена... Роттердам превратился в пылающие руины. Гааге, Амстердаму и Утрехту грозила та же участь».

Генерал-лейтенант Б. Циммерман писал: «Операция повсюду развивалась очень быстро. Соединения группы армий фон Бока стремительно продвигались по Голландии, а армия генерала фон Рейхенау форсировала канал Альберта и начала наступать на Брюссель... Тем временем танковые и пехотные дивизии немцев, обгоняя друг друга, быстро выходили к Маасу. Уже в первый день наступления немцам удалось сломить довольно слабое сопротивление противника и захватить плацдармы на западном берегу Мааса. В результате этого путь для танковой группы фон Клейста был расчищен. В то время как самые боеспособные соединения левого крыла противника были втянуты в бой с группой фон Бока и шли навстречу своей гибели, немецкие танки безостановочно продвигались к морю в направлении Булони и Абвиля. Для северной группировки англо-французов создавалась угроза быть отрезанной с юга. Выйдя к Ла-Маншу, немецкие танковые соединения и наступавшая в том же направлении армия генерала фон Клюге (4-я армия) повернули на север и совместно с войсками группы армий фон Бока, наступавшими с северо-востока и востока, обрушились на вражеские армии. Войска противника во Фландрии и Артуа оказались в окружении».

Рано утром 15 мая Черчилля разбудил телефонный звонок французского премьер-министра Поля Рейно из Парижа. Волнуясь, он сообщил: «Мы побеждены! Мы разбиты!» Черчилль не верил своим ушам. «Не может быть, чтобы великая французская армия исчезла за неделю, – говорил он. Позже он писал: «Я не осознавал последствия революции, осуществленной со времени Первой мировой войны вследствие введения в бой массы быстро движущейся брони».

Развитие событий приняло такой характер, что Гитлер сам испугался небывалых успехов своей армии. 17 мая Гудериан получил приказ остановить наступление. Он писал, что к этому времени им «всецело овладела идея, которую я высказал в марте на докладе у Гитлера, а именно, завершить прорыв и не останавливаться до самого берега Ла-Манша. Я совершенно не мог себе представить, что сам Гитлер, одоббивший смелый план наступления Манштейна и не протестовавший против моего замысла осуществить прорыв, может испугаться собственной смелости и остановить наступление. Однако я чудовищно заблуждался».

Хотя приказ об остановке наступления был в тот же день отменен, вскоре Гитлер распорядился еще раз остановить наступление на англо-французские войска, окруженные под Дюнкерком. Через несколько лет после окончания войны, немецкие генералы осуждали это решение Гитлера. Гудериан писал, что 24 мая «произошло вмешательство верховного командования в проведение операции, оказавшее пагубное влияние на весь ход войны. Гитлер остановил левое крыло германской армии на реке Аа... Мы лишились дара речи». Генерал-лейтенант Циммерман так оценивал приказ Гитлера: «Это решение было, безусловно, одной из самых серьезных стратегических ошибок, когда-либо допущенных немецким командованием. Она привела к тому, что основные силы Британского экспедиционного корпуса (пусть даже без материальной части) смогли эвакуироваться в Англию и создать там основу для развертывания английских вооруженных сил. Около 300 тысяч англичан и большое количество французов сумели переправиться через пролив. Взятие немцами Дюнкерка расценивалось тогда немецкой обществен-

ностью как большая победа. На самом же деле это была неудача, так как англичане сохранили свои силы. Этот факт впоследствии оказал решающее влияние на весь ход войны».

И все же успех германской армии был грандиозным. Курт Типпельскирх писал: «В результате сокрушительных ударов в Бельгии и Северной Франции перестали существовать, кроме бельгийской армии, 30 французских и 9 английских дивизий. Французы потеряли свыше половины своих кадровых дивизий и большинство подвижных соединений». Попытки французских войск оказать сопротивление были сломлены. 14 июня был без боя сдан Париж. 17 июня Франция капитулировала. Генерал Вестфаль писал: «Теперь всё побережье Атлантического океана от Нарвика до франко-испанской границы было в немецких руках. Империя Гитлера протянулась от Бреста на западе до окраин Брест-Литовска на востоке».

Вскоре Гитлер расширил географию боевых действий вермахта. В феврале 1941 г. на помощь итальянским войскам в Ливию был направлен корпус «Африка» во главе с генерал-лейтенантом Эрвином Роммелем. К апрелю немецкий корпус, с боями продвигаясь по африканской пустыне, вышел к ливийско-египетской границе.

Гитлер решил помочь Италии и в ее неудачной кампании против Греции. Одновременно им было решено напасть на Югославию. Начальник оперативного управления генштаба генерал Альфред Йодль так записал указания Гитлера на совещании военных руководителей 27 марта 1941 года: «Фюрер полон решимости, не ожидая заявлений о лояльности со стороны нового правительства, провести все подготовительные мероприятия для того, чтобы уничтожить Югославию как в военном отношении, так и как национальное единство. Не будет сделано никаких дипломатических запросов и не будет представлено никаких ультиматумов. Будут приняты к сведению заверения, которым нельзя доверять. Нападение начнется, как только будут готовы все необходимые для этого средства и войска. Важно приступить к действию возможно быстрее... В политическом отношении особенно важно, чтобы новый удар против Югославии был нанесен с безжалостной жестокостью и чтобы военные разрушения проводились с быстротой молнии». Аналогичными принципами руководствовались и при разработке планов нападения на Грецию.

В военных действиях против Югославии и Греции, начавшихся 6 апреля 1941 г., были использованы методы блицкрига. Югославская армия совсем не имела танков. Из 1000 самолетов пригодными были лишь 300. Противотанкового и зенитного оружия было мало. К тому же вражда между сербами и хорватами привела к тому, что во время мобилизации лишь 30–40 % призывников явились на призывные пункты. После сокрушительных авиаударов на территорию Югославии устремились танковые и моторизованные дивизии вермахта. 11 апреля Хорватия провозгласила независимость и потребовала отзыва хорватов из югославской армии. 17 апреля Югославия подписала капитуляцию.

Несколько дольше времени занял захват немцами Греции. Полковник Зельмар писал: «Более решительным в бою оказался греческий противник. Первая атака, предпринятая 125-м немецким пехотным полком на Рупельском перевале против линии Метаксаса, захлебнулась под сосредоточенным огнем оборудованных на скалах огневых точек греков. Только после того, как 2-я танковая дивизия немцев, обойдя противника с фланга, прорвала греческую оборону на реке Струме и, обойдя Дойранское озеро, вышла 9 апреля к Салоникам... наступая двумя группами, танки фельдмаршала Листа начали бороздить греческий полуостров». 21 апреля в городе Лариса греческая армия капитулировала.

Правда, еще некоторое время немецкие войска выбивали из материковой части Греции и с греческих островов войска английского экспедиционного корпуса.

Таким образом, чуть более чем за три года после аншлюса Австрии Гитлер сумел не только выполнить свою программу завоеваний, изложенную 5 ноября 1937 г. и так напугавшую ведущих военачальников Германии своим авантюризмом, но многократно перевыполнил

ее. Гитлер доказал сомневающимся генералам огромные возможности молниеносных ударов танковых клиньев, о которых писали Шарль де Голль и Гейнц Гудериан.

Легкие победы и захваты целых стран в 1939–1941 гг. превратили даже бывших фрондеров в сторонников Гитлера. Говоря о позиции многих генералов в это время, участник заговора Ульрих фон Хассель писал в дневнике: «Для большинства из них карьера, в самом пошлом смысле слова, денежные подарки и жезл фельдмаршала были важнее, чем исторические цели и нравственные ценности, поставленные на карту». В отличие от подготовки к нападению на Чехословакию в 1938 г. и развертыванию кампании на Западном фронте в 1940 г., по мере завершения подготовки к нападению на СССР активность заговорщиков становилась минимальной. Один из заговорщиков Гизевиус писал: «С генералами о выступлении против Гитлера говорить невозможно... Нельзя найти такого генерала, который бы считал, что немецкий народ поддержит восстание в обстановке триумфальных побед Гитлера».

Гибель мифа о непобедимости германской армии на советской земле

Еще до нападений на Югославию и Грецию в июле 1940 г. Гитлер дал распоряжение готовиться к агрессии против СССР. После окончания войны ряд генералов уверяли, что они предупреждали Гитлера об опасностях этого похода. Генерал Гюнтер Блюментритт утверждал, что против этой военной кампании выступал фельдмаршал фон Рундштедт, сражавшийся на Восточном фронте в 1914–1917 гг. Возражали против похода в Россию главнокомандующий сухопутных сил фельдмаршал фон Браухич и начальник генерального штаба Гальдер. Особенно активно выступал против нападения на СССР генерал Кёстринг, который долго прожил в нашей стране.

Г. Блюментритт отмечал, что Гитлер, который провел Первую мировую войну на Западном фронте, не имел такого опыта. По словам генерала, в планах восточной кампании Гитлера не учитывались «бесконечные равнины, плохие или не существующие дороги, огромные болота и леса, бедные, разбросанные по местности деревни и, прежде всего, стойкий и упорный русский солдат». Вспоминая Первую мировую войну, Блюментритт писал, что «русский солдат проявлял исключительное искусство в ночных операциях и тех, что проходили в лесистой местности. Он предпочитал рукопашную схватку. Его физические требования были не велики, а его способность выстоять наперекор силы – феноменальна. Таков был солдат, которого мы знали и уважали четверть века назад. С тех пор большевики систематически переучивали молодежь этой страны. Было логично предположить, что Красная Армия окажется еще более крепким орешком, чем ее имперская предшественница».

Блюментритт указывал и на нехватку сведений о стратегическом потенциале СССР: «Самая большая нехватка разведывательных данных была в области русских танков. Мы не имели представления относительно того, сколько танков производится ежемесячно».

В ночь с 21 на 22 июня 1941 года передовые отряды трех групп германских войск («Север», которой командовал фельдмаршал Вильгельм фон Лееб, «Центр» под командованием фельдмаршала Федора фон Бока и «Юг» под начальством фельдмаршала Герда фон Рундштедта) были приведены в состояние боевой готовности. Гитлер говорил: «Когда поднимется «Барбаросса», мир затаит дыхание и замрет».

Участник Великой Отечественной войне, генерал-полковник А. Н. Ширинкин говорил о том, что гитлеровская Германия подготовилась нанести «удар неимоверной силы, невиданной в истории армий вторжения». На советской границе было сосредоточено «190 дивизий – пять с половиной миллионов человек, свыше четырех тысяч танков, около пяти тысяч самолетов, до двухсот кораблей, 48 тысяч орудий и минометов. Промышленность почти всех стран Европы работала на Гитлера... Гитлеровская армия, сосредоточившая в себе потенциал почти всей

Европы, к началу войны была полностью отмобилизована. Такое в истории войн бывало редко, даже не было никогда».

Перечисляя схожие данные о военной мощи Германии и ее союзников, автор трехтомной биограф Гитлера, И. Фест обращал внимание также на «600 000 моторизованных единиц» германской армии. Он писал: «Это была самая огромная сосредоточенная на одном театре военных действий вооруженная мощь, которую когда-либо знала история. Наряду с немецкими соединениями стояли двенадцать дивизий и десять бригад Румынии, восемнадцать финских дивизий, три венгерские бригады и две с половиной словацкие бригады, позднее к ним присоединились три итальянские дивизии и испанская «Голубая дивизия»».

Казалось, что прибегая к тем же методам «молниеносной войны», которые принесли вермахту победы в Западной Европе, немцы добились на первых порах схожих результатов. Характеризуя наступление германских войск на центральном направлении, немецкий генерал и историк Курт фон Типпельскирх писал: «Противник был застигнут врасплох и совершенно ошеломлен. На южном фланге все переправы через Буг остались не разрушенными и попали в руки немцев». Быстрое продвижение немецко-фашистских войск вызвало смятение среди многих советских людей, включая и тех, кто защищал страну с оружием в руках. Уже 22 июня первый секретарь Компартии Белоруссии П. К. Пономаренко докладывал И. В. Сталину по телефону, что командующий Белорусским военным округом генерал армии Д. Г. Павлов, «под давлением тяжелой обстановки, особенно из-за утери связи со штабами фронтовых войск... потерял возможность правильно оценивать обстановку и руководить сражающимися частями, проявляет некоторую растерянность... не сосредотачивается на главных проблемах руководства».

Многие советские военные оказались не готовыми к германскому блицкригу. Секретарь Брестского обкома М. Н. Тупицын сообщал И. В. Сталину и П. К. Пономаренко 25 июня: «Руководство 4-й Армии оказалось неподготовленным организовать и руководить военными действиями... Вторжение немецких войск на нашу территорию произошло так легко, потому что ни одна часть и соединение не были готовы принять боя, поэтому вынуждены были или в беспорядке отступать или погибнуть».

Как и в других странах-жертвах блицкрига, на советской земле были также налицо проявления паники и трусости. Секретарь Лунинецкого райкома Пинской области В. И. Анисимов сообщал: «В Пинске сами в панике подорвали артсклады и нефтебазы и объявили, что их бомбами подорвали, а начальник гарнизона и обком партии сбежали к нам в Лунинец, а потом, разобравшись, что это просто паника, вернулись в Пинск, но боеприпасы, горючее пропали, — и дискредитировали себя в глазах населения».

Быстрый прорыв танковых и механизированных частей немцев на восток позволил им уже 27 июня выйти на южную окраину Минска и соединиться с другой группой танковых войск, которые шли через Вильнюс. Несколько советских армий были окружены.

В начале июля гитлеровское руководство подвело итоги первого периода военных действий на советско-германском фронте. За первые три недели войны немецко-фашистским захватчикам удалось оккупировать Литву, Латвию, часть Молдавии, почти всю Белоруссию, часть Эстонии, значительную часть правобережной Украины. 8 июля в своем приказе командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Бок писал: «Сражение в районе Белосток – Минск завершено. Войска группы армий сражались с четырьмя русскими армиями, в состав которых входило около 32 стрелковых, 8 танковых дивизий, 6 мотомеханизированных бригад и 3 кавалерийские дивизии. Из них разгромлено 22 стрелковых дивизии, 7 танковых дивизий, 6 мотомеханизированных бригад, 3 кавалерийские дивизии. Боевая мощь остальных соединений, которым удалось избежать окружения, также значительно ослаблена. Потери противника в живой силе очень велики. Подсчет пленных и трофеев к сегодняшнему дню выявил: 287 704 пленных, в том числе несколько командиров корпусов и дивизий, 2585 захваченных

или уничтоженных танков, 1449 орудий, 246 самолетов, множество ручного оружия, боеприпасов, транспортных средств, склады продовольствия и горючего. Наши потери не выше, чем те, какие готовы понести мужественные войска».

Перехват инициативы позволил Гитлеру заявить 29 июня 1941 года: «Через четыре недели мы будем в Москве, и она будет перепажана». Гиммлер считал, что Москва будет взята 4 августа, Гальдер назначал день падения советской столицы на 25 августа. Позже Гитлер говорил бывшему германскому послу в СССР графу Курту фон Шуленбургу, что Москва будет взята 15 августа, а вся война на Востоке закончится 1 октября.

Однако руководители Германии и ее вооруженных сил не учитывали того обстоятельства, что, вторгнувшись в СССР, вермахт имел против себя иного противника, чем армии западноевропейских стран. Несмотря на растущий натиск войск Германии и её союзников, несмотря на поддержку, оказанную им вооруженными пособниками в Прибалтике и на Западной Украине, несмотря на проявления паники и неразберихи в первые дни войны, советские люди оказывали все возрастающее, активное сопротивление агрессору. Гальдер записал уже 22 июня: «После первоначального «столбняка», вызванного внезапностью нападения, противник перешел к боевым действиям. Без сомнения, на стороне противника имел место факт тактического отхода... Признаков же оперативного отхода не было и следа».

Описывая события первого дня войны, Гудериан признавал: «Вскоре противник оправился от первоначальной растерянности и начал оказывать упорное сопротивление. Особенно ожесточенно оборонялся гарнизон имеющей важное значение крепости Брест, который держался несколько дней, преградив железнодорожный путь и шоссе, ведущие через Западный Буг в Мухавец».

24 июня Гудериан неожиданно натолкнулся на «русскую пехоту, державшую под огнем шоссе, по которому должно идти наступление... Я вынужден был вмешаться и огнем пулемета из командирского танка заставил противника покинуть свои позиции». Однако в тот же день генерал опять попал под огонь красноармейцев. «Русские танки, – писал Гудериан, – обнаружили нас; в нескольких шагах от места нашего нахождения разорвалось несколько снарядов; мы лишились возможности видеть и слышать. Будучи опытными солдатами, мы тотчас бросились на землю, и только не привыкший в войне бедняга полковник Феллер, присланный к нам командующим резервной армией, сделал это недостаточно быстро и получил весьма неприятное ранение. Командир противотанкового дивизиона подполковник Дальмер-Цербе получил тяжелое ранение и через несколько дней умер».

Лишь после войны немецкие генералы признали, что даже в ходе успешных для них приграничных сражений не все задачи, поставленные перед тремя группами войск, были выполнены. Генерал Бутлар писал: «Хотя группа армий «Центр» в результате двух сражений за Белосток и Минск добились решающей победы, приведшей к уничтожению основной массы противника, однако две другие группы армий попросту гнали противника перед собой, не имея возможности навязать ему решающее сражение. Ведя тяжелые кровопролитные бои, войска группы армий «Юг» могли наносить противнику лишь фронтальные удары и теснить его на восток. Моторизованным немецким соединениям ни разу не удалось выйти на оперативный простор или обойти противника, не говоря уже об окружении сколько-нибудь значительных сил русских... Группе «Север» нигде не удалось окружить и уничтожить какие-либо крупные силы противника».

Даже там, где немцы окружали советские части, последние не сдавались врагу. Блюментритт признавал: «Окружения редко были полностью успешными, и большие группы окруженного противника часто выскальзывали из кольца на восток».

Успехи немцев были достигнуты ими немалой ценой. Бутлар писал: «В результате упорного сопротивления русских уже в первые дни боев немецкие войска понесли такие потери в людях и технике, которые были значительно выше потерь, известных им по опыту кампаний

в Польше и на Западе». За это время вермахт потерял 92 тысячи убитыми и ранеными, до половины своих танков и около 1300 самолетов. Бутлар констатировал: «Стало совершенно очевидно, что способ ведения боевых действий и боевой дух противника, равно как и географические условия данной страны, были совсем непохожими на те, с которыми немцы встретились в предыдущих «молниеносных войнах», приведших к успехам, изумившим мир».

Первые дни войны дали примеры героизма многих советских людей. Гальдер писал: «Следует отметить упорство отдельных русских соединений в бою. Имели случаи, когда гарнизоны дотов взрывали себя вместе с дотами, не желая сдаваться в плен». Мужественно сражались защитники Брестской крепости, Перемышля, Либава. Хотя советская военно-морская база Либава (Либава) пала 28 июня, немецкий историк Пауль Карелл признавал: «Оборона была организована блестяще. Солдаты хорошо вооружены и фанатически храбры... Они показали в Либаве наилучшие элементы советского военного искусства. Но эта победа была горьким уроком: в Либаве впервые выяснилось, на что способен красноармеец при обороне укрепленного пункта, когда им руководят решительно и хладнокровно». Немецко-фашистские и румынские захватчики долго не могли занять всю территорию Молдавии. На Крайнем Севере противник не сумел продвинуться далеко от границы. В Историческом музее Мурманска находится пограничный знак заставы Рестикент, которая так и не была сдана врагу за все годы войны.

Упорное сопротивление советских войск сорвало расчеты на быстрый разгром Советского Союза. Явное отставание немецких войск от намеченного Гитлером графика вызвало у него раздражение. Типпельскирх писал: «Когда в июле группы немецких армий еще успешно вели наступление и войска, хотя и с непривычным напряжением, но с чувством уверенности в своем превосходстве сражались с упорным противником, с такой необычной, прямо-таки допотопной страной и с ее коварным климатом, между Гитлером и Браухичем, а также начальником генерального штаба Гальдером возникли разногласия относительно дальнейшего ведения операций. По мере того, как три группы приближались к своим первоначально намеченным целям, эти разногласия все более обострялись».

Вопреки мнению Гальдера и Браухича, считавших необходимым сосредоточить все силы для захвата Москвы, Гитлер приказал направить главный удар на захват Ленинграда, Крыма, Донбасса и подступов к Кавказу. Типпельскирх писал: «Главнокомандующий сухопутными силами после того, как он исчерпал все возможности доказать правильность своих соображений, подчинился данным ему приказам. Но между ним и Гитлером лежала теперь целая пропасть, и, хотя внешние противоречия и были на какое-то время преодолены, это глубокое расхождение готово было проявиться по любому серьезному поводу».

Следствием решения Гитлера была долгая битва за Киев. Хотя она была выиграна немцами, потери в живой силе и технике в ходе боев за столицу Украины, а также утрата времени, были невосполнимыми. И все же Гитлер пытался одержать решающую победу до конца года. К началу октября 1941 г., по свидетельству Гудериана, «три четверти всей германской армии были предназначены для... наступления на Москву». Опять немецким войскам удалось окружить значительное число советских войск, а танкам оказаться в предместьях Москвы. Однако наступление, достигнутое дорогой ценой, захлебнулось.

Став командующим 2-й танковой армией 5 октября 1941 г., Гудериан вспоминал, что «в этот день я получил довольно внушительное представление об активности русской авиации. Сразу же после моего приземления на аэродроме в Севске произошел налет русской авиации на этот аэродром, где находилось до 20 немецких истребителей». На другой день 6 октября «южнее Мценска 4-я танковая дивизия была атакована русскими танками, и ей пришлось пережить тяжелый момент. Впервые проявилось в резкой форме превосходство русских танков Т-34. Дивизия понесла значительные потери. Намеченное быстрое наступление на Тулу пришлось пока отложить».

В эти дни, вспоминал Гудериан, поступали «особенно неутешительные донесения о действиях русских танков, а главное, об их новой тактике. Наши противотанковые средства того времени могли успешно действовать против танков Т-34 только при особо благоприятных условиях. Например, наш танк Т-IV со своей короткоствольной 75-мм пушкой имел возможность уничтожить танк Т-34 только с тыльной стороны, поражая его мотор через жалюзи. Для этого требовалось большое искусство. Русская пехота наступала с фронта, а танки наносили массированные удары по нашим флангам. Они кое-чему уже научились... Потери русских были значительно меньше наших потерь».

После боев 11 октября Гудериан признавал: «В бой было брошено большое количество русских танков Т-34, причинивших большие потери нашим танкам. Превосходство материальной части наших танковых сил, имевшее место до сих пор, было отныне потеряно и теперь перешло к противнику. Тем самым исчезли перспективы на быстрый и непрерывный успех».

28 октября, как вспоминал Гудериан, «нам было передано пожелание Гитлера «захватить нашими подвижными батальонами» мосты через Оку восточнее Серпухова». Однако, как признавал Гудериан, «подвижных батальонов» уже не было. Гитлер жил в мире иллюзий».

Г. Блюментритт писал: «С изумлением и разочарованием мы открыли в октябре и начале ноября, что разбитые русские кажется не подозревают о том, что они перестали существовать как военная сила. Сопротивление противника усилилось и сражения стали все более жестокими каждый день».

6 ноября 1941 г. Гудериан написал письмо, в котором говорилось: «Наши войска испытывают мучения, и наше дело находится в бедственном состоянии, ибо противник выигрывает время, а мы со своими планами находимся перед неизбежностью ведения боевых действий в зимних условиях. Поэтому настроение у меня очень грустное... Единственная в своем роде возможность нанести противнику мощный удар улетучивается все быстрее и быстрее, и я не уверен, что она может когда-либо возвратиться».

После окончания войны из одной книги немецких авторов в другую кочевали обвинения русских морозов в срыве наступления немцев на Москву. Карелл говорил о том, что морозы якобы достигли 54 градусов, а Гудериан писал даже о 68 градусов. О том, что такие морозы превратили бы Москву и Подмоскowie в тундру, эти авторы не задумывались. На самом деле, как указывал немецкий военный историк К. Рейнгард, температура воздуха в ноябре под Москвой была на уровне –5 градусов. Ее наибольшее понижение до –20 градусов произошло между 13 и 18 ноября.

Главным фактором, приведшим к разгрому наступавших гитлеровских войск, стала Красная Армия. Маршал Жуков писал: «Нет! Не дождь и снег остановили фашистские войска под Москвой. Более чем миллионная группировка отборных гитлеровских войск разбилась о железную стойкость, мужество и героизм советских войск, за спиной которых был их народ, столица, Родина». Эти качества советские бойцы проявляли в условиях, когда на стороне противника было явное преимущество в численности войск и качестве вооружения.

В то же время очевидно, что германская армия была не подготовлена к зимней кампании и это лишний раз свидетельствовало об авантюризме Гитлера и его военачальников. Генерал Блюментритт признавал, что немецким солдатам «суждено было провести свою первую зиму в России в тяжелых боях, располагая только летним обмундированием, шинелями и одеялами». В то же время, замечал генерал, «личный состав большинства русских частей был обеспечен меховыми полушубками, телогрейками, валенками и меховыми шапками-ушанками. У русских были перчатки, рукавицы и теплое нижнее белье». 14 ноября Гудериан констатировал: «Снабжение войск было плохим... Значительная часть солдат были одеты в брюки из хлопчатобумажной ткани, и это – при 22-градусном морозе! Острая необходимость ощущалась также в сапогах и чулках».

23 ноября Гудериан доложил командующему группой «Центр» фельдмаршалу фон Боку «о том, что 2-я танковая армия находится в весьма тяжелом состоянии и что ее войска, особенно пехотные части, чрезвычайно утомлены; я указал на отсутствие зимнего обмундирования, на плохую работу службы тыла, незначительное количество танков и орудий, а также на угрозу сильно вытянутому восточному флангу со стороны свежих сил противника, прибывающих с Дальнего Востока в район Рязань, Коломна».

Предложение Гудериана о переходе к обороне было отвергнуто. Генерал пришел к выводу, что Браухич, Кейтель и Гитлер являются «сторонниками продолжения наступления».

5-6 декабря началось контрнаступление Красной Армии под Москвой. До этого Красная Армия перешла в контрнаступление в районе Тихвина и Ростова-на-Дону. Попытка повторить молниеносную военную кампанию, подобную тем, что до сих пор с успехом проводились в Западной Европе, окончилась неудачей. Гудериан с горечью писал: «Наступление на Москву провалилось. Все жертвы и усилия наших доблестных войск оказались напрасными». Не желая признавать собственных ошибок, генерал писал: «Мы потерпели серьезное поражение, которое из-за упрямства верховного командования повело в ближайшие недели к роковым последствиям».

8 декабря Гитлер подписал директиву № 39 о переходе к обороне на всем советско-германском фронте. Директива предписывала удерживать в руках районы, имеющие оперативно-стратегическое и военно-хозяйственное значение. Однако приказ было невозможно выполнить. Германские войска отступали на запад.

16 декабря Гитлер, вызвав Гудериана к телефону, «потребовал стойко держаться, запретив отходить, пообещал перебросить по воздуху пополнение». Однако отступление армии Гудериана продолжалось.

Отступали и другие армии.

Гитлер винил в отступлении генералов. Он вызвал Гудериана к себе и в течение пяти часов вел с ним спор, убеждая генерала в возможности удержать позиции под Москвой. Гудериан возражал, а потому 26 декабря он был отправлен в отставку.

В течение зимы 1941–1942 гг. были смещены со своих постов командующие всех трех групп германских войск («Север», «Центр» и «Юг») – фельдмаршал фон Лееб, фельдмаршал фон Бок и фельдмаршала фон Рундштедт. В отставку были отправлены генералы Гёпнер, Гейер, Гот, Ферстер, Кюблер. При этом генерал Гёпнер был лишен права носить мундир и ордена, утратил права на пенсию и служебную квартиру. Генерал-полковник Штраус объявил себя больным. Генерал фон Шпонек, командовавший войсками на Керченском полуострове, был уволен за отступление своих войск, затем лишен звания, арестован и расстрелян. В отставку был отправлен главнокомандующий сухопутными войсками фон Браухич. Его место занял сам Гитлер.

Нацистская пропаганда позже уверяла, что лишь твердые действия Гитлера зимой 1941–1942 гг. спасли вермахт от разгрома, а рейх – от поражения. 31 марта 1945 г. Геббельс писал в дневнике: «Генералы сухопутных войск тогда совсем потеряли голову: они впервые оказались перед лицом такого кризиса, а до этого знавали только победы. Вот они и решили отступить вплоть до границ рейха... Если бы мы это сделали, то война закончилась бы, вероятно, еще зимой 1941/42 года».

Хотя Гитлер винил своих военачальников в провале планов «молниеносной войны» на советской земле, на самом деле разгром немецко-фашистских войск под Москвой и их отступление по всему фронту означал крах политики агрессии, за проведение которой были ответственны как Гитлер, так и его генералы. Как и Гитлер, они были виновны не только в развязывании кровопролитной войны против народов СССР, но и в бесчеловечных преступлениях на советской земле.

Ответственность германских военачальников за военные преступления

Хотя разгром немецко-фашистских войск под Москвой похоронил миф о непобедимости германского оружия, он не привел к краху вермахта и рейха. Значительная часть советских земель, захваченных после 22 июня 1941 г., оставалась в руках немецко-фашистских оккупантов. Там был установлен режим террора, в реализации которого принимали активное участие немецкие войска и их военачальники. Основы этой политики были разработаны еще до нападения на Советский Союз. В приговоре Международного военного трибунала в Нюрнберге говорилось: «12 мая 1941 г., за пять недель до вторжения в СССР ОКВ настойчиво требовало от Гитлера издания командованием сухопутных сил директивы о ликвидации политических комиссаров армий. Кейтель признал, что эта директива была передана командирами в действующую армию. 13 мая Кейтель подписал приказ о том, что лица из числа гражданского населения, подозреваемые в преступлениях против войск, должны расстреливаться без суда и что судебное преследование против гражданского населения не является необходимым».

В своем приказе от 23 июля 1941 г., изданном по проекту А. Йодля, начальник штаба верховного главнокомандования генерал-фельдмаршал В. Кейтель писал: «Учитывая громадные пространства оккупированных территорий на Востоке, наличных вооруженных сил для поддержания безопасности на этих территориях будет достаточно лишь в том случае, если всякое сопротивление будет караться не путем судебного преследования виновных, а путем создания такой системы террора со стороны вооруженных сил, которая будет достаточна для того, чтобы искоренить у населения всякое намерение сопротивляться. Командиры должны изыскать средства для выполнения этого приказа путем применения драконовских мер».

16 сентября 1941 г. Кейтель приказал: «Чтобы в корне задуть недовольство, необходимо по первому поводу, незамедлительно принять наиболее жесткие меры, чтобы утвердить авторитет оккупационных властей... При этом следует иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит и что устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жесткости... Устрашающие действия могут быть достигнуты путем необычайной жестокости, как искупление за жизнь немецких солдат... Искуплением за жизнь немецкого солдата в этих случаях, как правило, должна служить смертная казнь 50-100 коммунистов. Способ казни должен увеличивать степень устрашающего воздействия... Войска... имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства без ограничения также против женщин и детей, если это только способствует успеху».

Положения этого приказа дополнялись множеством других приказов, написанных немецкими военачальниками. 2 ноября 1941 г. комендант Киева генерал-майор Эбергард издал приказ, в котором говорилось: «Участившиеся в Киеве случаи поджогов и саботажа заставляют меня прибегнуть к строжайшим мерам. Поэтому сегодня расстреляны 300 жителей Киева. За каждый новый случай поджога или саботажа будут расстреляны значительно большее количество жителей Киева».

Безжалостным было отношение к военнопленным. Приказ 88-го полка 34-й дивизии вермахта гласил: «Не задумываясь, снимать у военнопленных обувь». Циркуляр 234-го полка 56-й дивизии от 6 июня 1941 г. «О принципах снабжения в восточном пространстве» указывал: «На снабжение одеждой не рассчитывать. Поэтому особенно важно снимать с военнопленных годную обувь и немедленно использовать всю пригодную одежду, белье, носки и т. д.».

Пленных кормили недоброкачественной, а то и вредной для питания едой. В приказе 88-го полка 34-й дивизии было сказано: «Конские трупы будут служить пищей для русских военнопленных». Инструкция германского командования об обращении с советскими военнопленными гласила: «Против малейших признаков непослушания действовать энергично и

прямо, оружием пользоваться беспощадно. Мягкотелость, даже перед послушным и трудолюбивым пленным, доказывает лишь слабость и не должна иметь места». Приказ по 60-й мотопехотной дивизии гласил: «Русские солдаты и младшие командиры очень храбры в бою, даже отдельная маленькая часть всегда принимает атаку. В связи с этим нельзя допускать человеческого отношения к пленным. Уничтожение противника огнем и холодным оружием должно продолжаться до его полного обезвреживания».

Реализация этих приказов привела к массовому уничтожению военнопленных, которому предшествовали издевательства и бесчеловечные пытки над ними. В ноте народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова от 25 ноября 1941 г. говорилось: «Советским Военным Командованием установлены многочисленные факты, когда захваченные в плен, большей частью раненые, красноармейцы подвергаются со стороны германского военного командования и германских воинских частей зверским пыткам, истязаниям и убийствам. Пленных красноармейцев пытаются раскаленным железом, выкалывают им глаза, отрезают ноги, руки, уши, носы, отрубают пальцы на руках, вспарывают животы, привязывают к танкам и разрывают на части». В ноте приводились многочисленные примеры такого рода.

В ноте В. М. Молотова от 27 апреля 1942 г. говорилось: «На всем протяжении фронта, от Арктики до Черного моря, обнаружены трупы замученных советских военнопленных. Почти во всех случаях эти трупы носят следы страшных пыток, предшествовавших убийству». В ноте опять приводились многочисленные примеры жестоких пыток, совершенных над пленными.

Одновременно планомерному уничтожению подвергалось и мирное население. Миллионы советских людей были уничтожены в ходе карательных операций, были убиты как заложники, стали жертвами политики разграбления, вызвавшей массовый голод и рост болезней. Ответственность за эти преступления несли не только отряды СС, но и значительно более многочисленные и не уступавшие им по жестокости войска вермахта и их военачальники.

Дорога к Сталинграду и обратно

Поражения, понесенные немецко-фашистскими войсками зимой 1941–1942 гг. на советско-германском фронте, не остановили попыток Гитлера и его генералов продолжить поход на Восток. Так как предпринятые в первой половине 1942 года попытки Красной Армии развернуть наступление против немецких войск кончились неудачно, 28 июня 1942 г. началось новое генеральное наступление немецко-фашистских войск на Кавказ и Волгу.

Сначала наступление развивалось успешно и, по словам Шпеера, «Гитлер был в восторге. Опять он доказал, что он был прав, а его генералы ошибались, потому что они выступали против наступления и высказывались за оборонительную тактику, лишь порой проводя меры по выпрямлению фронта. Даже генерал Фромм повеселел, хотя в начале операции он говорил мне, что наступление – это для нас непозволительная роскошь». Однако через два месяца наступления Шпеер заметил, что «лица людей в окружении Гитлера помрачнели, а сам Гитлер стал утрачивать свою самоуверенность».

Находившийся в это время не у дел Гудериан внимательно следил за ходом операций. В своих воспоминаниях он писал: «Операции снова проводились рассредоточено. Поставленные при этом цели не соответствовали возможностям наших войск, ослабленных во время зимней кампании 1941–1942 гг. Как и в августе 1941 г. Гитлер преследовал экономические и политические цели, которых он хотел достигнуть еще до того, как будет сломлена военная мощь противника. Овладение нефтяными месторождениями, расположенными в районе Каспийского моря, нарушение судоходства по Волге и парализация сталинградской промышленности – вот те цели, которые служили основанием для принятия этих, не понятных с военной точки зрения, решений в выборе операционных направлений».

Гитлер настаивал на быстром прорыве в Закавказье. Напрасно Гальдер показывал ему фотографии, сделанные в ходе аэрофотосъемки. На них, по словам Шпеера, был виден «непроходимый орешник возле Сочи». Напрасно Гальдер говорил, что «русские могут сделать легко дороги вдоль побережья непроходимыми в течение долгого времени, взорвав ряд отвесных склонов». В ответ Гитлер говорил: «Эти трудности могут быть преодолены, как преодолеваются все трудности. Сначала мы должны овладеть дорогой. Затем перед нами будет открыт путь к равнинам Кавказа. Там мы можем свободно разместить наши армии и установить центры снабжения. Через год-два мы начнем наступление в подбрюшье Британской империи. С минимальными усилиями мы сможем освободить Персию и Ирак. Индийцы встретят нас с восторгом». В типографиях Германии печатали немецко-персидские разговорники.

Однако, узнав о том, что немецкие солдаты водрузили флаг со свастикой над Эльбрусом, Гитлер пришел в ярость. Он увидел в этом попытку уклониться от выполнения задачи прорыва к Сухуми, которую он ставил перед своими войсками. Он даже требовал, чтобы «безумных альпинистов» судили военным трибуналом.

Несмотря на быстрое продвижение вперед к Сталинграду и Кавказскому хребту, на сей раз немецким войскам не удалось окружить части Красной Армии. Характеризуя обстановку к началу осени 1942 г., К. Типпельскирх писал: «Немецкие войска... были ослаблены, они понесли тяжелые потери, численность некоторых частей и подразделений снизилась до четверти штатной численности. Далеко не достаточные пополнения не отвечали суровым боевым требованиям... Это все больше беспокоило генеральный штаб германских сухопутных сил, возглавляемый Гальдером». Сомнения в успехе действий, на которых настаивал Гитлер, выражали и другие военачальники. Шпеер писал, что, оказавшись осенью 1942 г. в ставке Гитлера в Виннице, он «обнаружил, что Гитлер поссорился с Кейтелем, Йодлем и Гальдером. Он отказывался обмениваться с ними рукопожатиями и не обедал вместе с ними... Тесным отношениям Гитлера с военачальниками пришел конец».

Правда, в дальнейшем Кейтелю и Йодлю удалось наладить отношения с Гитлером. При этом Кейтель старательно демонстрировал свою преданность фюреру. Поэтому, когда позже адъютант Гитлера Шмундт предложил заменить Кейтеля фельдмаршалом Кессельрингом, Гитлер сказал, что не может обойтись без Кейтеля, «поскольку он предан ему, как собака».

Сумел восстановить свои отношения с Гитлером и Йодль. По словам Шпеера, «Йодль также редко возражал Гитлеру открыто. Он действовал дипломатично. Обычно он не выражал свои мысли сразу, обходя трудные ситуации. Позже он мог убедить Гитлера изменить свою точку зрения и пересмотреть принятое решение. Его отдельные замечания о Гитлере свидетельствовали, что его Йодль трезво оценивал».

Однако с Гальдером отношения так и не были восстановлены. Типпельскирх писал: «Со своими постоянными сомнениями и предостережениями он стал для Гитлера таким же невыносимым, каким был десять месяцев тому назад главнокомандующим сухопутными силами, и 24 сентября Гитлер сместил его с поста начальника генерального штаба».

Новым начальником генерального штаба был назначен генерал Курт Цейтцлер. Гудериан писал: «В связи с этой сменой было решено изъять из ведения начальника генерального штаба подбор кадров для генерального штаба и передать его в ведение управления личного состава, подчинявшегося непосредственно Гитлеру. Это решение лишило начальника генерального штаба одного из последних прав, остававшегося у него в области осуществления общего руководства генеральным штабом. Цейтцлер тиетно протестовал против этого решения. Смещением Гальдера Гитлер завершил, наконец, раскол, который он не провел осенью 1939 г., хотя уже в тот период у него появилось глубокое и непреодолимое недоверие к руководящим лицам армии. В продолжении трех лет, вопреки своим внутренним убеждениям, работали вместе люди противоположных стремлений и питающие друг к другу чувство глубокого недоверия.

Изменится ли положение в будущем? Будет ли Гитлер доверять Цейтцлеру больше, чем Браухичу и Гальдеру? Будет ли он отныне прислушиваться к совету военных специалистов?»

Гудериан вспоминал: «Новый начальник генерального штаба приступил к работе с большим рвением. Он часто защищал перед Гитлером свою точку зрения и боролся за то, чтобы переубедить Гитлера». Позже Цейтцлер так характеризовал обстановку на новой работе: «Атмосфера казалась жуткой и невероятной. Она складывалась из недоверия и злости. Никто не верил своим коллегам. Гитлер подозревал всех».

Вскоре новый начальник штаба представил Гитлеру предложение об отводе войск из Сталинграда, ссылаясь на возможность скорого начала зимнего наступления Красной Армии. Однако Гитлер, Кейтель и Йодль были против отвода немецких войск.

19-20 ноября 1942 г. войска Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов перешли в наступление. Узнав об этом, Цейтцлер сразу же связался с Гитлером, находившимся в это время в поезде между Мюнхеном и Берхтесгаденом. Начальник генерального штаба предлагал Гитлеру немедленно вывести 6-ю армию под командованием генерала Паулюса из Сталинграда. Однако Гитлер не желал и слышать об этом. Он уверял: «Сталинград надо удерживать. Это – ключевая позиция. Разрывая транспорт по Волге, мы создаем русским огромные трудности. Как они будут перевозить свое зерно с юга России на север?»

Необходимость отвода армий Паулюса Цейтцлер продолжал доказывать и при личной встрече. В ответ Гитлер кричал: «Я не оставлю Волгу! Я не уйду назад от Волги!» Всякий раз Гитлер получал поддержку со стороны Кейтеля и Йодля.

По решению Гитлера была предпринята попытка деблокировать окруженную группировку Паулюса войсками под командованием генерал-фельдмаршала Манштейна. После тяжелых боев эта попытка провалилась. Два с половиной месяца войска Паулюса вели бои против наступавших советских войск, а кольцо окружения сжималось. 31 января Гитлер произвел Паулюса в фельдмаршалы, ожидая, что тот покончит жизнь самоубийством, но не сдастся в плен. Однако в этот день командующий 6-й армией Паулюс принял ультиматум советских войск и капитулировал.

Гейбельс записал в своем дневнике: «Фюрер очень зол из-за поведения Паулюса... Он намерен после войны предать Паулюса вместе с его генералами военному трибуналу, так как тот отказался выполнить приказ сражаться до последнего патрона».

В Германии был объявлен трехдневный траур по погибшим. Типпельскирх писал, что катастрофа под Сталинградом «потрясла немецкую армию и немецкий народ... Там произошло нечто непостижимое, не пережитое с 1806 года – гибель окруженной противником армии». Генерал Бутлар считал, что под Сталинградом в плен было взято «около 90 тысяч человек (около 34 тысяч раненых были эвакуированы из окружения на самолетах, свыше 100 тысяч погибли в бою либо умерли от болезней, многие покончили жизнь самоубийством, чтобы избежать плена). Германия не просто проиграла битву и потеряла испытанную в боях армию, она потеряла ту славу, которую она приобрела в начале войны и которая уже начала меркнуть в боях под Москвой зимой 1941 года. Это была потеря, которая в самом скором времени должна была исключительно отрицательно повлиять на весь ход войны и в первую очередь поколебать внешнеполитические позиции Германии».

По оценке Г. К. Жукова, «общие потери вражеских войск в районе Дона, Волги, Сталинграда составили около 1,5 миллиона человек, до 3500 танков, и штурмовых орудий, 12 тысяч орудий и минометов. Такие потери сил и средств катастрофически отразились на общей стратегической обстановке и до основания потрясли всю военную машину гитлеровской Германии».

Активизация заговора против Гитлера и провал реванша под Курском

Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом и начало наступления Красной Армии заставили Гитлера вернуть из опалы Гудериана. 20 февраля 1943 г. Гудериан прибыл в Винницу, в ставку Гитлера. Когда генерал вошел к Гитлеру, то увидел свои книги о танках на письменном столе.

Гитлер заявил генералу: «В 1941 г. наши пути разошлись. В то время между нами имели место недоразумения, о чем я очень сожалею. Вы мне нужны». Гудериан охотно принял предложение Гитлера стать генерал-инспектором бронетанковых войск. Гитлер задумал сделать ставку на новые танки рейха, которые должны были нанести сокрушительный удар по Красной Армии и вернуть Германии инициативу в войне.

В то же время поражение под Сталинградом привело к росту недовольства военных Гитлером. По воспоминаниям Шпеера, во время его беседы с Гудерианом и Цейтцлером неожиданно разговор зашел о том, что Гитлер берет на себя руководство армии, но не осуществляет его. Оба военачальника говорили о том, что Гитлер смещает и назначает генералов, которых толком не знает. Гудериан подчеркивал, что Гитлер не вмешивается в кадровые дела военно-морского флота и военно-воздушных сил, но постоянно наказывает армию. Все трое участников беседы были единодушны в одном: надо назначить нового командующего сухопутной армии. Однако попытки Гудериана, Шпеера, а также фельдмаршалов фон Клюге и фон Манштейна завести разговор на эту тему с Гитлером быстро прерывались последним.

Тогда фельдмаршалы Манштейн и Клюге направились в ставку Гитлера в Растенбург, чтобы потребовать передачи в их руки ведение операций на Восточном фронте. Хотя слухи об их намерении широко распространились и об их планах Геринг говорил Геббельсу 2 марта 1943 г., решимость генералов испарилась в ставке Гитлера и там они лишь подтвердили свою верность фюреру.

И все же настроения среди военачальников Германии вызывали тревогу среди вождей нацистского рейха. Судя по записям Геббельса, 2 марта 1943 г. «Геринг очень сурово осуждал генштаб. Он особенно настроен против Йодля, который, по словам Геринга, начал распространять анекдоты о фюрере... Геринг считает, что методы работы генштаба совершенно порочны... Геринг считает, что лишь генерал Шмундт является единственным честным лицом в генштабе, внушающим доверие. Остальные генералы, включая тех, что находятся на фронте, пользуются сложившейся обстановкой для того, чтобы создать трудности для фюрера». Геббельс поддержал Геринга, заметив: «Надо быть начеку в отношении генералов старого вермахта и рейхсвера... Они стараются настроить нас друг против друга».

В это время активизировались военные заговорщики. Гёрдлер провел беседу с Гудерианом, пытаясь вовлечь его в заговор, но тот ответил отказом на это предложение. Более того, в ходе беседы Гудериан призывал Гёрдлера отказаться от своих намерений. Правда, Гудериан не выдал Гёрдлера.

На март 1943 г. было намечено осуществление операции «Вспышка», предусматривавшее осуществление военного переворота и убийство Гитлера, Геринга и Гиммлера. Одновременно предпринимались попытки договориться с западными державами о «почетном мире». С этой целью начались переговоры между представителями военных заговорщиков с Алленом Даллесом, который, находясь в Швейцарии, с ноября 1942 г. возглавлял Бюро стратегических служб США (в последующем ЦРУ).

13 марта, когда Гитлер возвращался из Смоленска в Растенбург, на борт самолета была подложена бомба. Заговорщики ждали, что летчики истребителей, сопровождавших самолет

с Гитлером, скоро сообщат о взрыве, который должен был произойти над Минском. Однако бомба не взорвалась.

Было решено убить Гитлера, а также сопровождавших его Гиммлера, Геринга и Кейтеля 21 марта во время церемонии в день поминовения героев войн. Полковник фон Герсдорф вызвался взорвать себя, чтобы уничтожить Гитлера и других руководителей рейха. Однако бомба могла взорваться лишь через 10 минут после введения механизма в действие. В последнюю минуту Герсдорф узнал, что на церемонию будет отведено 8 минут. Неудача заговорщиков не остановила ни их попыток совершить теракт, ни их контактов с западными разведками.

Тем временем Гитлер продолжал разработку плана реванша за поражения на советско-германском фронте. 15 апреля 1943 года Гитлер подписал оперативный приказ № 6, в котором были изложены задачи войск в наступательной операции «Цитадель». План германского командования предусматривал нанесение ударов на Курск с севера из района Орла и с юга из района Белгорода. Посредством обходного движения групп армий «Центр» и «Юг» предполагалось в течение 4 дней достичь Курска и окружить советские войска, расположенные на выступе фронта, получившего название «Курская дуга». Германский историк Гёрлиц пояснял, что затем «можно было думать, что делать – повернуть ли на север, на Москву, или уготовить русской армии на юге перед Донцом и линией по Миусу новые «Канны». 18 апреля Манштейн направил Гитлеру письмо, в котором подчеркивал: «Теперь надо бросить все силы для достижения успеха операции «Цитадель»... Победа под Курском возместит нам временные неудачи на других участках фронта».

Гудериан отмечал, что план, разработанный Цейтцлером, предусматривал «при помощи двойного флангового охвата уничтожить ряд русских дивизий под Курском... Начальник генерального штаба хотел применением новых танков «тигр» и «пантера», которые должны были, по его мнению, принести решающий успех, снова захватить инициативу в свои руки».

В ходе совещаний с участием Гитлера, проведенных 3–4 мая 1943 г., Гудериан, по его словам, «заявил, что наступление бесцельно; наши только что подтянутые на Восточный фронт свежие силы при наступлении по плану начальника штаба будут снова разбиты, ибо мы наверняка понесем тяжелые потери в танках. Мы не в состоянии еще раз пополнить Восточный фронт свежими силами в течение 1943 г. ... Кроме того, я указал, что у танка «пантера», на который начальник генерального штаба сухопутных войск возлагал большие надежды, обнаружено много недостатков, свойственных каждой новой конструкции, и что трудно надеяться на их устранение до начала наступления». Министр вооружений Альберт Шпеер поддержал Гудериана. Однако, по словам генерала, «только мы двое были единственными участниками этого совещания, которые на предложение Цейтцлера ясно ответили «нет». Гитлер, который еще не был полностью убежден сторонниками наступления, так и не пришел в этот день к окончательному решению».

И все же, в конечном счете, Гитлер дал «добро» на развертывание операции «Цитадель». По словам Типпельскирха, «наступление, предпринятое 5 июля обеими немецкими армиями одновременно с севера и юга, несмотря на использование всех сил и мощную поддержку с воздуха, не принесло желаемого результата». А уже через неделю началось наступление советских войск.

По словам маршала А. М. Василевского, «почти двухмесячная Курская битва завершилась убедительной победой Советских Вооруженных Сил». По оценке Г. К. Жукова, «общие потери вражеских войск за это время составили более 500 тысяч человек, около 1500 танков, в том числе большое количество «тигров», «пантер», 3 тысячи орудий и большое количество самолетов. Эти потери фашистское руководство уже не могло восполнить никакими тотальными мероприятиями».

Гудериан констатировал: «В результате провала наступления «Цитадель» мы потерпели решительное поражение. Бронетанковые войска, пополненные с таким большим трудом, из-

за больших потерь в людях и технике на долгое время были выведены из строя. Их своевременное восстановление для ведения оборонительных действий на Восточном фронте, а также для организации обороны на западе на случай десанта, который союзники грозились высадить следующей весной, было поставлено под вопрос. Само собой разумеется, русские поспешили использовать свой успех. И уже больше на Восточном фронте не было спокойных дней. Инициатива полностью перешла к противнику».

В своем докладе 6 ноября 1943 года И. В. Сталин так оценил значение Курской битвы: «Если битва под Сталинградом предвещала закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила ее перед катастрофой».

Попытка военного переворота

Разгром немецких войск, десант союзников в Сицилии, капитуляция Италии активизировали деятельность военных заговорщиков. Между сентябрем 1943 г. и январем 1944 г. было предпринято еще несколько попыток покушения на Гитлера. Наконец, заговорщики пришли к выводу, что привычка Гитлера постоянно менять намеченные планы не позволяет им убить его. Они решили действовать лишь в тех случаях, когда Гитлер участвовал в регулярно проводимых мероприятиях. Решено было взорвать бомбу, когда Гитлер будет присутствовать на совещании в Растенбурге, которое проводилось в одно и то же время.

26 декабря 1943 г. такое совещание было созвано. На него прибыл подполковник К. Ф. Штауффенберг. В его портфеле была бомба с часовым механизмом. Неожиданно Штауффенберг узнал, что совещание отменено, так как Гитлер отбыл в Оберзальцберг. (Альпийскую резиденцию Гитлера именовали то Оберзальцберг, то Берхтесгаден по названию близлежащих населенных пунктов, то по его собственному наименованию – Бергхоф.)

Хотя американский историк У. Ширер называл подполковника К. Ф. Штауффенберга и ряд других членов тайного кружка Крейзау «восточниками», он уточнял, что они были «про-русскими, но антибольшевиками». Вряд ли такая позиция могла способствовать установлению контакта с Советским Союзом, где в это время у власти находилась Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков). К тому же после того, как в октябре 1943 г. на Московской конференции СССР присоединился к Касабланкской декларации о ведении войны до безоговорочной капитуляции Германии, Штауффенберг и другие отказались от своей «восточной» ориентации.

Следует также учесть, что руководителями заговора и наиболее видными его руководителями были не подполковник Штауффенберг и «восточники». Заговор возглавляли бывший имперский комиссар по контролю над ценами Карл Гёрдлер и бывший начальник генерального штаба сухопутных сил Германии генерал Людвиг Бек. В заговоре участвовали начальник военной разведки адмирал Вильгельм Канарис, генералы Тресков и Шлабендорф, командовавшие войсками на Восточном фронте, военный губернатор оккупированной части Франции генерал Штюльпнагель, комендант Парижа генерал-лейтенант Бойнебург-Ленгсфельд, генерал-лейтенант Фалькенгаузен, командовавший войсками в Бельгии и Северной Франции, фельдмаршалы Роммель и Клюге, командовавшими соответственно группой армий «Б» и войсками всего Западного фронта, заместитель начальника генерального штаба сухопутных сил фельдмаршал Витцлебен, бывший главнокомандующий сухопутными силами генерал-полковник Хаммерштейн, начальник управления общих дел вооруженных сил генерал Ольбрихт, начальник войск связи генерал Фельгибель, а также многие другие военные руководители Германии.

На основе сообщений, полученных от руководителей заговора, Аллен Даллес докладывал в Вашингтон: «Эта группа готова действовать только в том случае, если она получит определенные заверения со стороны западных держав, что в случае успеха заговора она сможет вступить в прямые переговоры с англо-американцами в отношении дальнейших практических шагов. Эта

группа особенно заинтересована в том, чтобы переговоры были осуществлены через Вашингтон и Лондон, и чтобы она не имела непосредственных дел с Москвой. Она основывает свое требование на том, что люди, стоящие во главе заговора, являются в известной степени консерваторами, хотя они и будут контактировать с левыми элементами, за исключением коммунистов. Главным мотивом их действия является горячее желание предохранить Центральную Европу от идеологического и фактического контроля со стороны России... Группа подчеркивает со всей решительностью, что опасность такого развития событий нельзя недооценивать, особенно имея в виду пролетаризацию миллионов населения Центральной Европы».

Таким образом, заговорщики видели чуть ли не главную угрозу в Советском Союзе. «Борцов против нацизма» не смущало то обстоятельство, что немецкие военные осуществили вероломное нападение на СССР, сея смерть и разрушение, установили на оккупированной территории режим невиданного террора и голода, жертвами которого стали миллионы советских людей. Они считали необходимым создавать единый фронт с западными державами в борьбе против СССР.

В мае 1944 г. группа Гёрдлера разработала детальный план капитуляции вооруженных сил Германии перед англо-американскими войсками. В соответствии с этим планом предполагалось осуществить одновременный десант трех англо-американских военно-воздушных дивизий в районе Берлина, «где местное немецкое население окажет им полное содействие». Была также запланирована высадка крупного морского десанта в районе Бремена и морского десанта на французском побережье. Десант союзников в Нормандии 6 июня 1944 г. и открытие ими Второго фронта отвечали планам заговорщиков.

20 июля 1944 г. Штауффенберг опять прибыл в Растенбург. Там в 12.30 началось совещание с участием Гитлера. Около 12.40 Штауффенберг раздавил в портфеле кислотный взрыватель и поставил портфель с бомбой под стол. Штауффенберг был уже вне павильона, в котором происходило совещание, когда раздался взрыв. Полковник был уверен, что Гитлер был убит и поспешил выехать из Растенбурга.

Узнав от Штауффенберга о взрыве, заговорщики поспешили объявить о назначении командующим вооруженными силами фельдмаршала Витцлебена. В его приказе, распространенном по 50 телетайпам и 800 телефонам, говорилось:

«1. Безответственная группа партийных руководителей, людей, которые никогда не были на фронте, пыталась использовать настоящую ситуацию, чтобы нанести удар в спину нашей армии, сдерживающей ожесточенное наступление, и захватить власть в собственных интересах».

«2. В этот час смертельной опасности правительство рейха, чтобы восстановить законность и порядок, объявило чрезвычайное положение и доверило мне все полномочия главного командующего вооруженных сил».

«3. ...Вся власть в Германии сосредоточивается в военных руках... Всякое сопротивление военной власти должно быть безжалостно подавлено. В этот час смертельной опасности для отечества первой необходимостью является единство вооруженных сил и установление дисциплины».

Таким образом, Витцлебен декларировал установление военной диктатуры, а главными противниками общественного строя объявлял анонимных «партийных работников». Одновременно по приказу губернатора Франции генерала Штюльпнагеля были арестованы местные руководители СС. Так, обозначилась еще одна группа врагов нового военного правительства – организация СС и ее члены.

Поскольку, несмотря на контузию и легкие ранения, Гитлер остался жив, известие об этом посеяло неуверенность среди заговорщиков. Некоторые из них (командующий Резервной армии Фромм, командующий войсками Западного фронта Клюге) отказались поддержать

выступление. Дезорганизация в рядах заговорщиков привела к краху их планов и быстрому разгрому заговора.

Возвышение и падение Гудериана

По обвинениям в участии в заговоре было казнено 5 тысяч человек. В качестве орудия казни использовались струны от фортепиано, закрепленные на крючках для разделки мясных туш. Агония повешенных нередко продолжалась несколько минут. Эти жестокие казни снимались на киноленту. Отрывки из 48 километров заснятых кинолент показывали в воинских частях для устрашения возможных оппозиционеров. Десятки тысяч человек, обвиненных в пособничестве заговорщикам, были заключены в концентрационные лагеря.

Чтобы избежать казни, фельдмаршал Клюге принял яд. 14 октября к фельдмаршалу Э. Роммелю, поправлявшемуся дома после тяжелого ранения, В. Кейтель направил генерала В. Бургдорфа и генерала Э. Майзеля. Кейтель приказал им захватить с собой яд. Роммеля оставили в машине вместе с Бургдорфом. Через некоторое время Роммель был найден мертвым. Было объявлено, что Роммель умер от ран, полученных им 17 июля во время авианалета.

Постоянное недовольство Гитлера военными, которых он винил в неудачах на фронтах, после событий 20 июля 1944 г. обрело форму тотального недоверия к армии. Узнав, что начальник корпуса связи генерал Филлгибель был заговорщиком, Гитлер разразился грозной речью: «Теперь я знаю, почему все мои великие планы в отношении России провалились в последние годы! Если бы не эти предатели, мы бы давно одержали победу. Вот мое оправдание перед историей. Теперь мы узнаем, имел ли Филлгибель прямой провод в Швейцарию и передавал ли все мои планы русским. Его надо, безусловно, допросить!.. Еще раз я был прав. Кто хотел мне верить, что нельзя объединять весь вермахт под единым командованием! Под одним человеком вермахт – это угроза! Вы думаете, что я случайно создал так много дивизий СС? Я знал, что мне надо было сделать это наперекор силам оппозиции».

Партийный аппарат развернул пропаганду против военных верхов. В передовице, опубликованной в газете «Ангрифф» 23 июля 1944 г., Роберт Лей писал: «Дегенеративная до костей, с голубой кровью до идиотизма, тошнотворно разложившаяся и трусливая как все омерзительные существа, – такова аристократическая клика, которую заразили евреи против национал-социализма... Мы должны уничтожить заразу, искоренить ее... Недостаточно просто схватить виноватых... мы должны истребить всю их породу». Шпеер вспоминал: «Гаулейтеры открыто сокрушались по поводу того, что в 1934 г. штурмовики уступили вермахту. Теперь они рассматривали прежние попытки Рёма создать народную армию как упущенную возможность. Такая армия породила бы свой офицерский корпус, пропитанный духом национал-социализма, утверждали они. Отсутствие этого духа стало причиной поражений последних лет».

Контроль над армией со стороны нацистской партии и СС усилился. В вооруженных силах традиционная для военных форма приветствий была заменена вытягиванием руки и восклицанием: «Хайль Гитлер!».

Еще до покушения Гитлер собирался отправить в отставку Цейтцлера. Сперва Гитлер хотел назначить вместо него генерала Буле. Но так как тот пострадал во время покушения 20 июля и было неизвестно, когда он поправится, то выбор пал на Гудериана. Это означало, что в период тотального недоверия к военачальникам, Гитлер видел в апологете молниеносной войны наиболее подходящую фигуру, которая внушала ему доверие, несмотря на частые разногласия с ним по методам ведения военных действий.

Гудериан не только поддержал Гитлера, требовавшего избавиться от «подозрительных элементов» в руководстве вермахта, но стал расправляться со всеми, кто мешал ему в прошлом. Гудериан писал: «Обсуждался вопрос о почти полной замене офицерского состава гене-

рального штаба сухопутных войск. Нужно было заменить прежних офицеров, так как некоторые из них были ранены во время покушения на Гитлера, например, начальник оперативного отдела генерал Хойзингер и его первый помощник Брандт, другие подозревались в пособничестве заговорщикам и были поэтому арестованы, третьих я считал по их прошлой деятельности неподходящими, остальных же следовало заменить по той причине, что они никогда не видели фронта».

Во время встречи Гудериана с Гитлером 21 июля последний утвердил его предложения по кадровым переменам в генеральном штабе. Заняв пост начальника генерального штаба сухопутных войск, 21 июля Гейнц Гудериан издал приказ, в котором говорилось: «Каждый офицер генерального штаба должен быть национал-социалистическим руководителем не только... показывая пример образцовым поведением в политических вопросах, но и активным участием в политическом воспитании молодых командиров в соответствии с положениями фюрера... Отбирая офицеров генерального штаба, высшие командиры должны ставить черты характера и духа выше ума. Подлец может быть хитрым, но в час беды он все же может подвести, потому что он подлец».

Однако призывы к преданности фюреру и консолидации страны разбивались о растущие противоречия внутри нацистского государства. Резкое ухудшение положение Третьего рейха после поражений, нанесенных Красной Армией, и десанта союзников в Нормандии, заставляли руководителей Германии прибегать к чрезвычайным мерам, которые зачастую порождали лишь путаницу. Гудериан внес предложение создать ландштурм (ополчение) из военнообязанных, но не призванных на воинскую службу вследствие их занятости на военных предприятиях. Основу ландштурма должны были составить штурмовые отряды (СА). Это предложение поддержал начальник штаба СА Шепмак, а затем и Гитлер. Однако на другой же день Гитлер решил поручить создание таких отрядов не СА и Шепмаку, а аппарату нацистской партии и его руководителю Борману. Так возник «фольксштурм».

Между тем потери, которые несли немецко-фашистские войска, и продолжавшееся отступление вели к нехватке личного состава и техники. Опытных рабочих мобилизовывали на фронт, но часто их не могли подготовить для обслуживания современного вооружения, так как после утраты Румынии в Германии не хватало горючего для танков и самолетов. Посетив аэродром под Берлином, Шпеер обнаружил, что обучавшиеся на пилотов могли летать на самолетах лишь по часу в неделю. В декабре 1944 г. Шпеер выразил Гитлеру озабоченность в связи с тем, что танкисты получают неадекватную подготовку потому, что у танков, на которых они обучаются вождению, нет горючего.

Между тем отступление немецких войск под натиском превосходящих сил Красной Армии Гитлер воспринимал как измену. Узнав о том, что командующий группой армий генерал Рейнгардт и командующий 4-й армией Госбах дали приказ на отступление, Гитлер, по словам Гудериана, стал кричать: «Это предательство! Немедленно сместить обоих с должности вместе с их штабами, ибо они-то об этом знали, и ни один не прислал донесения!» По словам Гудериана, в январе 1945 г. для Гитлера было характерно «безграничное недоверие к генералитету».

Для обвинений военачальников в нежелании сражаться были определенные основания. 25 января 1945 г. Гудериан встретился с Риббентропом и доложил ему об обстановке на фронтах. Гудериан предложил рейхсминистру иностранных дел пойти к Гитлеру и «предложить ему действовать в направлении заключения хотя бы одностороннего перемирия». Риббентроп решительно отказался идти к Гитлеру и очевидно сообщил последнему о визите Гудериана.

Вечером того же дня Гитлер встретил Гудериана словами: «Если начальник генерального штаба посещает министра иностранных дел рейха и информирует его об обстановке на Восточном фронте, доказывая необходимость заключения перемирия с западными державами, он совершает тем самым государственное преступление!»

Между тем германские военачальники сдавали на Западе одну позицию за другой. Был сдан целым и невредимым мост у Ремагена через Рейн. Без боя сдавали англо-американцам города. 30 марта Геббельс записал в дневнике: «Прямо-таки позор, что, согласно донесению, бургомистр Мангейма сообщил американцам о капитуляции города по телефону. Это уж что-то совершенно новое в стиле ведения войны, с чем раньше не приходилось сталкиваться. Действительно, выходит, что моральный дух на западе сейчас еще ниже, чем он был в свое время на востоке».

Испытывая неверие в лояльность армии, нацистские руководители все чаще прибегали к жестоким репрессиям. 13 марта Геббельс записал в дневнике: «Фюрер говорит мне, что теперь под руководством генерала Хюбнера начали действовать летучие военно-полевые суды. Первым приговорен к смерти и двумя часами позже расстрелян генерал, повинный в том, что не взорвал ремагенский мост. По крайней мере, хоть какой-то проблеск. Только такими мерами можно еще спасти рейх. Расстрелян и генерал-полковник Фромм. Я настойчиво прошу фюрера действовать в таком же духе и дальше, чтобы, наконец, заставить подчиняться наших руководящих офицеров. Один генерал, который не захотел заставить принять решительные меры одного национал-социалистического руководящего офицера, тоже будет предан теперь суду военного трибунала и, вероятно, приговорен к смертной казни». 16 марта Геббельс констатировал, что «в случае с мостом у Ремагена уже вынесены и приведены в исполнение четыре смертных приговора».

28 марта 1945 г. Геббельс в своем дневнике писал о том, что, расстреляв Рема и других штурмовиков в «ночь длинных ножей» 1934 года, Гитлер и он совершили ошибку. Он писал: «В 1934 году мы, к сожалению, упустили из виду необходимость реформирования вермахта, хотя для этого у нас была возможность. То, чего хотел Рем, было, по существу, правильно, разве что нельзя было допускать, чтобы это делал гомосексуалист и анархист. Был бы Рем психически нормальным человеком и цельной натурой, вероятно, 30 июня были бы расстреляны не несколько сотен офицеров СА, а несколько сотен генералов. На всем этом лежит печать глубокой трагедии, последствия которой мы ощущаем и сегодня. Тогда как раз был подходящий момент для революционизирования рейхсвера. Этот момент из-за определенного стечения обстоятельств не был использован фюрером. И вопрос сейчас в том, сумеем ли мы вообще наверстать то, что было нами тогда упущено. Я очень в этом сомневаюсь. Но в любом случае такую попытку следует предпринять».

Обмен мнениями между Гитлером и Гудерианом в ходе обсуждений положения на фронтах, происходивших два раза в день, становился все более резким. Порой Гудериана выводили из зала заседаний, чтобы прекратить полемику. Генералу говорили, что с Гитлером мог случиться удар от волнения. В несдержанности обвиняли лишь Гудериана и от него решили избавиться. 31 марта Геббельс написал в дневнике: «У Гудериана нет твердости характера. И он слишком нервный. Эти свои недостатки он обнаружил, командуя войсками на западе и на востоке».

В тот же день Геббельс с некоторым опозданием возложил значительную долю ответственности за отступление под Москвой на Гудериана. Он писал: «На Восточном фронте в критическую зиму 1941–1942 года он самовольно начал отступление и тем самым привел в расстройство весь фронт. Когда Гудериан стал отходить, за ним последовали Кюблер и Гёпнер. Таким образом, вину за серьезный кризис на Востоке следует записать на счет Гудериана». За три дня до этой записи теоретик танкового блицкрига был отправлен в отставку.

Генерал с женой отправился в санаторий на юге Германии, где лечился от сердечного приступа. В мае 1945 г. он прибыл в штаб генерал-инспектора бронетанковых войск, находившийся в Тироле. Там 10 мая он сдался в плен американцам.

Еще до отставки Гудериана Гитлер и Геббельс разочаровались не только в нем, но и в Кейтеле, Йодле и других военачальниках. 28 марта Геббельс записал в своем дневнике, что Гит-

лер «называет Кейтеля и Йодля папашками, которые устали и израсходовали себя настолько, что в нынешней тяжелой обстановке уже не способны ни на какие действительно большие решения. Единственные военачальники, соответствующие современным требованиям народной войны, – это Модель и Шёрнер. Модель... являет собой тип интеллектуала, Шёрнер же остается человеком, живущим чувствами и сердцем. На этом, собственно, и кончается список наших крупных военачальников». Как известно, «интеллектуал» Модель вскоре попал в окружение и, не желая стать военнопленным у американцев, покончил жизнь самоубийством. Шёрнер же, которого высоко оценил Геббельс и, видимо, ценил и Гитлер, был назначен в «Завещании» главнокомандующим сухопутными силами.

В это время Геббельс принялся изучать биографии тех, кто в ближайшие дни мог стать победителями нацистской Германии. 16 марта 1945 г. Геббельс писал: «Генштаб представляет мне книгу с биографическими данными и портретами советских генералов и маршалов. Из этой книги нетрудно почерпнуть различные сведения о том, какие ошибки мы совершили в прошедшие годы. Эти маршалы и генералы в среднем исключительно молоды, почти никто из них не старше 50 лет. Они имеют богатый опыт революционно-политической деятельности, являются убежденными большевиками, чрезвычайно энергичными людьми, а на их лицах можно прочесть, что они имеют хорошую народную закваску. В своем большинстве это дети рабочих, сапожников, мелких крестьян и т. д. Короче говоря, я вынужден сделать неприятный вывод, что военные руководители Советского Союза являются выходцами из более хороших народных слоев, чем наши собственные».

Хотя Геббельс высказывал эти мысли лишь для того, чтобы еще раз выразить свое разочарование в военных Германии, очевидно, что за несколько недель до крушения Третьего рейха он был вынужден хотя бы отчасти признать преимущества той страны и той армии, которая побеждала Третий рейх. Методы блицкрига с активным использованием бронетанковых сил, которые обосновал, а затем реализовывал Гудериан, уже давно перестали приносить победы германскому оружию по мере того, как крепло сопротивление Красной Армией. Не из-за «измены» немецких генералов, а под натиском Красной Армии, вооруженной превосходной отечественной военной техникой, руководимой замечательными полководцами и состоявшей из преданных делу Победы солдат и офицеров, рушился нацистский строй весной 1945 г.

Пытаясь свалить на генералов вину за военное поражение Третьего рейха, его вожди не желали признать порочности той политики, которая привела Германию к агрессивным войнам против СССР и других стран земного шара, войнам, обрекшим эту страну на разгром и оккупацию. Но не менее порочными были попытки немецких генералов взвалить лишь на Гитлера вину за поражение Германии, а заодно за ее разбойничью политику. Типичным оправданием такого рода является высказывание генерала Рендулича, который писал: «Если, в конце концов, война всё же была проиграна, то в этом немецкие вооруженные силы поистине не виноваты».

На самом деле германские военачальники несли полную ответственность за развязывание авантюристической, разрушительной и кровопролитной войны, а также военные преступления. Германские военачальники активно поддерживали усилия Гитлера по милитаризации Германии, что позволило стране создать мощные вооруженные силы, способные развернуть агрессивные войны. Хотя страх перед сокрушительным поражением заставлял многих военачальников готовить заговоры против Гитлера, их подпольная деятельность прекращалась, когда они видели, что успех немецкому оружию гарантирован. Головокружение от успехов свела к нулю оппозиционную деятельность руководителей вермахта. Даже по мере поражений на фронтах войны недовольство Гитлером не приняло форму всеобщего выступления военных против его агрессивной политики. Более того, заговорщики, выступившие 20 июля 1944 г., стремились оставить за Германией многие территории, захваченные в ходе гитлеровских агрессий. Германские военачальники несут вместе с Гитлером и его окружением равную ответствен-

ность за агрессивные действия своей страны и за чудовищные военные преступления. Это было подтверждено приговором Международного военного трибунала в Нюрнберге.

Прогрессировавший кризис в отношениях между гитлеровским руководством и сухопутными вооруженными силами, проявившийся также в отставке Гудериана, отразил крах военных планов и военной машины Германии. Сухопутная армия – главное орудие планов по установлению мирового господства Германии – потерпела самое грандиозное поражение в истории своей страны.

Глава 2. Командующий авиацией и престолонаследник

В то время как армия, которая, опираясь на применение танков, должна была обеспечить победу германского оружия на суше, господство в воздухе должна была обеспечить германская авиация. Провал гитлеровских планов превратил не только сухопутные войска, но и военно-воздушные силы страны в «козлов отпущения». Не прекращались нападки на их руководителя рейхсмаршала Германа Геринга, увенчавшиеся его отстранением от власти и заключением под стражу. В то же время отставка и арест Геринга знаменовали падение второго человека в нацистском государстве. В своем завещании Гитлер писал: «Перед своей смертью я исключаю из партии бывшего рейхсмаршала Германа Геринга и лишаю его всех прав, данных ему декретом от 29 июня 1941 г. и моим заявлением в рейхстаге от 1 сентября 1939 г.»

Родственник всех королевских домов Германии

В руководстве правящей нацистской партии, в полное название которой входило слово «рабочая», Геринг был представителем древних аристократических родов Германии. Исследование профессора Отто Дюнгерна показало, что Герман Геринг был связан кровными узами с королевскими домами Гогенцоллернов и Виттельсбахов, а также со многими графами, принцами и герцогами. Его отец Генрих Геринг был в конце XIX века назначен Бисмарком «рейхс-комиссаром по Юго-Западной Африке», затем – генеральным консулом в Гаити. Генрих Геринг вернулся в Германию со своей супругой и двумя детьми незадолго до рождения 12 января 1893 г. своего третьего сына, которого назвали Германом Вильгельмом. Ребенок рос и воспитывался в двух замках (один был расположен в Маутендорфе под австрийским Зальцбургом; другой – на реке Пегниц близ германского Нюрнберга).

Учеба в школе-интернате в Ансбахе оказалась недолгой. Герман сбежал из школы и по пути домой отдал свои учебники цыганам, сказав им: «Вы можете заложить их, а деньги оставить себе». Тогда Генрих Геринг отправил сына в кадетскую школу в Карлсруэ. Военная дисциплина пришлась Герману по душе. Он хорошо учился в школе и в 1913 г. был зачислен лейтенантом в 112-й пехотный полк.

С первых же дней мировой войны Геринг надеялся на активное участие в боевых действиях, но сначала его полк был направлен в глубь германской территории. Лишь затем полк принял участие в боях, а Геринг успешно исполнял обязанности офицера-наблюдателя. Однако внезапно развившееся заболевание (ревматизм связок) уложило лейтенанта Геринга в госпиталь. Тогда он подал заявление о переводе в авиационную школу. Вскоре Геринг стал летчиком-наблюдателем. В начале войны самолеты занимались главным образом ведением воздушной разведки.

Геринг постоянно участвовал в разведывательных полетах вокруг Вердена. Но порой ему приходилось вступать и в воздушный бой. Так случилось весной 1915 г., когда французские самолеты направились, чтобы бомбить штаб главнокомандующего, наследного принца Фридриха-Вильгельма. Геринг и пилот самолета приняли участие в отражении нападения французских самолетов и были награждены Железными крестами I степени.

Осенью 1915 г. Геринг прошел курс обучения в авиационной школе во Фрайбурге и, став пилотом, вернулся в авиацию. В ноябре 1916 г. Геринг был тяжело ранен в воздушном бою против англичан. Пролежав в госпитале шесть месяцев, Геринг снова вернулся в авиационную часть.

К маю 1918 г. на его счету числилось 20 сбитых самолетов противника.

Он получил орден «За заслуги» и «Золотую медаль летчика». К этому времени он стал одним из знаменитых пилотов Германии. Однако Геринга отозвали с фронта, чтобы он испы-

тивал новые самолеты. Выполняя новые обязанности, он уделял большое внимание техническим деталям, проблемам эксплуатации машин, качеству оборудования.

В августе 1918 г. Геринг вернулся на фронт и стал командиром эскадрильи. До конца войны Геринг успел сбить еще два вражеских самолета.

Но в ноябре 1918 года в Германии произошла революция. Вскоре в Компьене было подписано перемирие. В новой сложной обстановке Геринг сумел избежать пленения революционным солдатским советом в Мангейме, а при сдаче самолетов своей эскадрильи французам постарался их привести в негодность.

Геринг тяжело переживал поражение Германии. Он стал посещать собрания офицеров разбитой армии и произносить на них речи националистической направленности. Он отказался вступить в ряды республиканского рейхсвера. Вместо этого он гастролировал по Дании, показывая на самолете чудеса пилотажа. А в 1920 г. он стал руководителем воздушного транспорта в Швеции. Здесь он познакомился с Карин фон Канцов. Хотя та была замужем и имела восьмилетнего сына, Геринг добился ее развода.

Вместе с Карин Геринг вошел в высшее общество Швеции и стал членом мистического кружка «Эдельвейс», в котором христианские молитвы причудливым образом сочетались с древними нордическими ритуалами.

В 1922 г. Геринг вернулся в Германию, а вскоре за ним последовала и Карин, с которой он сочетался браком. В том же году Геринг поступил в Мюнхенский университет и, закончив краткосрочный курс, стал обладателем диплома о получении высшего образования.

Однажды в Мюнхене Геринг посетил собрание, на котором выступал Адольф Гитлер. Речь Гитлера произвела на Геринга неизгладимое впечатление. Вскоре Геринг познакомился с Гитлером, а тот предложил ему возглавить СА – штурмовые отряды.

8 ноября 1923 г. Геринг вместе с другими штурмовиками охранял пивное заведение «Бюргербраукеллер», в котором Гитлер объявил о государственном перевороте. Когда Гитлер и генерал Людендорф пошли во главе колонны к центру Мюнхена, Геринг шел следом за ними. После того, как полиция открыла огонь по шествию, многие, включая Гитлера, разбежались. 16 человек были убиты. Геринг был тяжело ранен. Находившийся в госпитале Геринг был арестован. Он дал слово, что не попытается бежать. Однако через несколько часов его вместе с Карин нацисты переправили в Австрию.

«Через Геринга – к Гинденбургу!» и «Через Гинденбурга к власти!»

Рана медленно заживала, и Геринг прибегал к морфию, чтобы ослабить боль. Он продолжал принимать морфий и после того, как вышел из госпиталя. После приема наркотика он нередко выступал с зажигательными речами, проклиная «еврейскую республику Берлина». По требованию германских властей Геринг был выслан из Австрии. Фашистская Италия предоставила Герингу политическое убежище. Оттуда Геринг с женой выехал в Швецию. Тем временем его привязанность к морфию усилилась. Чтобы избавиться от нее, Геринг был помещен в психиатрическую лечебницу в Лангборо, где провел полгода.

Когда, наконец, в 1927 г. Геринг вернулся в Германию и встретился с вышедшим из тюрьмы Гитлером, оказалось, что они разошлись во взглядах. Геринг временно отошел от политической деятельности и с помощью ряда промышленников занялся коммерцией, ведя переговоры с иностранными фирмами о продаже авиационных двигателей и парашютов. Но в 1928 г. Геринг снова встретился с Гитлером, который предложил ему выступить на выборах в рейхстаг в качестве кандидата в депутаты от нацистов.

На выборах 20 мая 1928 г. нацисты получили 800 тысяч голосов и провели в рейхстаг 12 депутатов. Геринг был одним из них. Выбор Геринга Гитлером был не случайным. Геринг

имел обширные связи с промышленными кругами, в том числе зарубежными, и с германской аристократией. На приемах на квартире депутата рейхстага Геринга можно было видеть одного из братьев наследного принца Августа-Вильгельма, а также других принцев, герцогов, президента Имперского банка Ялмара Шахта, рурского промышленника Кирдорфа, иностранных дипломатов.

Роль Геринга в нацистской партии не ограничивалась посещением заседаний рейхстага и установлением связей с влиятельными лицами Германии. Он стал одним из видных ораторов нацистов. После роспуска рейхстага в 1930 г. были назначены новые выборы. Геринг разъезжал по стране, выступая по 2–3 раза в день на митингах. В условиях разраставшегося экономического кризиса пропаганда нацистов, обещавших быстрое решение острых проблем, находила все больше поддержки. На сей раз, нацисты провели в рейхстаг 107 депутатов.

Положение Геринга в нацистской партии укреплялось. К этому времени среди нацистов обострились разногласия. Те, кто шел за Грегором Штрассером, считали, что Гитлер и Геринг «продают партию толстосумам». Штрассер же не исключал временного союза с коммунистами и говорил о том, что можно увязать нацизм с марксизмом. Росли разногласия между Гитлером и руководителем штурмовиков Ремом, хотя последний был ярким противником Штрассера.

Будучи верным приверженцем Гитлера, Геринг умел общаться не только с влиятельными кругами в обществе, но и представителями противоборствующих группировок среди нацистов. Это оценил Гитлер. Биограф Геринга В. Фришауэр писал, что «у Гитлера вошло в привычку уединяться в Берхтесгадене, оставляя Герингу поиск выхода из неудобных ситуаций. Верный паладин Гитлера – так он сам себя описывал, – Геринг всегда знал, что было на уме у Гитлера, когда тот оставлял его искать выход из трудного положения... Он уже был политическим представителем Гитлера в Берлине, уполномоченным действовать... Геринга часто описывали как «дипломата нацистской партии». Время от времени его привлекательная личность выдвигалась на первый план, чтобы заполучить друзей для партии, чтобы унять подозрения, против которых тщетно боролся Гитлер... Гитлер возлагал свои надежды на Геринга. «Через Гинденбурга к власти! – таков был лозунг Геринга... «Через Геринга – к Гинденбургу!» – стало девизом Гитлера».

Правда, первая встреча Гитлера с Гинденбургом 16 октября 1931 г., в организации которой активно участвовал Геринг, кончилась провалом. Эта встреча помешала Герингу быть рядом со своей женой Карин, когда в ночь с 16 на 17 октября 1931 г. она умерла после продолжительной болезни. Геринг тяжело переживал утрату и даже после вторичной женитьбы сохранил память о покойной, назвав свое обширное поместье Каринхалле.

Между тем, по мере углубления экономического кризиса и роста безработицы, популярность нацистов в Германии росла. Хотя на президентских выборах в марте 1932 г. кандидат нацистов на пост президента страны Адольф Гитлер уступил победу фельдмаршалу Паулю Гинденбургу, на выборах в рейхстаг нацисты вышли на первое место, получив 13,7 миллионов голосов и 230 депутатских мест. На втором месте была социал-демократическая партия, за которую проголосовало 7,9 миллионов человек (143 мандата в рейхстаге). На третьем месте были коммунисты (4,5 миллионов голосов и 89 депутатских мест).

30 августа 1932 г. лидер ведущей парламентской фракции Герман Геринг был избран президентом рейхстага. Однако, не имея большинства в рейхстаге, нацисты не получили возможности сформировать правительство. Кабинет, который продолжал возглавлять беспартийный Франц фон Папен, состоял из беспартийных и членов Национальной народной партии.

Неустойчивость правительства, опиравшегося на меньшинство в рейхстаге, привела к его очередному роспуску и новым выборам 6 ноября 1932 г. На них нацисты потеряли немало голосов, получив поддержку 11,7 миллионов избирателей и 196 мест. (Число голосов, поданных за социал-демократов также уменьшилось, а поддержка избирателями коммунистов воз-

росла). И все же нацисты и на этот раз составили самую крупную фракцию в рейхстаге. Геринг опять был переизбран президентом рейхстага.

Президент Гинденбург поручил формирование правительства генералу Курту фон Шляйхеру, который старался внести раскол в стан нацистов. Для этого он предложил главному конкуренту Гитлера в нацистской партии Грегору Штрассеру пост вице-канцлера. Хотя этот план Шляйхера провалился, амбициозный генерал не прекращал попыток остановить Гитлера.

В свою очередь нацисты предприняли ряд закулисных шагов, чтобы отстранить Шляйхера от власти. В этих интригах большую роль сыграл Герман Геринг. Именно его пригласил для тайных переговоров сын президента Гинденбурга Отто. В переговорах, которые состоялись 22 января 1933 г. на квартире Иохима фон Риббентропа, приняли участие заклятый враг Шляйхера Франц Папен и чиновник президентской администрации Отто Майснер.

Результатом этого совещания стала встреча Гинденбурга с Гитлером, после которого правительство Шляйхера было отправлено в отставку. Формирование нового кабинета было поручено Гитлеру. В этом коалиционном правительстве, сформированном 30 января 1933 г., нацисты составляли меньшинство, но они занимали ключевые посты. Вильгельм Фрик стал министром внутренних дел, Геринг получил пост министра без портфеля и министра внутренних дел Пруссии.

«Пушки вместо масла!»

Вечером 30 января Герман Геринг выступал перед участниками факельного шествия в Берлине по случаю прихода нацистов к власти. Он говорил: «30 января 1933 г. войдет в германскую историю, как день, когда вся нация, после четырнадцати лет испытаний, нужды, клеветы и позора, нашла опять свой собственный путь... С благодарностью мы поднимаем глаза на лидера нашего движения... Мы также благодарим престарелого генерал-фельдмаршала фон Гинденбурга, который объединился с молодым поколением... Хлеба и работы для германского народа, свободы и чести для нации!»

По приказу Геринга была создана Тайная государственная полиция (Geheime Staatspolizei), или сокращенно гестапо, на основе подразделений политической полиции, существовавших еще во времена Веймарской республики. После 30 января эти подразделения были подвергнуты основательной чистке. Но некоторые кадровые работники полиции выражали желание сотрудничать с новым режимом. Среди них и был беспартийный Генрих Мюллер.

Рейхстаг опять был распущен и на 5 марта были назначены новые выборы, а 27 февраля здание рейхстага запылало. Впоследствии различные международные комиссии исходили из того, что поджог был осуществлен людьми Геринга и с его ведома. В частности, обращалось внимание на возможность поджигателей воспользоваться подземным ходом, который соединял рейхстаг с дворцом его президента. Геринг же с первых минут пожара обвинял в поджоге коммунистов. У стен горящего рейхстага Геринг выкрикивал: «Это коммунистическое преступление против нового правительства!» Обращаясь к новому руководителю гестапо Рудольфу Дильсу, Геринг кричал: «Это начало новой коммунистической революции! Мы не должны ждать ни минуты. Мы не будем проявлять жалости. Каждый коммунист должен быть расстрелян, после того, как его обнаружат. Каждый коммунистический депутат должен быть повешен».

По приказам министра внутренних дел Пруссии Геринга в течение суток было арестовано свыше четырех тысяч коммунистов, включая депутатов рейхстага. Одновременно Геринг подписал Чрезвычайный декрет о защите нации и государства, в соответствии с которым действие всех статей германской конституции о гражданских свободах было приостановлено. В стране была установлена нацистская диктатура.

В качестве министра внутренних дел Пруссии Геринг уже в марте 1933 г. создал в этой самой крупной земле Германии первый концентрационный лагерь. Позже Геринг объяснял: «Мы должны были безжалостно расправляться с врагами государства... поэтому были созданы концентрационные лагеря, куда нам пришлось отправить первые тысячи членов коммунистической и социал-демократической партии». Геринг откровенно бравировал своей ролью в организации массового террора. В своем выступлении в рейхстаге 13 июля 1934 г. Геринг говорил, что он «своим железным кулаком сокрушил атаку на национал-социалистское государство прежде, чем она могла развиться». В своей книге «Восстановление нации», выпущенной в 1934 г., он писал: «Каждая пуля, вылетевшая из пистолета полицейского, есть моя пуля; если кто-то называет это убийством, значит, это я убил».

Лютая ненависть Геринга к коммунизму проявилась в ходе Лейпцигского процесса, в котором он принял личное участие в сентябре 1933 г. Обращаясь к обвиненным в поджоге рейхстага ван дер Люббе, руководителю германской компартии Торглеру и болгарским коммунистам Димитрову, Таневу и Попову, Геринг не пытался сдерживать себя в выражении своих чувств.

На вопрос Димитрова («Поскольку вы в своем положении министра публично обвинили Коммунистическую партию Германии и иностранных коммунистов, не направило ли это расследование по заданному руслу и не помешало ли поиску подлинных поджигателей?») Геринг ответил: «Для меня это представлялось политическим преступлением, и преступников следовало искать в вашей партии». Потрясая кулаком в сторону Димитрова, Геринг выкрикнул: «Ваша партия – это партия преступников, которая должна быть разгромлена!»

Димитров: «А знает ли министр, что эта партия правит на одной шестой части мира, что Советский Союз, с которым Германия поддерживает дипломатические, политические и экономические отношения, отчего сотни тысяч германских рабочих получают пользу...»

Председатель суда: «Я запрещаю вам заниматься здесь коммунистической пропагандой».

Димитров: «Господин Геринг ведет здесь национал-социалистическую пропаганду... Но известно, что коммунизм в Германии имеет миллионы сторонников...»

Геринг (пронзительно крича): «Известно, что вы ведете себя нагло, что вы прибыли сюда, чтобы сжечь рейхстаг!... По моему мнению, вы являетесь преступником, которого нужно отправить на виселицу!»

Председатель суда: «Димитров, я говорил уже, что вам не следует заниматься коммунистической пропагандой. Вы не должны удивляться, если свидетель приходит в волнение».

Димитров: «Я вполне удовлетворен ответом министра».

Геринг (продолжая кричать): «Убирайтесь вон, вы – негодяй!»

Председатель суда (обращаясь к полицейскому офицеру): «Уведите его».

Димитров (уже уводимый полицией): «Вы боитесь моих вопросов, господин министр?»

Геринг: «Подождите, пока мы вас не выведем за пределы суда, вы – негодяй!»

Светские манеры и дипломатическое искусство явно изменили Герингу на Лейпцигском процессе. А умелая и мужественная самозащита Димитрова способствовала провалу первоначального замысла нацистов, затевавших процесс. Димитров, Танев, Попов и Торглер были оправданы. Правда, Торглер снова был брошен в тюрьму. К этому времени все партии кроме нацистской были запрещены, а многие члены коммунистической и социал-демократической партий оказались за решеткой или колючей проволокой.

К концу 1933 г. Геринг получил от Гинденбурга чин генерала пехоты, от Гиммлера – звание обергруппенфюрера СС. Он восстановил себя также в иерархии СА. Геринг получил высшую награду Италии от Муссолини. В это время Геринг стал проявлять и несдержанность в еде. Он быстро толстел, отчаянно боролся с полнотой и поэтому был вынужден постоянно менять свою одежду. Однако ни растущая полнота, ни его постоянные переодевания в раз-

личные мундиры с орденами и медалями, ни фиаско в Лейпциге не уменьшили популярности Геринга среди значительной части населения Германии. Фришауэр писал: «Геринг в своей щегольской форме и с многочисленными наградами, жирный Геринг, предмет шуток, стал в глазах немцев наиболее популярной фигурой в нацистском правительстве – по-своему обаятельной, общительной, с веселым нравом».

Иным было отношение к Герингу за пределами Германии. Фришауэр писал: «За границей же ответственность за жестокость СА, яростные расправы гестапо возлагались именно на него. Его речи не утрачивали жестокости даже тогда, когда страсти, которые они вызывали среди его сторонников, влекли для него серьезные осложнения». По этой причине приезд Геринга в Лондон в мае 1937 г. на коронацию короля Георга VI вызвал столь бурный протест, что он был вынужден вернуться в Берлин после 12 часов пребывания в германском посольстве.

Геринг не ограничивался организацией свирепых репрессий по отношению к политическим противникам нацизма. К таким же мерам он прибег и по отношению к бывшим товарищам по партии и СА. В «ночь длинных ножей» 30 июня 1934 г. массовые аресты в Берлине среди штурмовиков и других лиц, заподозренных в заговоре против Гитлера, проводились под контролем Геринга и Гиммлера. Арестованных доставляли в частную резиденцию Геринга на Лейпцигерштрассе. Геринг и Гиммлер, установив личность задержанного, предъявляли ему обвинение в измене и выносили приговор – расстрел. Вскоре приговор приводился в исполнение.

Тогда Геринг заявил: «Возможно, я буду стрелять с слишком близкого расстояния или слишком часто, главное для меня заключается в том, чтобы стрелять!» Наряду со штурмовиками были застрелены дома бывший рейхсканцлер Шляйхер и его жена, а также Грегор Штрассер. Был арестован и бывший гость салона Геринга принц Август-Вильгельм, но Геринг пощадил его и выслал в Швейцарию. По воспоминаниям Шпеера, в те дни «Геринга изображали спасителем положения в Берлине». За свои действия Геринг получил одобрение от президента Гинденбурга, который был рад расправе с ненавистными ему штурмовиками. Престарелый фельдмаршал направил Герингу телеграмму, в которой говорилось: «Примите мое одобрение и признательность за ваши успешные действия в подавлении крупной измены. С товарищеской благодарностью и приветом. Фон Гинденбург».

К этому времени Герман Геринг занимал второе место в нацистском руководстве после Адольфа Гитлера. Поэтому после смерти Гинденбурга 2 августа 1934 г., когда Геринг предложил Гитлеру занять пост президента Германии, фюрер выразил желание видеть Геринга рейхсканцлером. Потом на Нюрнбергском процессе Геринг утверждал, что именно он предложил Гитлеру совместить обе должности на манер американского президента. Фришауэр утверждает: «Фактом, однако, является то обстоятельство, что он был глубоко разочарован, когда Гитлер действительно принял такой курс».

Одновременно Геринг расширял сферу своей деятельности. Он объявил, что Германия требует «равенства в воздухе». Наличие тайно созданной военной авиации было рассекречено, а Геринг стал главнокомандующим германскими военно-воздушными силами, или люфтваффе. Еще в мае 1933 г. Геринг дал промышленности заказ на производство не менее 1000 самолетов. Если Гудериан был апологетом решающей роли танков в грядущих военных действиях, то Геринг был поклонником военной доктрины генерала Дуэ, исходившей из первоочередной роли авиации в современной войне. Геринг хотел, чтобы немецкая авиация «обращала в пыль» любых врагов, где бы они ни появлялись. В 1935 г. на собрании офицеров люфтваффе он заявил, что намеревается «создать военно-воздушные силы, которые будут брошены на врага как удар возмездия. Еще до начала поражения враг должен чувствовать, что он пропал».

В апреле 1935 г. состоялось его бракосочетание с актрисой Эммой Зоннеман. По радио шел прямой репортаж о свадебной церемонии, в которой принял участие Гитлер. Со всей

Германии новобрачным шли свадебные подарки. Музеи присылали ценные картины, включая работы Лукаса Кранаха, ковры, гобелены, серебро, золотые украшения и бриллианты. Все эти предметы стали украшением Каринхалле, а также берлинского дворца Геринга.

К этому времени улицы имени Геринга появились во всей Германии. Новый аэростат был назван «Герман Геринг». Его имя получил мост через Рейн.

Удивительным образом Геринг, окруженный предметами роскоши, внешний вид которого никак не свидетельствовал о воздержании, произнес в начале 1936 г. речь на массовом митинге в Гамбурге с призывом к ограничению в питании во имя перевооружения Германии. Он утверждал: «Переворужение является лишь первым шагом к тому, чтобы сделать германский народ счастливым! Для меня перевооружение не является самоцелью. Я не хочу перевооружаться в милитаристских целях или для подавления других народов, всё – исключительно для свободы Германии!.. Я за международное взаимопонимание. Именно поэтому мы перевооружаемся. Слабыми мы оказались бы перед произволом мира. Какой смысл находиться в оркестре наций, если Германии позволено играть лишь на расческе!»

«Я должен говорить ясно, – говорил Геринг. – Некоторые народы в международной жизни очень туги на слух. Их можно заставить слышать только тогда, когда загремят орудия». Тут же Геринг объяснил, как создать эти орудия. Он заявил: «У нас нет масла, но я спрашиваю вас: хотели бы вы скорее иметь масло или пушки? Должны ли мы импортировать свиное сало или металлические руды? Позвольте мне сказать вам: готовность делает нас сильными. Масло лишь делает нас жирными!». Гитлеру докладывали: «Геринг... прекрасно управился с толпой. Он похлопывал себя по жирному животу, а люди приветствовали его, когда он просил их обходиться без масла. Он изумителен!» Немецкие газеты вышли под заголовками: «Пушки вместо масла!»

Программа милитаризации экономики страны была разработана в четырехлетнем плане развития Германии. Ответственным за этот план был назначен Герман Геринг. В официальном заявлении Гитлера в связи с подготовкой четырехлетнего плана было сказано: «Генерал-полковник премьер-министр Геринг принимает меры для выполнения этого задания. Он обладает полномочиями выпускать декреты и осуществлять общее административное руководство по этому заданию. Он уполномочен заслушивать всех, включая самые высокие власти рейха, всех официальных лиц партии, ее отделений и организаций и отдавать им приказы». Так Геринг был официально назван «премьер-министром» Германии.

Одновременно Геринг взял на себя непосредственное руководство деятельностью стратегически важных предприятий Германии. В 1937 г. был создан концерн «Герман Геринг». Первоначально концерн занимался разработкой железных руд в Верхнем Пфальце. Затем сфера концерна расширилась. Предприятия «Герман Геринг» включали сталелитейные и вальцовочные заводы. Бурное развитие вооружений способствовало росту промышленного производства концерна, а также доходов его руководителя.

«Ни одна бомба не упадет на Рур!»

Геринг принял участие в совещании 5 ноября 1937 г., на котором Гитлер изложил свой план действий против соседних стран, и активно поддержал эту программу агрессий. Столкнувшись со скрытым, но упорным сопротивлением военных этому плану, Гитлер поручил Герингу расправиться с несогласными. Геринг охотно взялся за это дело, заявив: «Я сломаю сопротивление, и, если потребуется, возьму на себя командование рейхсвером». Геринг принял самое активное участие в компрометации Бломберга и Фрича. На их места были назначены более покладистые военные.

В марте 1938 г. под руководством Геринга осуществлялась операция по аншлюсу Австрии. Геринг лично указывал главарю австрийских нацистов Зейсс-Инкварту и герман-

скому посольству, что следует отменить назначенный канцлером Шушнигом референдум о независимости Австрии. Отдавал он приказы и относительно состава нового австрийского правительства.

В ходе политического кризиса вокруг Чехословакии Геринг произносил громогласные речи, в одной из которых заявил, что «наша оборона под Рейнландом является непреодолимой!» В своем выступлении на партийном съезде 10 сентября 1938 г. Геринг высмеивал «пигмеев из Праги», утверждая, что «эта раса пигмеев угнетает культурный народ. За ее спиной – Москва и вечная маска еврейского дьявола».

Однако Геринг опасался развязывания военных действий, к которым Германия не была готова. Поэтому он упрашивал Гитлера допустить его к участию в Мюнхенской конференции. На ней он был готов пойти на компромисс. Неожданная капитуляция западных держав вызвала у Геринга радость. В ходе вступления немецких войск без боя в Судеты Геринг распорядился осуществить парашютный десант в Карлсбаде (Карловы Вары), хотя в этом не было никакой военной необходимости.

Одновременно Геринг продолжал выступать за наращивание военной мощи Германии. В своем выступлении 14 октября 1938 г. Геринг объявил, что он «приступил к проведению в жизнь гигантской программы, в сравнении с которой меркнет все, что было до сих пор... В кратчайшее время военно-воздушные силы должны быть увеличены в пять раз; военно-морской флот должен более быстрыми темпами вооружаться; армия должна получать более мощное вооружение..., особенно тяжелую артиллерию и тяжелые танки. Наравне с этим должно быть увеличено производство военных материалов и горючего».

В начале 1939 года Герингу было присвоено звание фельдмаршала и вручен жезл, украшенный бриллиантами. Однако возрастание почестей Герингу явно не соответствовало усилению его активности в государственных делах. Вилли Фришауэр писал: «Здоровье Геринга было уже не то, что в предшествующие годы... Его лимфатические узлы воспалились, он еще больше потучнел, у него подскочило кровяное давление... Немало времени он проводил в постели в Каринхалле, и чиновники приносили бумаги на подпись прямо к его ложу». Между тем «объем возложенных на него обязанностей настолько возрос, что ему приходилось откладывать одни дела, разбираться с другими. Порой неделями, как мне рассказывал генерал ВВС, у него не доходили руки до проблем люфтваффе. Экономисты и промышленники то же самое говорили относительно четырехлетнего плана. Долгое время Геринг не появлялся в министерстве экономики... Он пытался поддерживать былую энергию с помощью тонизирующих препаратов и пилюль. Его охотничьи вылазки по выходным становились все более длительными... Он часами пропадал в своей художественной галерее, без устали обсуждал сложные сделки, касавшиеся произведений искусства, с директором художественных коллекций Вальтером Андреасом Хофером, известным специалистом, хранителем его драгоценной коллекции в Каринхалле. С помощью Хофера Геринг знакомился с новыми произведениями искусства, организовывал обмены художественными ценностями с музеями в Германии».

Фришауэр замечал, что «новые приобретения и расходы на содержание домов и поместий истощили ресурсы Геринга и фонды государства. В то время как весь мир подсчитывал размеры состояния «богатейшего человека в Европе» – именно так говорили о нем в то время, – управляющие «Дойче банка» ломали голову над вопросом: как быть с его задолженностью банку, которая составляла пять с половиной миллионов марок».

В то же время власть кружила голову Герингу, и он строил наполеоновские планы. Геринг не исключал возможности того, что бездетный Гитлер может передать, в конечном счете, правление рейхом ему и он станет основателем «геринговской династии». Поэтому он надеялся на рождение сына. Его жена Эмма родила ему дочь. Хотя это не отвечало его династическим планам, Геринг души не чаял в ребенке и вскоре выстроил для маленькой Эдды домик в стиле дворца Сан-Суси.

Честолюбивые планы своего коллеги, его сибаритство и готовность пожертвовать государственными делами во имя личных занятий не могли пройти мимо внимания Гитлера. Когда было предложено назначить Геринга вместо Бломберга на пост главнокомандующего вооруженными силами, Гитлер решительно отказался, сказав: «Геринг слишком ленив!»

Геринг не был привлечен к разработке первоначальных планов нападения на Польшу и был с ними ознакомлен лишь 23 мая 1939 г. Зная экономические и военные возможности Германии, Геринг опасался последствий войны. Он говорил жене: «Если мне не удастся совершить чудо, война неизбежна». Выступая на совещании руководителей авиационной промышленности, Геринг винил внешние силы в разжигании мирового конфликта. Он говорил: «Господа, положение серьезное. Повсюду евреи выступают за начало новой войны. Англия, по всей вероятности, не жаждет войны, точно так же и Франция. Но Америка предвидит возможность получения сверхприбыли».

Однако в ходе подготовки к войне с Польшей, к Герингу, по словам Фришауэра, вернулась былая деловая энергия: «Геринг организовал серию совещаний, призванных нацелить на выполнение трудной задачи его штаб, авиационную промышленность и министерства, находившиеся у него в подчинении. Таков был Герман Геринг в пору своего расцвета – бодрый, остроумный и циничный одновременно, излучающий энергию и не терпящий никаких возражений. За его резкими словами слушатели улавливали юношеский энтузиазм, который часто оказывался заразительным. Но порой это шло рука об руку с полным отрицанием очевидных реальностей».

В 1939 г. Геринг стал председателем реорганизованного совета по обороне. В его состав вошли Гесс, Фрик, Функ, Кейтель и Ламмерс. На заседании этого совета 23 июня 1939 г. Геринг заявил: «Совет обороны империи является решающей корпорацией в империи по вопросам подготовки к войне... Заседания совета обороны созываются для принятия самых важных решений». На этом же заседании генеральный уполномоченный по экономике Функ получил поручение «определить ту работу, которую должны будут выполнять военнопленные, а также лица, остающиеся в тюрьмах, концлагерях и на каторге».

Особую роль в подготовке к войне Геринг отводил военно-воздушным силам. Геринг был уверен в том, что люфтваффе справится с защитой рейха. Еще до начала войны 9 августа 1939 г. в своем отчете о посещении Рейнской области Геринг заявил: «Ни одна бомба вражеских летчиков не упадет на Рур!» Эта фраза Геринга была подхвачена немецкими газетами, которые вышли под заголовками: «Ни одна бомба не упадет на Рур!» Подтверждая верность своей похвальбе, Геринг вскоре заявил: «Если хоть один вражеский бомбардировщик долетит до Рура, зовите меня не Германом Герингом, а Мейером!»

Геринг уверял: «Люфтваффе опережают британский и французский военно-воздушные флоты... Когда придет час нанести удар, когда Германии придется вступить в бой, все шансы на победу – на нашей стороне».

В то же время в последние дни перед нападением на Польшу Геринг предпринимал усилия, чтобы договориться со странами Запада и добиться нового варианта Мюнхенского соглашения. С помощью шведского предпринимателя Биргера Далеруса Геринг с 7 августа 1939 г. вступил в переговоры с представителями делового мира Великобритании. Составлялись планы прибытия в конце августа Геринга в Лондон и подписания там соглашения между Германией и Великобританией. 21 августа английский посол в Берлине сэр Невиль Гендерсон докладывал: «Приняты все приготовления для того, чтобы Геринг под покровом тайны прибыл в четверг 23-го. Замысел состоит в том, чтобы он совершил посадку на каком-либо пустынном аэродроме и на автомашине отправился в Чекерс».

Хотя эти планы не были реализованы, ход переговоров с Англией показывал руководителям Третьего рейха, что Запад стремился «выйти из игры», направив германскую агрессию на Восток. Эти переговоры убедили Берлин в том, что Запад не готов к войне против Германии.

После начала военных действий в Польше Геринг не оставлял надежды договориться с Западом. Даже 3 сентября в день объявления Великобританией и Францией войны Германии, переговоры Геринга с Западом через посредство Далеруса продолжались.

Сея смерть с воздуха

Начало войны в Польше позволило Герингу утвердить за ним репутацию блестящего руководителя ВВС. Подполковник Грефрат в статье «Война в воздухе», опубликованной в сборнике «Мировая война. 1939–1945», писал: «Первоначальный удар по аэродромам и другим элементам наземной организации польских ВВС оказался весьма успешным. В те немногие недели, пока шла война, польская авиация действительно не могла оказать немцам сколько-нибудь существенного противодействия... Как по численности, так и по техническому оснащению немецкая авиация далеко превосходила польскую... Достигнутое превосходство заключалось главным образом в количестве боевых самолетов, а также авиационных экипажей, хорошо подготовленных к эффективной поддержке сухопутных войск». В военных действиях участвовало менее половины военных самолетов Германии. Их потери были не велики – около 200 боевых машин.

Легкая победа над Польшей открыла, по мысли Геринга, немалые экономические выгоды для Германии. Объясняя, начальнику экономического управления ОКВ генералу Томасу, что он собирается сделать с экономикой Польши, Геринг говорил: «Мы получим их заводы и их сельскохозяйственную продукцию. Скоро у нас появится изобилие продовольствия! Мы должны извлечь из этой войны максимальную выгоду!» Геринг говорил: «Нам нужно отправить миллион поляков на работы в Германию». Его задание было с лихвой перевыполнено. В первый же год после начала оккупации свыше 2 миллионов поляков были вывезены на принудительные работы в Германию.

После поражения Польши Геринг, с ведома Гитлера, через своих друзей в Швеции возобновил попытки заключить мир с западными державами. Геринг пытался запугать Запад «угрозой с Востока».

8 ноября 1939 г. в «Бюргербраукеллер» состоялось празднование 16-й годовщины «Пивного путча». После того, как Гитлер завершил свое выступление и покинул помещение, раздался мощный взрыв. Несколько человек было убито, многие были ранены. Геббельс поспешил обвинить английскую разведку в организации покушения на Гитлера. В то же время чудесное спасение Гитлера, который почему-то покинул пивной зал за несколько минут до взрыва, вызвали подозрения у многих. Так, историк А. Баллок считал, что покушение было тщательно организованной гестаповской провокацией с ведома Гитлера.

Однако в Англии распространились слухи, что за покушением стоял Геринг, который почему-то не присутствовал на традиционной встрече ветеранов партии. Нет сведений о том, были ли основания для таких слухов или нет, однако известно, что вскоре эсэсовец Артур Хейнеке, награжденный за поимку непосредственного исполнителя теракта Георга Эльсера, был назначен главой личной охраны Геринга. Вилли Фришауэр писал: «С того дня, хотя Геринг не знал об этом, его не только охраняли, за ним следили».

В это время Гитлер стал готовить захват Дании, Швеции и Норвегии. Геринг решительно выступил против вторжения в Швецию и даже грозил подать в отставку. Помимо родственников покойной жены шведки Карин, у Геринга было немало друзей в Швеции, с которыми он поддерживал деловые связи. Фришауэр утверждает, что это был «первый серьезный поединок» между Гитлером и Герингом. Гитлер уступил Герингу, а тот принял активное участие в разработке планов воздушной войны против Дании и Норвегии.

Решающую роль в захвате Дании сыграли воздушно-десантные войска под командованием генерала авиации Каупиша. В те районы, где имелись важные мосты и узлы коммуни-

каций, были выброшены парашютные десанты. В район Копенгагена был высажен батальон. Полковник Эгельгаф писал после войны: «Если учесть то впечатление, какое произвела на датчан внезапная высадка немецких десантов, то становится понятно, почему они не сумели оказать немцам сопротивления и почему король дал своим войскам приказ капитулировать... С падением Дании немецким войскам открывалась прямая дорога в Норвегию».

Грефрат считал, что операция по захвату Норвегии должна была стать «решающей проверкой способности немецких ВВС завоевать абсолютное господство в воздухе над районами высадки в момент ее осуществления». Подполковник писал: «Высадка десанта в Осло прошла успешно, несмотря на довольно сильную противовоздушную оборону норвежцев и сопротивление, оказанное их сухопутными силами».

Однако Грефрат признал, что «сокрушающие удары, нанесенные немцами малочисленной норвежской армии, оказались бесполезными, когда англичанам удалось прочно обосноваться на одном из наиболее удаленных от Германии пунктов побережья. Этим пунктом был Нарвик... Не приходилось отрицать «воздушной слабости» немцев в районе Нарвика... Немецкие ВВС не сумели добиться в данном районе преобладания над британским флотом и его авианосцами».

Победа немцев в Нарвике, хотя она и потребовала у них немало времени и сил, привела к вытеснению англичан из Норвегии. Грефрат имел основания констатировать: «Тот факт, что немцы сумели обеспечить за собой господство в воздухе, осуществить высадку парашютных и посадочных десантов, а также обеспечить подвоз по воздуху боепитания, сыграл основную роль в вытеснении западных союзников из тех плацдармов на Севере, за которые шла борьба».

Последующие события еще больше усилили уверенность Геринга и других руководителей Германии в превосходстве люфтваффе в воздухе над военно-воздушными силами других стран. Грефрат писал: «Первый же день войны – 10 мая 1940 года – был ознаменован крупной военно-воздушной операцией – высадкой немецких парашютных и посадочных десантов для захвата «крепости Голландии». В день капитуляции Голландии был издан приказ немецкого верховного главнокомандования, в котором подчеркивалось, что своими действиями военно-воздушные силы рейха «вынудили к сдаче сильную, хорошо подготовленную армию... в первую очередь благодаря героическим усилиям парашютных и посадочно-десантных войск».

Также успешно действовали немецкие ВВС и в Бельгии. Грефрат писал: «10 мая 1940 года впервые в военной истории воздушный десант, высаженный с грузовых планеров, сумел овладеть одним из сильнейших укреплений бельгийской оборонительной системы – фортом Эбен-Эмаэль. Понеся незначительные потери, немецкие десантники удержали форт и переправы через канал Альберта вплоть до подхода сюда войск сухопутной армии. Действия воздушно-десантных войск опрокинули все расчеты противника. Немецким сухопутным войскам была открыта дорога для беспрепятственного продвижения вперед».

Успешными были и действия люфтваффе во Франции. Грефрат сообщал: «Французская авиация в результате непрерывных ударов по ее основным аэродромам была уничтожена фактически еще на земле. Проведенные в первые же дни бомбардировки авиационных заводов Франции настолько парализовали ее промышленность, что она в течение всего, правда непродолжительного периода военных действий, уже не смогла полностью восстановить производства самолетов, необходимых для восполнения понесенных потерь. Использование внезапности вновь обеспечило немецкому верховному главнокомандованию выполнение всех намеченных задач. Французские ВВС практически были исключены из борьбы и не могли оказать сколько-нибудь серьезного влияния на развертывание наземных операций».

Грефрат писал: «В дни эвакуации английских войск из Дюнкерка немецкой авиацией была упущена исключительная возможность – повторить «чудо на Марне», имевшее место во время Первой мировой войны. Это упущение объяснялось, прежде всего, неблагоприятной погодой, затруднившей эффективное использование авиации. Однако есть все основания

подозревать, что политическое руководство Германии вообще не собиралось наносить в этот момент действительно сокрушающий удар по английским войскам, уходящим из Дюнкерка. В то время Гитлер, видимо, все еще находился в плену ошибочных представлений, будто с Англией можно заключить мир».

Подполковник Грефрат констатировал: «Война с Францией... вновь показала, что немецкие ВВС все еще имеют значительное превосходство перед авиационными силами своих западных противников, как в качественном, так и в количественном отношении. Из этого руководство Германии сделало вывод, будто немецкие вооруженные силы являются вообще непобедимыми, и продолжало ставить перед собой и своими вооруженными силами все более и более грандиозные задачи».

После капитуляции Франции Геринг был удостоен новых почестей. 19 июля 1940 г. Гитлер издал указ: «В качестве награды за его громадный вклад в победу, я посредством этого указа возвожу создателя люфтваффе в ранг рейхсмаршала и награждаю его Большим Железным крестом».

1 августа 1940 г. Гитлер издал директиву «Ведение морской и воздушной войны против Англии», в которой говорилось: «Немецкие ВВС должны возможно быстрее подавить английскую авиацию, используя для этого все имеющиеся возможности». Началась «битва за Англию».

Германские самолеты бомбили Южную Англию, включая Лондон. Однако, как отмечал английский историк А. Дж. П. Тейлор, «к 18 августа стало ясно, что люфтваффе не получит легкой победы». К этому дню потери немцев составили 236 самолетов, а англичан – 95. 23 августа английские самолеты совершили первый налет на Берлин.

Грефрат признавал: «Хотя временами и создавалось впечатление, что английской истребительной авиации нанесен значительный ущерб, подавления английских ВВС и их наземной организации добиться все же не удалось... Воздействие бомбардировок, особенно бомбардировок Лондона, было по тогдашним представлениям, довольно значительным, но на самом деле решающего значения оно не имело... Налеты немецкой авиации на Англию продолжались до самой весны 1941 года, причем эффективность их непрерывно снижалась, а потери росли. Тех результатов, на которые делалась ставка при проведении авиационных ударов, добиться не удалось. Английская оборона с каждым днем становилась все сильнее. Действия против Англии впервые поставили перед лицом кризиса, поскольку в ходе их была потеряна значительная часть летного состава, обладавшего хорошей подготовкой и боевым опытом».

Удрученный неудачами люфтваффе, Геринг нервничал, кричал на своих подчиненных. По словам Фришауэра, в это время «Геринг был на грани нервного истощения. Засыпать он мог только с помощью сильных снотворных, в результате чего утром, когда отрабатывались детали дневных операций, находился не в лучшей форме... Осенью 1940 г. Геринг пытался избавиться от угнетавших его проблем, связанных с люфтваффе и скрывался от докучных забот в своем любимом царстве искусств».

Его коллекция картин и других предметов искусства быстро расширялась. Фришауэр перечисляет некоторые источники поступлений в коллекцию Геринга: «Некоторые коллекции были оставлены европейскими евреями, которые поспешно покидали свою страну после захвата ее вермахтом. Другие произведения искусства добровольно предлагались владельцами немецким агентам по иностранному обмену, которых Герман Геринг контролировал как руководитель немецкой экономики. Какие-то вещи были просто украдены в хаосе, который сопровождал гибели стран, завоеванных люфтваффе. Случалось и так: предатели-министры, не имевшие права распоряжаться государственной собственностью, искали благосклонности немцев, преподнеся в дар Герингу экспонаты из национальных музеев».

Однако заниматься лишь своими коллекциями Герингу не позволяла война. Ему все чаще приходилось объяснять, почему немецкие ВВС не сумели разбить королевскую авиа-

цию Англии, а та совершает налеты на Берлин, Бремен, Кельн, Эссен. «Так что же, господин Мейер? – спрашивал язвительно Гитлер. Так стали называть Геринга во всей Германии. Воздушную дивизию Германа Геринга стали также именовать «дивизией Мейера».

Правда, нападение Германии на Югославию и Грецию открыло Герингу возможность отчасти реабилитировать люфтваффе и себя. Военные действия против Югославии открылись 6 апреля 1941 года жестокой бомбардировкой Белграда и других югославских городов. Полковник Зельмар писал: «Еще в первые дни операции немецкая авиация разгромила аэродромы и базы югославской авиации и важнейшие узлы управления войсками». По словам Греффрата, «неожиданное нападение сорвало югославские планы проведения мобилизации страны и армии для борьбы с врагом».

В военных действиях против Греции немецкие ВВС часто применяли десанты. В первые же дни войны немецкие парашютисты овладели Коринфским перешейком и перерезали пути отхода английским и греческим частям из Афин. 20 мая люфтваффе начали на Крите, по словам Греффрата, «первую в истории войн воздушно-десантную операцию, целью которой является захват крупного острова с воздуха». 1 июня Крит оказался в руках немцев.

«Я намереваюсь грабить эффективно»

Завоевание Германией многих стран Европы привело к тому, что их экономика оказалась в сфере хозяйственной деятельности Геринга. Выступая на секретном совещании немецких рейхскомиссаров в оккупированных странах и областях, состоявшегося 6 августа 1942 г., Геринг говорил: «Боже мой! Вы посланы туда не для того, чтобы работать на благосостояние вверенных вам народов, а для того, чтобы выкачать все возможное с тем, чтобы мог жить немецкий народ... Вы должны быть как легавые собаки там, где имеется еще кое-что, в чем может нуждаться немецкий народ, – это должно быть молниеносно извлечено из складов и доставлено сюда... Я должен иметь здесь отчеты о том, что вы предлагаете поставить. Передо мной ваши отчеты о намеченных вами поставках; когда я рассматриваю ваши страны, то мне эти цифры представляются совершенно недостаточными. При этом совершенно безразлично, скажете ли вы или нет, что ваши люди умирают от голода».

Бразильский ученый Жозуэ де Кастро в своей книге «География голода» писал: «Наряду с расовой дискриминацией Германия установила продовольственную дискриминацию, разделив население Европы на категории хорошо питающихся, плохо питающихся, голодающих и умирающих от голода. Немцы были фактически единственной группой людей, относившихся к категории хорошо питающихся; благополучие всех остальных народов было принесено в жертву ради хорошего питания господствующей расы. Население союзных с Германией стран, участвовавших в решении ее жизненных или военных задач, получало такое количество продовольствия, которое позволяло ему до некоторой степени сохранять трудоспособность. Вражеские страны обрекались на режим жесточайшего голода с тем, чтобы подавить у них всякую волю к сопротивлению; а что касается некоторых расовых групп, как например, евреев, то они попросту были обречены на голодную смерть».

Сразу же после оккупации Польши в 1939 года из нее стали вывозить в огромных количествах продукты питания в Германию. Только из присоединенных к Германии областей Польши было вывезено 480 тысяч тонн пшеницы, 150 тысяч тонн ржи, 150 тысяч тонн ячменя, 80 тысяч тонн овса, 700 тысяч тонн свиней. Дневной рацион питания в Польше снизился до 700–800 калорий в день и, как писала Мария Бабиčka в своем докладе «Текущая ситуация с питанием в Польше», поляки дошли до того, что «ели собак, кошек и крыс и варили похлебку из кожи павших животных и древесной коры».

Комиссия ученых, посетившая Польшу вскоре после окончания войны по поручению Организации по вопросам продовольствия и сельского хозяйства при ООН, обнаружила, что

рост польских детей был на 3–6% меньше роста детей того же возраста до 1930 года, а вес – ниже на 10–14 %. Голодание поляков в период оккупации проявлялось также в остром малокровии, распространении заболеваний щитовидной железы и широком распространении рахита. К концу войны рахит в более или менее острой форме наблюдался у 70 % всех мальчиков и 58 % девочек. Жозуэ де Кастро писал: «Одним из самых серьезных последствий острого недоедания было снижение сопротивляемости организма всякого рода инфекционным заболеваниям. Туберкулез, подобно одному из всадников Апокалипсиса, стал уничтожать население страны. По окончании войны было обнаружено, что 80 % польских детей болели туберкулезом в скрытой форме, а 15 тысяч детей болели туберкулезом в открытой форме и являлись носителями бацилл Коха».

«В апреле 1940 года, – писал Ж. де Кастро, – наступила очередь Норвегии. До войны уровень питания ее населения был одним из самых высоких в Европе». Однако после вторжения немцев ситуация изменилась. В своем докладе «Положение с продовольствием в Норвегии» Эльза Маргрете Руд писала: «Они напали на нас, как саранча, пожирая все на своем пути. Нам пришлось не только кормить в Норвегии 300 или 400 тысяч прожорливых немцев; германские суда, доставившие их к нам, отплыли обратно, нагрузившись норвежским продовольствием и другими товарами... С тех пор с рынка постепенно исчезал один продукт за другим; сначала яйца, затем мясо, пшеничная мука, кофе, сливки, масло, молоко, шоколад, чай, рыбные консервы, фрукты и овощи и, наконец, сыр и свежая рыба – всё ушло в немецкую глотку».

«Подобная участь, – замечал Ж. де Кастро, – постигла Голландию... Только за первую неделю оккупации немцы конфисковали в Голландии около 8 миллионов кг масла – 90 % всего запаса масла в стране. В течение первых двух лет войны Голландия потеряла одну четверть поголовья скота, а значительная часть пастбищ была использована под посевы масличных культур. За это же время количество свиней сократилось с 1,8 миллионов до 490 тысяч, а домашних птиц – с 33 миллионов до 3 миллионов».

Однако на совещании 6 августа 1942 г. Геринг объявил, что данные о происходившем разграблении оккупированных стран не отвечают целям германского правительства. Он рассуждал: «У ворот Рурской области лежит богатая Голландия. Она могла бы послать в этот момент значительно больше овощей в эту измученную область, чем это делалось раньше. Что об этом думают господа голландцы, мне совершенно безразлично... Вообще же в оккупированных областях меня интересуют только те люди, которые работают на вооружение и на обеспечение продовольствием. Они должны получать столько, чтобы они только смогли выполнять свою работу. Являются ли господа голландцы германцами или нет, мне это полностью безразлично; так как если они ими являются, то тем они большие глупцы, а как следует поступать с глупыми германцами, уже показали в прошлом великие личности. Если во всех странах будет слышаться ругань, то все же вы действовали правильно, так как дело идет единственно о Германии».

В ходе выполнения указаний Геринга в 1943 году дневной рацион питания среднего голландца сократился до 1200 калорий, а зимой 1944–1945 годов упал до 800 калорий. Общее потребление белков составляло от 10 до 15 граммов в день, а дневное потребление жиров – до 2,5 граммов в день.

Оценивая рацион питания голландцев во времена немецкой оккупации, Ж. де Кастро писал: «Это был жестокий голод со всеми его последствиями – отеками всего тела, крайней слабостью и голодными поносами. Из типичных авитаминозных заболеваний самыми распространенными были болезни, вызываемые недостатком витамина А; кроме того, часто встречалось размягчение костей и острое малокровие... Изуродованные отеками лица служили свидетельством тяжелого голода. В результате уровень смертности, поднявшийся в первый год войны до 9, а во второй – до 17 на тысячу, достиг затем потрясающих размеров». В своей книге

«Голодная зима в Амстердаме» Макс Норд писал, что умирало столько людей, что «не хватало гробов, и покойников складывали длинными рядами в церквах».

Такую же грабительскую политику проводил Геринг и в отношении других стран Западной Европы. 6 августа 1942 г. он говорил: «Я остановлюсь на западных областях Бельгии. Бельгия чрезвычайно позаботилась о себе. Это было очень благоразумно со стороны Бельгии. Но также и здесь, господа, я мог бы разгневаться. Если в Бельгии вокруг каждого дома растут овощи, то для этого они должны были иметь семена овощей. Германия, когда мы в прошлом году хотели провести крупное мероприятие по обработке земли, не имела и приблизительно того количества овощных семян, в котором нуждалась. Они не были поставлены ни Голландией, ни Бельгией, ни Францией, хотя я там на одной единственной улице Парижа смог насчитать более чем 170 мешков с овощными семенами. Очень хорошо, если французы возделывают овощи для себя. Это для них привычно. Но, господа, эти народы являются враждебными нам, и вы своими гуманными мероприятиями друзей среди них не завоюете. Люди очень милы в отношении нас, потому что они должны быть милыми, но стоит там только появиться англичанам, и вы увидите настоящее лицо французов. Тот самый француз, с которым вы попеременно друг у друга бываете в гостях, быстро втолкует вам, что француз ненавидит немцев. Такое положение повсеместно... Что касается Франции, то я утверждаю, что земля там обрабатывается недостаточно. Франция может обрабатывать землю совсем иначе, если крестьяне там будут несколько иначе принуждаться к работе. Во-вторых, в этой Франции население обжирается так, что просто стыд и срам».

Геринг продолжал: «Я рассматриваю Францию, которую мы ныне оккупировали, как завоеванную область. Раньше мне все же казалось дело сравнительно проще. Тогда это называли разбоем. Это соответствовало формуле – отнимать то, что завоевали. Теперь формы стали гуманнее. Несмотря на это, я намереваюсь грабить. Грабить эффективно. Я пошлю вначале в Голландию и Бельгию, а также во Францию ряд скупщиков с особыми полномочиями и у них до новогодних праздников будет время скупить в большей или меньшей мере всё, что вообще имеется там в изящных лавках и складах... Для меня неважно, что каждая француженка будет бегать вокруг, как размалеванная проститутка. Она в ближайшее время больше ничего не купит... За последний год Франция поставила 550 000 тонн хлеба, а теперь я требую 1,5 миллиона. В 14 дней представить предложение, как это будет производиться. Никаких дискуссий. Что произойдет с французами – безразлично: 1,5 миллиона тонн хлеба должно быть поставлено».

Ж. де Кастро замечал: «Миллионы людей в других странах переживали такие же муки голода, как голландцы. Более или менее острый голод свирепствовал в Бельгии, Норвегии, Дании, Италии, Греции и в других оккупированных странах, и везде он неумолимо уносил множество человеческих жертв». Ж. де Кастро писал: «Нацисты пользовались голодом как одним из средств истребления еврейского населения... Голод уничтожал в десятки раз больше людей, чем газовые камеры и расстрелы. Массовое уничтожение евреев во время последней войны осуществлялось преимущественно страшным оружием голода и сопутствующих ему бедствий и эпидемий».

«Новый порядок», который нацисты установили в оккупированных странах Западной Европы, представлял собой, по словам Ж. де Кастро, «один огромный и мрачный застеночек. И действительно, продовольственные пайки гражданского населения мало чем отличались от пайков заключенных в лагерях смерти в Берген-Бельзене или Бухенвальде. Дневной паек не содержал и 1000 калорий и состоял почти исключительно из гнилого картофеля и недоброкачественного хлеба».

Геринг против СССР

Завершив покорение значительной части Европы и установив там жестокий оккупационный режим, Гитлер и его окружение стали готовить агрессию против СССР. Как и по отношению к другим странам, которые становились объектами германского нападения, Геринг рассматривал СССР, прежде всего, как объект разграбления. В приговоре Международного военного трибунала в Нюрнберге говорилось, что еще до завершения работы над «планом Барбаросса» от 18 декабря 1940 г., «Геринг сообщил об этом плане генералу Томасу – начальнику управления экономики ОКВ. Генерал Томас составил обзор экономических возможностей СССР, включая сырьевые ресурсы, энергетические мощности, транспортную систему и его производственную мощь в области вооружений. В соответствии с этим обзором под непосредственным руководством Геринга был создан экономический штаб по делам восточных территорий со многими военно-хозяйственными учреждениями (инспекторами, командами, группами). Совместно с военным командованием эти учреждения должны были добиться как можно более полной и эффективной экономической эксплуатации оккупированных территорий в интересах Германии».

29 апреля 1941 г. был создан экономический штаб особого назначения «Ольденбург», подчиненный Герингу. Было приказано создать в крупнейших городах СССР специальные хозяйственные инспекции и команды, перед которыми были поставлены задачи по разграблению советской промышленности и сельского хозяйства.

За месяц до нападения на нашу страну Геринг в своей директиве от 23 мая 1941 года об экономической политике на Востоке писал: «Германия не заинтересована в поддержании производительности на этой территории. Она снабжает продуктами питания только расположенные там войска... Население в этих районах, в особенности городское, обречено на голод. Необходимо будет вывозить это население в Сибирь». Геринг исходил из того, что «десятки миллионов людей станут в этих местах лишними». После нападения Германии на СССР эта программа Геринга стала осуществляться.

Выступая 6 августа 1942 г., Герман Геринг заявлял: «В настоящий момент Германия владеет от Атлантики до Волги и Кавказа самыми плодородными землями, какие только вообще имелись в Европе; страна за страной, одна богаче и плодородней другой, завоеваны нашими войсками». Перечисляя их, Геринг говорил: «Россия, «чернозем Украины по ту и эту сторону Днестра, излучина Дона с ее неслыханно плодородными и лишь незначительно разрушенными областями. Теперь наши войска уже оккупировали частично или полностью все плодородные области между Доном и Кавказом... Эта страна, со сметаной, яблоками и белым хлебом сможет прокормить нас».

На этом же совещании Геринг издевательски говорил о благополучии народов оккупированных республик СССР: «С радостью я услышал, что у рейхскомиссара в Прибалтике так хорошо и богато, что люди от полноты страдают легкой одышкой, когда выполняют свою работу. Во всяком случае, при всем моем заботливом обращении... я все же позабочусь, чтобы из бесконечного плодородия этой области кое-что могло быть отдано».

Это «кое-что» включало огромные количества промышленной и сельскохозяйственной продукции, вывезенной оккупантами из СССР. В сообщении чрезвычайной государственной комиссии СССР о материальном ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками государственным предприятиям и учреждениям, колхозам, общественным организациям и гражданам СССР лишь при перечислении потерь в животноводстве было сказано, что оккупанты «зарезали, отобрали или угнали в Германию 7 миллионов лошадей, 17 миллионов голов крупного рогатого скота, 20 миллионов свиней, 27 миллионов овец и коз, 110 миллионов голов домашней птицы».

Ограбление оккупированных территорий СССР обрекало их население на недоедание, а то и на грань голодной смерти. Уже в конце 1941 г. продовольственный паек, выдаваемый по карточкам в Эстонии, лишь на одну треть удовлетворял потребность человека в пище. В конце 1942 г. и без того более чем скудные нормы выдачи питания были снижены. Теперь рабочему полагалось на день 243 грамма хлеба, 19 граммов жиров, 5 граммов сахара и 100 граммов соленой рыбы. Но и эти нормы снабжения часто нарушались. В это же время служащие немецкой национальности получали в Эстонии по 857 граммов хлеба, по 114 граммов мяса, по 26 граммов жиров в день.

В Латвии мясо, жиры и сахар, выдаваемые по карточкам, заменялись «эрзацами», а то и совсем не выдавались. Историк Е. Греска писал, что в Литве «из нормируемых продуктов питания население могло получить около 1/2–1/3 необходимого для жизни и поддержания трудоспособности количества калорий. К тому же выделявшиеся местному населению предметы потребления, особенно продукты питания, были низкого качества».

Массовое голодание приводило к росту заболеваемости, широкому распространению заразных болезней, резкому увеличению смертности среди населения. Даже издававшаяся оккупантами газета Литовского бецирка «Атейнис» признавала: «Смертность в нашем крае увеличивают не только заразные болезни. При ухудшившихся условиях питания организм человека становится менее устойчивым к любой болезни».

В письме инспектора по вооружениям на Украине от 2 декабря 1941 г., предъявленном на Нюрнбергском процессе, говорилось: «Изъятие из Украины сельскохозяйственных излишков в целях снабжения рейха... мыслимо при условии, если внутреннее потребление на Украине будет доведено до минимума. Это будет достигнуто следующими мерами: 1) Уничтожением лишних едоков (евреев, населения крупных украинских городов, которые, как Киев, вообще не получают никакого продовольствия). 2) Путем предельного сокращения продовольственной нормы украинцев – жителей городов. 3) Уменьшением продовольственного потребления крестьянского населения».

Безжалостное разграбление оккупированных республик СССР привело к резкому увеличению смертности от голода и болезней, вызываемых недоеданием. К тому же в 19 областях и автономных республиках РСФСР, полностью или частично подвергнутых оккупации, более 2,4 миллиона человек были угнаны в Германию. Особенно тяжелы были демографические потери в Великолукской, Калининской, Ленинградской, Псковской, Смоленской областях и Крыму, где оккупация длилась 2–3 года. Население колхозов в областях РСФСР, подвергшихся оккупации, сократилось на треть, а городское население – в 2,5 раза.

За три года оккупации Украины 5,3 миллиона ее жителей были убиты (один из шести), 2,3 миллиона человек были вывезены на работу в Германию. В Белоруссии было уничтожено свыше 2 миллионов человек – примерно четвертая часть населения республики. Свыше 380 тысяч жителей угнали на каторжные работы в Германию.

Отвечая на вопрос главного советского обвинителя Р. А. Руденко («Вы признаете, что, как уполномоченный по четырехлетнему плану, вы руководили насильственным угоном в рабство многих миллионов граждан оккупированных стран и что подсудимый Заукель был в своей деятельности непосредственно подчинен вам?»), Геринг заявил: «Я уже говорил, что несу ответственность за это в такой степени, в какой был осведомлен в этой области».

О том, что Геринг был достаточно хорошо осведомлен «в этой области», свидетельствовало его распоряжение относительно порядка содержания советских людей, пригнанных на каторжные работы в Германию. 7 ноября 1941 года он приказывал: «При применении мер поддержания порядка решающим соображением являются быстрота и строгость. Должны применяться лишь следующие разновидности наказания, без промежуточных ступеней: лишение питания и смертная казнь решением военно-полевого суда».

Историк Н. И. Кондакова писала: «Все граждане, угнанные на каторгу, носили номера и куски материи на груди с надписью «OST», продавались землевладельцам за несколько немецких марок. Члены семей разлучались, теряя друг друга, оставляя сиротами детей. От непосильного труда, постоянного голода, жестоких пыток и издевательств в гитлеровских лагерях смерти, на каторге погибли тысячи наших сограждан. А те, кто возвратились на Родину, как правило, были больны, измучены физически и психически. Таким образом, гитлеровцы, кичившиеся своей культурой, в годы Второй мировой войны фактически возродили рабовладельческие порядки, существовавшие в Европе много веков назад».

Нападение на СССР началось с бомбардировок, совершенных авиацией Геринга 22 июня 1941 г. Как и во время предыдущих нападений, немецкие бомбардировщики постарались нанести сокрушительный удар по самолетам в местах их расположения. В первый же день войны было уничтожено 1811 советских самолетов (из них 1489 – на земле). За этот день было сбито лишь 35 немецких самолетов и повреждено 100.

Высоко оценив успехи люфтваффе в первые дни после нападения на СССР, Гитлер 29 июня 1941 исправил указ о преемственности, еще более отметив особую роль Геринга в Третьем рейхе. Указ, подписанный Гитлером, гласил: «Если я окажусь скован в свободе действий, или если я стану недееспособен в других отношениях, рейхсмаршал Геринг должен стать моим представителем или преемником во всех официальных делах государства, партии и вермахта».

Военные сводки германского командования первых дней войны прославляли люфтваффе. В них утверждалось, что к 10 августа немцы уничтожили 10 тысяч советских самолетов (хотя Грефрат сомневается в точности этих данных). Как и в других странах, авиация Геринга разрушала города и села Советского Союза. Сильным бомбардировкам была подвергнута его столица. С 21 июля по 4 октября Москва подверглась 30 авианалетам, а с 4 октября по 6 декабря – 53. Одновременно постоянным бомбардировкам подвергались Ленинград, Ростов, Рыбинск, Горький и другие крупные города. Герфарт писал: «Не проходило ни одного дня без того, чтобы немецкие самолеты не совершали успешные налеты на корабли и портовые сооружения. Они наносили удары по железным дорогам в Донецком бассейне и Донской области, по районам сосредоточения войск противника на центральном участке фронта, на Валдайских высотах, к востоку от Ленинграда и в Карелии. Нередко в сводках встречалось выражение «по всему фронту». И впрямь, действия немецкой авиации распространились по всему Восточноевропейскому театру войны. Авиация стала чаще совершать налеты на Мурманскую железную дорогу, портовые сооружения Мурманска, а также на транспортные суда в Баренцевом и других северных морях».

Однако советская авиация все решительнее давала отпор люфтваффе. Грефрат признавал, что «потери немецкой авиации не были такими незначительными, как думали некоторые. За первые 14 дней боев было потеряно самолетов даже больше, чем в любой из последующих аналогичных промежутков времени. За период с 22 июня по 5 июля 1941 года немецкие ВВС потеряли 807 самолетов всех типов, а за период с 6 по 19 июля – 447. Эти потери говорят о том, что, несмотря на достигнутую внезапность, русские сумели найти время и силы для оказания решительного противодействия».

То, что советская авиация не была уничтожена в первые дни войны, как это случилось с военно-воздушными силами Франции, стало ясно после бомбардировки Берлина семью советскими самолетами в августе 1941 г. Хотя, по словам Грефрата, «на этом этапе войны русские ВВС были еще заметно слабее немецких, как командование, так и летный состав русской авиации стали гораздо опытнее... Большой неожиданностью для немцев было, например, появление у русских самолета-штурмовика Ил-2. Эта машина обладала хорошей броневой защитой и потому была трудноуязвима».

Правда, несмотря на неподготовленность к зиме, немецкие ВВС сыграли немалую роль в спасении войск советско-германского фронта от разгрома после начала неожиданного для

немцев наступления Красной Армии. Они осуществляли снабжение окруженных частей, перебрасывая по воздуху в Демянск и Холм грузы. Хотя потери транспортной авиации в зимнюю кампанию были значительны (около 265 самолетов), они совершили свыше 14 тысяч вылетов, перевоза по 265 тонн грузов в день.

В то же время Грефрат признавал, что в ходе зимней кампании 1941–1942 гг. Красная Армия причинила ощутимый урон военной авиации Германии: «Зимой 1942 г. немецкой бомбардировочной авиации был нанесен первый сокрушительный удар». Однако Геринг игнорировал понесенные утраты и исходил из несокрушимости люфтваффе.

«Мы либо приведем люфтваффе в порядок, либо войну проиграем»

Переброска значительной части авиации на восток привела к тому, что Германия оказалась незащищенной от авиационных налетов с запада. Как писал А. Дж. П. Тейлор, сначала объектами английских массированных бомбардировок стали города, имевшие ценность с точки зрения их воздействия на общественное настроение. «Любек, который разбомбили 28 марта, и Росток, разбомбленный 24–28 апреля, не имели большого экономического значения. Но это были средневековые города, в которых было много деревянных домов, а они хорошо горели».

В ночь на 30 мая 1942 г. 140 английских самолетов нанесли мощный бомбовый удар по Кёльну. Налет длился полтора часа, в ходе которого было сброшено около 1500 бомб. Шпеер был свидетелем того, как Геринг реагировал на сообщения о бомбардировке. Он уверял, что «так много бомб не могло быть сброшено за одну ночь». Геринг связался по телефону с гауляйтером Кёльна Гроэ и отчитал его: «То, что сообщает ваш полицейский комиссар – это грязная ложь! Я, как рейхсмаршал, заявляю вам, что эти цифры слишком высоки. Как вы можете сообщать такой бред фюреру!.. Немедленно направьте другой доклад фюреру, пересмотрев цифры. Или вы хотите сказать, что я лгу? Я уже направил фюреру доклад с правильными цифрами».

А налеты английской авиации на Германию продолжались. Только за июнь и июль англичане сбросили на Германию до 13 тысяч бомб. С 17 августа налеты стала совершать американская авиация. Всего за 1942 год авиация союзников совершила около тысячи налетов, в том числе 17 крупных, в ходе которых сбрасывалось по 5 тысяч тонн бомб. Грефрат писал: «До удара по Кёльну в мае 1942 года действия английских бомбардировщиков против Германии можно было назвать «булавочными уколами»... И все же они по-прежнему не имели такой интенсивности и мощи, которые превратили бы их в решающий фактор ведения войны». А. Дж. П. Тейлор писал, что понесенный германской промышленностью в 1942 г. урон от бомбардировок не превысил 0,7 % от общего объема производства и 0,5 % от общего объема военного производства. Тейлор замечал: «Хотя эти данные не были известны в то время, было достаточно ясно, чтобы придти к бесспорному выводу о том, что сами по себе бомбардировки никоим образом не обеспечат победы над противником».

Однако психологический урон от бомбардировок был огромен. Мифы о превосходстве люфтваффе в небе и о неуязвимости Третьего рейха были развеяны. Гитлер узнал о налете на Кёльн на военном совещании, на котором не было Геринга. Тот был срочно вызван. Когда же рейхсмаршал прибыл, Гитлер подчеркнуто игнорировал его.

Новым поводом для острой критики Геринга Гитлером стали неэффективные действия германских ВВС на Восточном фронте. После окружения войск Паулюса, Геринг обещал направлять в Сталинград по 500 тонн грузов ежедневно. Однако быстрое продвижение советских войск на запад заставляло немецкую авиацию использовать все более отдаленные аэродромы. К тому же, советская авиация энергично уничтожала транспортные самолеты немцев,

летевшие в Сталинград и из него. Очень скоро немецкие самолеты стали перебрасывать лишь по 100 тонн грузов ежедневно.

Гитлер нашел в Геринге удобного мальчика для битья, обвинив его в грандиозном поражении немецких войск под Сталинградом. По свидетельству очевидцев Гитлер на заседании ставки кричал: «Снова подвели люфтваффе... Лучше было бы вести войну без них. Не нужны мне эти трусы... Кончено! Их следует отдать под расстрел!». Адьютант Геринга был уверен, что, когда речь заходила о люфтваффе, Гитлер имел в виду Геринга.

Поражение под Сталинградом совпало с 10-й годовщиной прихода нацистов к власти. Гитлер отказался выступать с речью в этот день. Вместо него выступил Геринг. После Сталинграда Геринг одним из первых в окружении Гитлера осознал неизбежность поражения Германии и снова обратился к своим шведским друзьям в поисках посредничества для переговоров с западными державами. В этом он получил поддержку со стороны Геббельса и Гиммлера. Однако, когда Геринг сообщил о своих планах Гитлеру, тот сказал: «Еще один шаг в этом направлении, Геринг, и я тебя расстреляю!»

Поражение немецко-фашистских войск на Курской дуге лишний раз вскрыло слабость ВВС, не сумевших обеспечить господство в воздухе. В разгар боев на Курской дуге начальник штаба ВВС генерал-полковник Ешонек получал противоречивые указания от Геринга и Гитлера относительно действий люфтваффе. Тогда Ешонек заявил Гитлеру: «Мой фюрер, полагаю, что вы лично возьмете на себя командование люфтваффе, как вы уже сделали с армией. Только вы способны восстановить престиж наших военно-воздушных сил... С рейхсмаршалом невозможно связаться».

Через два дня о словах Ешоннека стало известно Герингу. Он предложил генерал-полковнику «найти способ выйти из положения», в котором он оказался. Ешонек застрелился.

Между тем в 1943 г. бомбардировки Германии усилились. За 1943 год на территорию Германии было сброшено 136 тысяч бомб. Фришауэр писал: «За семь массированных налетов на Рур было сброшено десять тысяч тонн бомб. В следующем месяце шестнадцать тысяч бомб обильными «осадками» выпали на территорию Германии, еще девятнадцать тысяч – в августе 1943 г. За один только месяц восемнадцать ночных налетов совершили московские бомбардировщики, семь из них – на Берлин». Геринг, по словам Фришауэра, уже не успевал посещать все города, на которые падали бомбы. Он выступал в этих городах: «Нюрнберг, Мюнхен, Штутгарт, Бохум, Вильгельмсхафен, Киль, Мангейм, Падеборн».

Хотя число налетов и участвовавших в них англо-американских самолетов росло, их потери не увеличивались. Греффрат писал: «Составив к началу 1943 года в среднем 4 %, они снизились осенью этого года до 3 %». Это было вызвано тем, что бомбардировщиков обычно сопровождали истребители, а летные качества самолетов, бомбивших Германию, улучшались.

Раздражение Герингом в высших кругах рейха росло прямо пропорционально увеличению числа авианалетов на Германию. В своих мемуарах Риббентроп писал, что он «на следующий день после имевшего тяжелые последствия воздушного налета на Гамбург в июле 1943 г. сказал фюреру: «Мы либо приведем люфтваффе в порядок, либо войну проиграем». В присутствии генералов Гитлер так высказывался в адрес Геринга: «Этот слабовольный человек окружил себя женщинами и наслаждается домашним уютом». («Женщины», о которых говорил Гитлер, были жена и дочь Геринга, а также две сестры рейхсмаршала.) «Женщины! женщины! – восклицал фюрер. – Неудивительно, что люфтваффе – такая свиная лавка!»

Поражения германских войск на советско-германском фронте сопровождались растущими потерями немецких самолетов. Греффрат писал, что в 1944 года немецкую бомбардировочную авиацию «окончательно загубили в России». Поэтому к началу высадки союзников в Нормандию, германские воздушные силы были обессилены.

Успеху десанта союзников 6 июня 1944 года способствовало их превосходство в воздухе. К началу вторжения, писал К. Типпельскирх, «в распоряжении союзников имелось 5049 истре-

бителей, 1467 тяжелых бомбардировщиков, 1645 средних и легких бомбардировщиков, включая самолеты-торпедоносцы, 2316 транспортных самолетов и 2591 планер. В то же время на французских аэродромах было сосредоточено лишь 500 немецких самолетов, из которых всего 90 бомбардировщиков и 70 истребителей были в полной боевой готовности». Как отмечал адмирал Маршалль, «в день высадки западные союзники подняли в воздух до 6700 самолетов, которым противостояли всего лишь 319 немецких машин».

Немецкий генерал-лейтенант Б. Циммерман указывал: «Превосходство западных союзников в авиации превратилось весной 1944 года в полное господство их в воздухе. Наступило такое время, когда авиация англо-американцев стала разрушать не только военные объекты, но и промышленные предприятия. В груды развалин превратились все наиболее важные железнодорожные узлы; вся транспортная система западных областей пришла в невообразимый хаос. Сообщение теперь удавалось поддерживать только при помощи различных ухищрений и временных мер. Внешнее кольцо парижского железнодорожного узла подвергалось таким ударам с воздуха, что иногда на несколько дней полностью выходило из строя... Действия истребителей-бомбардировщиков противника, проникавших далеко в глубь страны, исключали всякую возможность движения по дорогам днем и вызывали большие потери среди войск и гражданского населения».

Гитлер перестал считаться с Герингом. В августе 1944 г. без согласия Геринга Гитлер назначил генерал-полковника Штумпфа командующим военно-воздушными силами на Западе. Авторитет Геринга падал. Советы Геринга генералам о переброске всех войск на Восточный фронт, не были приняты во внимание. Просьбы Геринга, обращенные к руководителю тотальной мобилизации Геббельсу, не прибегать к разрушениям промышленных предприятий Германии, высказанные им по просьбе их владельцев, игнорировались.

«Меня зовут Мейер!»

И все же Гитлер не решался снять Геринга с поста руководителя ВВС. Возможно, для этого были некие скрытые причины. В своих мемуарах Риббентроп писал: «Однажды у меня возникло ощущение, что Гитлер испытывает некоторый страх перед Герингом. Особенно ярко это проявилось в 1944 г. в Бергхофе. Фюрер весьма несдержанно высказался насчет люфтваффе и имел по этому поводу разговор с Герингом, не возмевший, однако, никаких последствий. Поэтому я попросил у фюрера разрешения со своей стороны подействовать на Геринга, чтобы он отказался от поста главнокомандующего авиацией. Но Гитлер даже с каким-то оттенком страха удержал меня от этого: «Ради Бога, не делайте этого, иначе он нам однажды покажет!»

Очевидно, что для таких опасений были известные основания. После поражения под Сталинградом Геббельс, Шпеер, Лей и Функ предпринимали попытки ослабить позицию Гитлера, активизировав деятельность совета министров по обороне рейха, который возглавлял Геринг. Во время встречи с Геббельсом 2 марта 1943 г. Геринг говорил о том, что «фюрер постарел на пятнадцать лет за три с половиной года войны». Он поддержал попытки Геббельса «освободить фюрера от военного руководства», убрать из его окружения Бормана, Ламмерса и Кейтеля и передать руководство страны Совету министров обороны рейха во главе с Герингом. Однако тогда эти попытки были пресечены Борманом и Гиммлером.

В начале 1945 г. ряд руководителей Третьего рейха в поисках альтернативы Гитлеру вновь попытались обратиться к Герингу. Шпеер вспоминал: «Если бы Геринг, как второй человек в рейхе, присоединился к Кейтелю, Йодлю, Дёницу, Гудериану и мне и представил Гитлеру ультиматум, в котором мы бы потребовали сообщить его планы относительно завершения войны, то Гитлер был бы вынужден это сделать».

В середине февраля 1945 г. Шпеер направился к Герингу, чтобы изложить эти планы. Изучив предварительно размещение отдельных соединений вооруженных сил, Шпеер обнаружил, что вокруг Каринхалле размещена парашютная дивизия. В своей беседе с Герингом Шпеер откровенно поделился своим разочарованием в Гитлере. Геринг поддержал Шпеера. Однако из их переговоров ничего не последовало, а вскоре парашютная дивизия по приказу Гитлера была удалена из Каринхалле на фронт к югу от Берлина.

К этому времени Геринг превратился в постоянный объект нападков со стороны других руководителей рейха, верных Гитлеру. Его обвиняли, прежде всего, в неспособности военно-воздушных сил Германии дать отпор союзной авиации. 2 марта 1945 г. Геббельс записал в дневнике: «Безумные оргии воздушной войны не знают границ. Мы совершенно беззащитны. Рейх постепенно превращается в настоящую пустыню. Ответственность за это должен нести Геринг со своей военной авиацией. Она не в состоянии как-то проявить себя хотя бы в обороне». В последние месяцы существования Третьего рейха Геббельс каждый день обвинял Геринга в своем дневнике и эти обвинения он повторял Гитлеру.

22 марта Геббельс писал: «В ходе воздушной войны, включая данные за декабрь, мы потеряли 353 тысячи человек убитыми. Устрашающее число, которое производит еще более жуткое впечатление, если прибавить сюда 457 тысяч раненых. Это война внутри войны. Она принимает иногда еще более ужасные формы, нежели война на фронте. Оставшихся без крова вообще невозможно подсчитать. В результате войны рейх превращен в сплошную грудку развалин». В этом Геббельс винил лично Геринга. Нападки Геббельса на Геринга достигали своей цели: Гитлер все чаще атаковал своего «премьер-министра».

1 апреля Геббельс писал: «В ходе совещания, на котором обсуждалась обстановка на Западном фронте, у фюрера снова была драматичная стычка с Герингом. Геринг опять оказался виновным в целой серии беспорядочных действий, которые просто выводят из себя. Я не могу понять, почему фюрер так долго терпит все это». Геббельс был не одинок в своих нападках на Геринга, получая активную поддержку со стороны Бормана и других.

В своих воспоминаниях Риббентроп писал что, «всего за неделю до смерти фюрера я имел беседу с ним, в которой он охарактеризовал проблему люфтваффе как военную причину нашего поражения». Гитлер, по словам Риббентропа, «вновь и вновь говорил об этом с Герингом, но Геринг никакой не специалист в технике, да и слишком мало разбирался в типах самолетов. Когда, например, было объявлено об американском четырехмоторном бомбардировщике «Летающая крепость», Геринг сказал ему: это именно тот тип самолета, который он так желал видеть на вооружении у врага, ибо его легче всего уничтожить». Риббентроп «целыми часами спорил с Герингом о типах самолетов и высказывал ему свои, совершенно расходившиеся с геринговскими, взгляды, но тот со всей силой своей крупной личности отстаивал собственные убеждения, которым он, фюрер, как неспециалист, не мог противопоставить соответствующие доводы. Начиная с 1940 г. люфтваффе, по его мнению, больше серьезно не развивалась. Министерство авиации обюрократилось. Производство и типы выпускаемых самолетов определялись отнюдь не техническими и хозяйственными знаниями, и в результате развитие застопорилось».

Однако помимо субъективных факторов значительную роль в ослаблении авиации сыграло продолжающееся отступление германских войск, что вело к резкому сокращению их материальной базы. 16 марта Геббельс признал: «К концу месяца военная авиация имела всего 30 тысяч тонн бензина. Часть бензина сохраняется как последний резерв на крайние случаи. Поступление значительного количества бензина ожидается лишь осенью. До этого времени с нынешнего дня бензин будет расходоваться для обеспечения войск. В соответствии с наличием бензина из нашей программы вооружений будут изъяты все типы самолетов, за исключением пяти».

Несмотря на усилия Геббельса, Бормана, Риббентропа и других, Гитлер не решался снять Геринга. Тем временем рейхсмаршал был занят эвакуацией своих сокровищ, которые были перевезены из Каринхалле в соляные копи под Зальцбургом. Геринг уговаривал Гитлера уехать с ним в Берхтесгаден и там организовать оборону. Фюрер отказался.

20 апреля Геринг присутствовал на праздновании дня рождения Гитлера. В тот же день Геринг выехал на машине на юг. Однако он не успел еще покинуть Берлин, когда начался авианалет. Герингу пришлось прятаться в бомбоубежище. Хотя Геббельс постоянно утверждал, что «к рейхсмаршалу люди питают настоящую ненависть», а «от его прежней популярности не осталось и следа», по словам Фришауэра, сопровождавший Геринга доктор Ондарза «был удивлен, как доброжелательно встретили люди под завывание бомб человека, обещавшего позаботиться об их безопасности. «Могу я представиться? – спросил Геринг и тем вызвал всеобщий смех. Сделав паузу, он сказал: «Меня зовут Мейер!» Народ загоготал. Появились люди из других, расположенных поблизости бомбоубежищ, они просили рейхсмаршала оказать им честь и зайти поговорить с ними!» Эти впечатления подтверждала и жена Геринга: «Когда мы потом направились на юг, его повсюду встречали приветливо, даже в Пильзене».

В Оберзальцберге, куда прибыл Геринг, люди из его окружения призывали рейхсмаршала действовать решительно. Они ссылались на рассказ генерала Йодля, который сообщал: «Гитлер... физически не способен бороться, он боится быть раненым и попасть в плен к русским. Когда мы предложили ему отправить на Восток все войска с Западного фронта, он сказал, что не в состоянии принять такое решение, пусть этим займется рейхсмаршал. Кто-то заметил, что ни один солдат не станет сражаться за рейхсмаршала, но Гитлер заметил, что речь идет не о борьбе. Когда дело дойдет до переговоров, то рейхсмаршал проведет их лучше».

После того, как генерал Колер передал Герингу эти слова Йодля, рейхсмаршал «казался растроганным». По словам Колера, Геринг «чувствовал себя в затруднительном положении. Он потребовал отчета о военном положении, и я доложил ему с помощью карт. Потом он спросил меня, считаю ли я, что Гитлер жив или же он уже, возможно, назначил своим преемником Мартина Бормана. Я сказал ему, что Гитлер был жив, когда я покидал Берлин... Не исключено также, что Гитлер изменил свои планы». Колер стал уговаривать Геринга: «Пришло время действовать вам, господин рейхсмаршал! Своим вчерашним решением Гитлер назначил себя командующим войсками Берлина и практически отказался от политического управления государством и командования вермахтом».

В ответ Геринг сказал: «Мои отношения с Гитлером были настолько напряженными... Мог ли Гитлер не назначить Бормана своим преемником? Борман – мой смертельный враг, он только и ждет удобного случая, чтобы расправиться со мной. Если я начну действовать, он назовет меня предателем; если же я буду бездействовать, он обвинит меня в том, что я проявил слабость в час испытаний!»

23 апреля Геринг направил следующую телеграмму Гитлеру: «Мой фюрер! Поскольку Вы решили остаться в Берлине, согласны ли Вы, чтобы я принял на себя общее руководство рейхом в качестве Вашего заместителя при полной свободе действий в стране и за ее пределами в соответствии с указом от 29 июня 1941 г.? Если до 10 часов вечера сегодня не последует ответа, я буду считать, что Вы утратили свободу действий, и буду действовать в высших интересах страны и нашего народа. Невозможно выразить то, что я чувствую в самый тяжелый час моей жизни. Да защитит Вас Бог, и, может быть, Вы покинете Берлин и приедете сюда, несмотря ни на что. Преданный Вам Герман Геринг».

Одновременно Геринг объявил людям из своего окружения свой план действий. На следующее утро он собирался полететь к Эйзенхауэру. Он поручил Колеру написать обращение к вооруженным силам Германии с призывом продолжать сражаться против Красной Армии.

Шпеер, находившийся в бункере, когда телеграмма от Геринга была вручена Гитлеру, свидетельствовал, что последний апатично прореагировал на нее. Но тут принесли новую радиограмму от Геринга. В ней говорилось:

«Рейхсминистру фон Риббентропу.

Я запросил фюрера дать мне инструкции к 10 часам вечера 23 апреля. Если к этому времени станет очевидным, что фюрер лишен свободы действий для того, чтобы вести дела рейха, то вступит в силу закон от 29 июня 1941 года, в соответствии с которым я вступаю в наследство всех его постов как его заместитель. Если к полуночи 23 апреля вы не получите никаких указаний прямо от фюрера или от меня, вы должны немедленно прибыть ко мне самолетом.

Рейхсмаршал Геринг».

Этой радиограммой воспользовался Борман. По словам Шпеера, Борман «возбужденно восклицал: «Геринг – изменник. Он уже направляет телеграммы членам правительства и объявляет, что на основе его прав он займет ваш пост в 12 часов ночи сегодня, мой фюрер».

Шпеер вспоминал: «Хотя Гитлер оставался спокойным, когда была получена первая телеграмма, Борман сейчас выиграл игру». Гитлер поддержал Бормана, закричав: «Мне было давно известно, что Геринг обленился. Он позволил развалить авиацию. Он разложился. Его пример сделал разложение возможным во всем государстве. Кроме того, он в течение многих лет является наркоманом!» Борман предложил расстрелять Геринга. Гитлер в ответ закричал: «Нет, нет, не то! Я лишу его всех должностей и права быть моим преемником».

В Оберзальцберге Герингу была направлена телеграмма от Гитлера: «Ваши действия представляют собой высшую степень предательства по отношению к фюреру и национал-социализму. Наказание за предательство – смерть. Но, принимая во внимание ваши прежние заслуги перед партией, фюрер не наложит это высшее наказание, если вы уйдете со всех своих постов. Отвечайте «да» или «нет».

В это же время Борман направил радиограмму руководителям СС в Оберзальцберге Франку и фон Бредову с приказом арестовать Геринга за государственную измену. Борман писал им: «Вы отвечаете за это своими жизнями». В измене был обвинен также статс-секретарь правительства Ганс Ламмерс, которого также было приказано арестовать.

Вскоре Гитлер направил и другое послание Герингу: «Указ от 29 июня 1941 года отменяется моим специальным распоряжением. Моя свобода действий не ограничена. Я запрещаю любые действия с вашей стороны в указанном направлении».

Получив эти послания из бункера, Геринг сообщил о них Гиммлеру, Йодлю и Риббентропу. Одновременно он им написал: «Фюрер информирует меня, что он сохраняет свободу действий. Сегодняшняя дневная телеграмма отменяется. Да здравствует Гитлер! Герман Геринг».

Между тем Франк и фон Бредов уже прибыли в помещение, где находился Геринг. В руках у них были револьверы. Прибывший к Герингу Колер не мог соединиться с ним. А затем рейхсмаршал был арестован. Арестованными оказались все люди из окружения Геринга. К началу переговоров Кребса с Чуйковым все они, включая Геринга, находились под арестом.

Так кончилась политическая карьера нациста № 2. Острая борьба за власть, присущая многим человеческим коллективам, имела в руководстве Третьего рейха специфику, так как сражавшиеся за «место под солнцем» участники конфликтов возглавляли важнейшие сферы деятельности государства. Они становились уязвимыми по мере того, как углубление кризиса рейха обнажало слабости основных рычагов государственной машины Германии, а не только личные недостатки ее руководителей.

Личные пороки и слабости Геринга считались терпимыми до начала войны. Однако в ходе войны Геринга стали оценивать, прежде всего, как создателя и руководителя военно-воздушных сил, за что он до сих пор получал пышные звания и награды. Между тем Германия не смогла создать воздушные войска, превосходящие в качественном и количественном отно-

шении военную авиацию стран антигитлеровской коалиции. Военно-техническое поражение Германии в воздухе использовалось политическими противниками Геринга для его обвинений в непригодности к руководству страной.

В то же время Гитлер и его сообщники и не думали осуждать нациста № 2 за террор в Германии и убийства многих политических противников, бесчеловечные войны, развязанные против других стран, разграбление многих народов, обрекавшее их на голод и мучительную смерть. Этих обвинений не найти ни в одной строчке дневника Геббельса, воспоминаний Риббентропа, высказываний Гитлера.

Падение второго человека в руководстве Германии, который был одним из организаторов прихода нацистов к власти, предшествовавшая этому его деградация, всеобщее недовольство его руководством военно-воздушными силами, а также обстоятельства, сопутствующие его отстранению от власти, ярко свидетельствовали о распаде гитлеровского режима.

Глава 3. Зодчий военно-промышленного комплекса

В отличие от своей предшественницы, Вторая мировая война велась на значительно более высоком техническом уровне. Танковые и воздушные удары, особенно в первые дни боевых операций, во многом определяли их исход. Поэтому та страна, которая могла произвести больше современного оружия, имела больше шансов на победу. Милитаризация германской экономики перед началом мировой войны, а затем захват Германией промышленного потенциала Франции, Бельгии, Австрии, Чехословакии и других европейских государств открыл Третьему рейху огромные возможности для создания наиболее вооруженной армии мира. Отставка министра вооружений Альберта Шпеера в последние дни существования Третьего рейха, ярко свидетельствовала о том, что в наращивании своего военного потенциала нацистское государство также зашло в тупик.

С кульманом в высшие сферы власти

В отличие от других людей из ближайшего окружения Гитлера, Альберт Шпеер не принадлежал к тем, кто вступил в нацистскую партию в 20-х гг., так как был моложе их. Он родился 19 марта 1905 г. в городе Мангейм. Хотя в его роду был пожизненный рейхсмаршал граф Фридрих Фердинанд цу Паппенхайм (1702–1793), его отец и дед занимали более скромное социальное положение, являясь городскими архитекторами. Однако семья всегда стремилась принадлежать к высшему обществу Мангейма.

Детские впечатления Шпеера были связаны с Первой мировой войной: отдаленный грохот орудий, доносившийся порой от Вердена, привезенный в Мангейм «цеппелин», который использовался для бомбардировки Лондона, первые, хотя и незначительные бомбардировки Мангейма, его попытки спать на полу в подражание солдатам на фронте, отчаянная нехватка привычных благ даже в доме процветающего архитектора и пищевой рацион, ограниченный репой.

Болезненный от природы Альберт укреплял свое здоровье физическими упражнениями и долгими прогулками. Во время одной из таких прогулок он в 17 лет познакомился с Маргарет Вебер, которая затем стала его женой и матерью его пяти детей.

Ухаживание за Маргарет не мешало занятиям Альберта. Он отлично успевал по всем предметам, особенно по математике. Однако отец Альберта настоял, чтобы он стал архитектором, подобно ему и его деду. А. Шпеер поступил в Институт технологии в Карлсруэ, а вскоре перешел в Институт технологии в Мюнхене, а затем – в такой же институт в Берлине.

Финансовые трудности во время бешеного роста цен и галопирующей инфляции в 1923–1924 гг. заставили родителей Шпеера продать часть своей собственности по дешевке. В то же время эти годы запомнились Шпееру велосипедными прогулками, которые он совершал вместе с Маргарет по Германии. Порой они отправлялись в горы, где жили в палатках. В своих мемуарах Шпеер даже не обратил внимание на «Пивной путч», который произошел в 1923 г. в Мюнхене. Ультраправые идеи, популярные в Германии в эти годы, не захватывали Шпеера. Он находился под влиянием идей О. Шпенглера, изложенные им в книге «Закат Европы». В 1925 г. он писал своей невесте: «Небольшая расовая примесь всегда полезна. И если сейчас мы идем вниз, то это не потому, что мы – смешанная раса. Мы были таковой уже в Средние века... Мы идем вниз, потому что мы истощили свою энергию. То же самое случилось в прошлом с египтянами, греками, римлянами. С этим ничего нельзя поделать».

Летом 1927 г. Шпеер получил диплом архитектора и стал ассистентом берлинского Института технологии. В своих мемуарах он писал: «Этот пост позволил мне жениться». Медовый месяц молодожены провели, катаясь на надувных лодках по озерам Мекленбурга. Во

время турпохода Шпееры остановились у тюрьмы Шпандау, в которой Шпеер затем провел 20 лет.

В Институте технологии, в котором стал работать Шпеер, как и повсюду в Германии в эти годы, кипели политические страсти. Коммунисты посещали семинар, который вел профессор Плёциг. Нацисты предпочитали семинар под руководством профессора Тессенова. Хотя Тессенов не был нацистом, он проповедовал те установки, которые были близки сторонникам Гитлера. Он решительно отвергал «интернациональное» в архитектуре и превозносил «германские», «национальные» традиции. В 1931 г. профессор предрекал: «Кто-то должен придти, кто мыслит очень просто. Нынешнее мышление стало слишком сложным. Некультурный человек, крестьянин по своей сути, решит проблемы гораздо легче, потому что он будет неиспорченным. У него будет сила, чтобы осуществить простые идеи». Шпеер писал: «Для нас это было замечанием оракула, которое предвещало приход Гитлера».

В 1931 г. Шпеер посетил собрание, на котором выступал Гитлер. Фюрер нацистов выглядел не таким, каким его представлял Шпеер по плакатам и карикатурам. Он был одет в «хорошо сшитый синий костюм и выглядел очень респектабельным». Гитлер говорил спокойно. В этой аудитории он не стал произносить пламенную речь, а прочел лекцию.

Лекция Гитлера пришлась по вкусу Шпееру. Позже он вспоминал: «Тут была надежда. Тут были новые идеалы, новое понимание, новые задачи. Мне казалось, что мрачные прогнозы Шпенглера опровергнуты... Гитлер убеждал нас, что угрозу коммунизма, неумолимо нависавшую над нами, можно было остановить. Вместо безнадежной безработицы Германия двинется к экономическому восстановлению. Он упомянул еврейскую проблему, но лишь вскользь. Но эти замечания не смутили меня, хотя я не был антисемитом. У меня было немало еврейских друзей со дней школы и университета, как и у всех».

Через несколько дней Шпеер пошел на собрание в «Спортпалаце», на котором выступал Геббельс. Здесь царил другая атмосфера, а главный оратор вел себя по-иному. Шпеер вспоминал: «Много фразеологии, тщательно продуманная структура речи, точные формулировки; ревущая толпа, которую Геббельс взвинчивал до всё больших и больших проявлений энтузиазма и ненависти; настоящий ведьмин котел возбуждения, подобный которому я наблюдал лишь на финише велосипедных гонок. Я почувствовал отвращение. Позитивное воздействие, которое оказал на меня Гитлер, ослабло, хотя и не исчезло».

Казалось бы, Шпеер был выше этих «первобытных страстей». Но вот на его глазах полиция стала разгонять толпу, которая покидала «Спортпалац» и настроение Шпеера моментально поменялось: «С возмущением я наблюдал, как это происходило. До тех пор я никогда не был свидетелем подобных сцен. В тоже время я чувствовал общность с теми, кого разгоняли. Это чувство состояло из симпатии к толпе и оппозиции к власти... На следующий день я подал заявление о вступлении в Национал-социалистическую партию и в январе 1931 г. я получил партийный билет за номером 474 481». Нет сомнения в том, что «интеллектуал» Шпеер, презрительно осуждавший «дикую» толпу, во многом разделял ее настроения.

Говоря о своем «спонтанном» решении, Шпеер писал, что он не ознакомился толком с программными документами нацистской партии. Позже отвечая на вопрос советского следователя в ходе Нюрнбергского процесса, Шпеер признался, что не читал «Майн кампф». Такой ответ ведущего деятеля рейха был столь неожиданным, что следователь расхохотался.

Однако его незнание основ идеологии нацизма, его неприязнь к истерической атмосфере нацистских собраний, перевешивались одним обстоятельством: Шпеер считал, что нацизм является главной силой, способной остановить коммунизм. Шпеер писал: «Главное для меня состояло в том, что я должен был лично сделать выбор между коммунистической Германией и национал-социалистической Германией, так как политический центр, находившийся между этими антиподами, растворялся».

Вступив в партию, Шпеера познакомился с нацистами, которые в дальнейшем заняли видное положение в Третьем рейхе. Таким, например, стал Карл Ханке, будущий гауляйтер Бреслау и министр внутренних дел в правительстве Геббельса.

В 1932 г. Ханке предложил Шпееру переделать здание, в котором размещался берлинский штаб Геббельса. Шпеер успешно справился с этим заданием, и его работа была удостоена похвалы высших деятелей нацистов. А вскоре после прихода нацистов к власти в марте 1933 г. Ханке вызвал Шпеера в Берлин из Мангейма, где в это время работал архитектор. На сей раз Геббельс предложил Шпееру переделать здание, в котором должно было разместиться министерство пропаганды и образования. Это министерство только что возглавил Геббельс.

Во время работы над проектом министерства Шпеер был также привлечен Ханке для оформления массового митинга в Берлине 1 мая 1933 г. Шпеер вспоминал: «Я сделал эскиз большой платформы. За ней располагались три огромных знамени, каждое из которых было выше десятиэтажного дома. Они должны были быть укреплены на деревянных основах. Два знамени были черно-бело-красными, а между ними располагалось знамя со свастикой. (Идея была рискованной: в случае сильного ветра, эти знамена могли превратиться в паруса.) Они должны были быть освещены мощными прожекторами. Эскиз был тут же принят».

В июле 1933 г. Шпееру было поручено украсить поле в Нюрнберге, на котором должен был состояться парад нацистов во время их съезда. На сей раз вместо знамен он предложил водрузить над платформой гигантского орла со свастикой в когтях. Размах крыльев орла был в 30 метров. Шпеер представил свой эскиз лично Гитлеру и тот одобрил его работу.

Осенью 1933 г. Шпеера вместе с другими архитекторами привлекли к работе по переделке здания рейхсканцелярии. Гитлер взял его для осмотра здания, во время которого он долго беседовал со Шпеером. С этой беседы начался почти 12-летний период жизни Шпеера в постоянном общении с Гитлером.

Поскольку карьера архитектора осталась неосуществленной мечтой Гитлера, он принял личное активное участие в переделке рейхсканцелярии. При этом он с живым интересом выслушивал мнение Шпеера и давал ему все новые и новые поручения. Шпеера стали постоянно приглашать на обеды и ужины Гитлера, в которых принимали участие наиболее близкие к нему люди. Вечером после ужина Гитлер и его гости просматривали кинофильмы и часами выслушивали болтливую фюрера. Так, Шпеер вошел в круг приближенных Гитлера и вскоре тот стал брать архитектора с собой в его резиденцию в горах – в Оберзальцберг.

К этому времени ведущим архитектором Третьего рейха считался Пауль Троост, который был сторонником так называемого неоклассического стиля. Отвергая утверждения о чисто германском характере этого стиля, Шпеер ссылаясь на книгу Джона Буркхарта «Архитектура Америки». Ее автор, указывая на сходство между правительственными зданиями в гитлеровской Германии, рузвельтовских Соединенных Штатах и сталинском Советском Союзе, подчеркивал, что в 30-е гг. не было большой разницы в архитектурных стилях различных стран мира, вне зависимости от их политического строя. Для всех был характерен так называемый «неоклассический» стиль. Шпеер также был верен этому стилю, хотя старался сочетать его с более простым стилем Тессенова.

Смерть Пауля Трооста в августе 1934 г. превратила Шпеера в первого архитектора Германии. Теперь, находясь с Гитлером в Берлине или Оберзальцберге, Шпеер занимался разработкой архитектурных проектов различных государственных учреждений и резиденций высших лиц рейха. Шпеер был создателем нового здания рейхсканцелярии, помещения которой должны были подавлять посетителей своими грандиозными размерами.

Одновременно Шпеер продолжал заниматься оформлением массовых нацистских мероприятий и разработкой архитектурных проектов постоянных мест для их проведения. Именно Шпееру пришла в голову мысль создать необычные световые эффекты в ходе нацистского съезда в Нюрнберге. Шпеер убедил Гитлера передать в его распоряжение 130 противовоздуш-

ных прожекторов. Устремленные в небо лучи прожекторов создавали впечатление, по словам английского посла Гендерсона, гигантского «кафедрального собора из льда».

Шпеер был автором германского павильона на Всемирной выставке в Париже 1937 года. Германский павильон был расположен напротив советского. Шпееру удалось посмотреть хранившийся в тайне эскиз советского павильона, который был увенчан знаменитой статуей В. И. Мухиной «Рабочий и колхозница». Шпеер вспоминал: «Скульптурная пара высотой в десять метров победоносно двигалась по направлению к германскому павильону. Поэтому я создал эскиз кубической массы, которая была поднята на мощные опоры. Казалось, что эта масса останавливает наступление фигур. В то же время на карнизе башни я поставил орла, который держал в когтях свастику. Орел сверху вниз смотрел на русскую скульптуру. Я получил золотую медаль выставки за павильон. Такой же награды удостоились и советские коллеги».

Гитлер так много уделял внимания зодчеству, что адъютанты фюрера просили Шпеера не приносить с собой слишком много архитектурных проектов. Ради них Гитлер забрасывал даже важные государственные дела. Порой он сам набрасывал эскизы отдельных зданий. Увлечение архитектурой усилилось после того, как Гитлер решил полностью перестроить Берлин, а также ряд других городов Германии.

По приказу Гитлера Шпеер разработал проекты зданий рейхсминистерств, гигантской Триумфальной арки, которые должны были стать главными сооружениями в перестроенном Берлине. Шпеер подготовил проект невиданного по размерам здания Великого Зала с гигантским куполом. Правда, Гитлер был обеспокоен тем, что в СССР собирались построить еще более грандиозный Дворец Советов. Поэтому после нападения на Советский Союз, Гитлер, по словам Шпеера, со злорадством заметил, что русским придется отложить сооружение Дворца Советов.

Неожиданное превращение в министра вооружений

Хотя с начала Второй мировой войны Шпеер занялся строительством зданий для армии и военно-воздушных сил, объем таких работ был не слишком велик: в них было занято 26 тысяч рабочих. Одновременно Шпееру пришлось заняться и восстановлением городских зданий, разрушенных бомбардировками, а также строительством бомбоубежищ.

В то же время Шпеер по-прежнему работал над проектами реконструкции городов Германии, которые обсуждал с ним Гитлер. Более того, в Германии развернулись работы по воплощению этих проектов в жизнь. Шпеер вспоминал, что даже «в середине сентября 1941 г., когда наше наступление в России стало заметно отставать от самоуверенных предсказаний, Гитлер заказал большие партии гранита в Швеции, Норвегии и Финляндии для моих больших берлинских и нюрнбергских зданий. Контракты на сумму в 30 миллионов рейхсмарок были заключены с ведущими компаниями камнеобрабатывающей промышленности Норвегии, Финляндии, Италии, Бельгии, Швеции и Дании... Мои предложения о том, чтобы мы прекратили мирное строительство, были отвергнуты, несмотря на то, что признаки катастрофы зимой 1941 г. в России стали очевидными. 29 ноября 1941 г. Гитлер сказал мне: «Строительство должно продолжаться несмотря на то, что война еще идет. Я не позволю, чтобы война помешала осуществить мои планы».

Поэтому в ноябре 1941 г. Шпеер отправился на машине в Лиссабон на открывшуюся там выставку германской архитектуры. Находясь в Португалии, Шпеер узнал про положение на советско-германском фронте. Шпеер писал: «Советские войска в ходе своего отступления систематически уничтожали все паровозные депо, водокачки и другие технические сооружения своих железных дорог. Опьяненные успехами лета и осени, когда казалось, что «русский медведь уже кончен», никто не думал о необходимости принять заблаговременно технические

меры в виду надвигавшейся русской зимы... Я предлагал Гитлеру направить 30 тысяч немецких строительных рабочих, которых я нанимал, чтобы они начали ремонтные работы на железных дорогах под руководством инженеров. Невероятно, но потребовалось две недели, прежде чем Гитлер заставил себя отдать соответствующее распоряжение. Лишь 27 декабря 1941 г. он подписал такой приказ».

В тот же день Шпеер встретился с доктором Фрицем Тодтом, министром вооружений и военных поставок. Под его началом была создана «Организация Тодта», которая осуществляла строительство оборонительных сооружений на Западе (так называемый «Западный вал» и верфи для подводных лодок), а также прокладку дорог на всех оккупированных территориях. Тодт только что вернулся с советско-германского фронта. Он с ужасом рассказывал Шпееру про раненых солдат, замерзших в госпитальных вагонах, про войска в занесенных снегами полях. На него произвело сильное впечатление отчаяние немецких солдат. Шпеер писал: «Находясь в сильной депрессии, он пришел к выводу, что мы физически и психологически обречены на разгром в России. «Это борьба, в которой примитивный народ окажется победителем, – продолжал Тодт. «Они могут вынести все, что угодно, включая суровость климата. Мы слишком изнежены и обречены на поражение. В конце концов, победят русские и японцы».

По предложению Тодта Шпеер возглавил проведение восстановительных работ на железных дорогах Украины. Выполняя это задание, Шпеер вылетел 30 января 1942 г. в Днепропетровск вместе с командующим танковым корпусом СС Зеппом Дитрихом. Шпеер вспоминал: «Мы, сгрудившись, сидели в бомбардировщике «Хейнкель», переделанном под пассажирский самолет. Под нами простиралась унылая, покрытая снегом равнина Южной России. На больших фермах мы видели сожженные амбары и сараи. Чтобы не сбиться с пути, мы летели над железнодорожным полотном. Не видно было ни одного поезда; станции были сожжены, депо разрушены. Редко попадались проселочные дороги, но на них не было ни машин, ни повозок. Огромные просторы земли, над которыми мы пролетали, пугали своим смертельным молчанием, которое чувствовалось даже внутри самолета. Только порывы метели вносили разнообразие в монотонность пейзажа, а может быть подчеркивали эту монотонность. Только тут я почувствовал, что означало для армий оказаться отрезанными от снабжения».

С трудом Шпеер и Дитрих добрались до железнодорожных путей, на которых стоял спальный вагон, прицепленный к паровозу. Топка паровоз непрерывно работала и время от времени кочегары выпускали пар внутрь спального вагона, чтобы согреть его обитателей – строителей из организации Тодта. Шпеер писал: «Русские уничтожили всё... Не было ремонтных мастерских, водокачки не были защищены от мороза... Простые вопросы, которые дома можно было решить телефонным звонком, здесь превращались в неразрешимую проблему. Не было даже гвоздей и досок».

«Тем временем снег падал и падал. Железнодорожное и автомобильное движение полностью прекратилось. Посадочную полосу аэропорта замело. Мы были отрезаны. Наш отъезд откладывался. Время заполняли встречами с нашими строительными рабочими... Дитрих выступал с речами и его приветствовали». Однако у Шпеера не нашлось слов для обращения к рабочим. Тогда те стали петь песни. Шпеер вспоминал: «Среди текстов песен, распространенных начальством армейского корпуса, были очень печальные. В них выражалось желание вернуться домой и говорилось о скучных русских степях... Характерно, что это были любимые солдатами песни».

Неожиданно вдали появилась группа советских танков. У собравшихся было достаточно оружия, чтобы отразить их нападение. Однако танки остановились, постояли на месте, а затем, развернувшись, повернули назад. Очевидно, танкисты и не подозревали, что на путях стоял вагон, в котором находилось важное немецкое начальство.

Так как снег основательно завалил аэродром, то всем немцам, включая Шпеера, пришлось лично принять участие в расчистке посадочной полосы наряду с украинскими рабо-

чими. Вдруг один из них подошел к Шпееру и стал тереть ему снегом щеки. Оказалось, что архитектор Гитлера едва их не отморозил. Уже в Нюрнбергской тюрьме Шпеер вспоминал это неожиданное для него проявление человеческого сочувствия со стороны тех, кого Тодт и другие нацисты считали «примитивными людьми».

После недели пребывания в заснеженных степях Украины Шпеер прибыл в восточно-прусскую ставку Гитлера. Фюрер в это время проводил долгое совещание с Тодтом. Сразу после окончания совещания Тодт предложил Шпееру вылететь рано утром в Берлин.

Было уже поздно, когда Гитлер принял Шпеера. Тот рассказал главные события своего приключения в России. Узнав про «печальные песни», Гитлер насторожился. Он потребовал у Шпеера текст песен. Лишь после войны Шпеер узнал, что лица, ответственные за появление и распространение этих песен, были арестованы и преданы военному трибуналу. Беседа с Гитлером закончилась в 3 часа ночи. Шпеер попросил передать Тодту, что не полетит с ним, так как хочет выспаться.

Но долго спать Шпееру не пришлось. Рано утром его разбудил телефонный звонок. Личный врач Гитлера Брандт взволновано говорил: «Самолет Тодта только что разбился и он убит».

Это событие решительным образом изменило судьбу Шпеера. Хотя он подозревал, что часть дел, которыми ранее занимался погибший министр, перейдут к нему, Шпеер совершенно не ожидал, что произойдет, когда его вызвали к Гитлеру. Выслушав соболезнования Шпеера, Гитлер произнес: «Господин Шпеер, я назначаю вас преемником министра Тодта во всех его делах». Хотя Шпеер отвечал, что он ничего не знает об этих делах, Гитлер не слушал его возражений. Тогда Шпеер попросил, чтобы Гитлер приказал ему стать министром. Приказ был отдан. Едва избежав гибели вместе с Тодтом, Шпеер стал его преемником и руководителем мощной организации, которая обеспечивала производство вооружений, снабжение ими армии и военное строительство во всей Германии и в оккупированных ею странах.

Спешка с назначением Гитлером Шпеера стала понятна через несколько минут. Не успел Шпеер покинуть Гитлера, как на пороге появился адъютант Гитлера Шауб. Он сообщил, что Геринг просит аудиенции. Выразив соболезнование по поводу гибели Тодта, рейхсмаршал сказал: «Будет лучше, если я возьму на себя выполнение заданий Тодта в рамках четырехлетнего плана. Это позволит избежать трений и трудностей, которые мы имели в прошлом из-за того, что задания перекрещивались».

«Трения» и «трудности», о которых упомянул Геринг, означали непрекращавшуюся борьбу между Герингом и Тодтом за сферы влияния в экономике. Позже Шпеер узнал, что Геринг срочно прибыл специальным поездом из своего охотничьего дома в Роминтене, расположенного в 100 километрах от ставки Гитлера. В ответ на его предложение Гитлер сказал, что Шпеер был только что назначен преемником Тодта.

Поздравив Шпеера, Геринг заявил Гитлеру: «Я надеюсь, мой фюрер, вы поймете меня правильно, если я не буду присутствовать на похоронах Тодта. Вы знаете, какие баталии у меня с ним происходили. Вряд ли будет подходящим для меня, если я буду там присутствовать». Однако Гитлер настоял на присутствии Геринга на похоронах Тодта.

Для Шпеера стало ясно: «Геринг не будет моим союзником, но Гитлер, кажется, был готов поддержать меня, если у меня возникнут трудности с рейхсмаршалом». Шпеер вспоминал, что расследование крушения самолета с Тодтом, проведенное по приказу Гитлера министерством авиации, показало, что на борту произошел взрыв. Однако вывод комиссии, состоявшей из лиц, подвластных Герингу, гласил: «Возможность террористического акта исключается». Шпеер лишь напоминал, что незадолго до своей гибели, Тодт оставил большую сумму денег для своего секретаря. Министр сказал, что он делает это на тот случай, если с ним что-либо случится.

Скорее всего, ни гибель Тодта, ни появление Геринга в ставке Гитлера с целью овладеть сферой власти погибшего министра не были случайными событиями, а отражали острую борьбу в верхах Третьего рейха. Эта борьба продолжилась сразу же после похорон Тодта. Сначала Шпеер был вызван к Герингу. Рейхсмаршал сообщил Шпееру, что у него было письменное соглашение с Тодтом о разграничении сфер деятельности администрации четырехлетнего плана и министерства вооружений и военных поставок. Геринг сообщил, что подробности будут изложены на совещании руководящих деятелей промышленности и военных ведомств под руководством статс-секретаря министерства авиации фельдмаршала Мильха, Шпеер понял: «Так как четырехлетний план затрагивал все сферы экономики, то мои руки будут полностью связаны, если я буду следовать предложению Геринга».

К этому времени Шпеер уже достаточно хорошо ориентировался в мире дворцовых интриг. Поэтому перед началом совещания он направился к Гитлеру и сообщил о беседе с Герингом. «Очень хорошо, – ответил Гитлер, – Если против вас будут предприняты какие-либо шаги, или у вас возникнут трудности, прервите совещание и пригласите его участников в комнату для правительственных заседаний. Тогда я скажу этим господам всё, что нужно».

В совещании приняли участие киты германской индустрии: руководитель концерна «Объединенные сталелитейные предприятия» Альберт Фёглер, глава промышленной ассоциации Германии Вильгельм Занглер и другие. Тут же был командующий резервной армии Эрнст Фромм, адмирал Карл Витцель, глава отдела экономики и вооружений германского генштаба Георг Томас, министр экономики Вальтер Функ. Совещание вел представитель военно-воздушных сил фельдмаршал Эрхард Мильх.

Первым выступил Фёглер. Он говорил о том, что в экономике Германии имеются большие резервы, но они плохо используются из-за отсутствия должной концентрации усилий по руководству хозяйством. Необходимо, чтобы был человек, который бы направлял эти усилия. Для промышленников безразлично, кто это будет. Это мнение было поддержано и другими участниками совещания. В своем выступлении Вальтер Функ сказал, что таким человеком должен стать заместитель Геринга – фельдмаршал Мильх.

У Шпеера не было сомнений в том, что «всё было заранее согласовано». Тогда он прошептал Мильху о том, что Гитлер предложил продолжить совещание в кабинете для правительственных заседаний. Опытный маршал тут же понял смысл слов Шпеера, а потому поблагодарил Функа за предложение, но отклонил его. Затем он передал слово Шпееру. Тот пригласил всех участников совещания в кабинет к Гитлеру.

В течение часа Гитлер говорил о проблемах военного производства и необходимости его роста. В то же время он резко заявил о том, что Геринг «не может следить за вооружениями в рамках четырехлетнего плана». Поэтому, считал Гитлер, вооружения должны быть выделены из сферы администрации четырехлетнего плана и переданы под начало Шпеера.

18 февраля 1942 г. Шпеер провел совещание с теми же участниками, которые собирались под председательством Мильха. На нем он изложил планы реорганизации военного производства. Участники одобрили его предложения. Гитлер утвердил их.

Однако тут же Шпеер был вызван к Герингу в его поместье Каринхалле. Заставив Шпеера долго ждать, Геринг явился к нему в домашнем халате и тут же выразил свое возмущение тем, что он не был приглашен на совещание к Гитлеру. Он обрушился на Мильха и других за их «бесхребетность». По словам Шпеера, Геринг заявил, что он «не потерпит того, что у него по кусочкам отгрызают полномочия... Он пойдет к Гитлеру и подаст в отставку с поста руководителя администрации четырехлетнего плана».

Шпеер знал, что «такая отставка не нанесет вреда. Хотя в начале Геринг пробивал с большой энергией четырехлетний план, к 1942 году все знали, что он обленился и ненавидит работать. Он производил впечатление неустойчивого человека. Он подхватывал слишком много идей, постоянно менял курс и был постоянно нереалистичным». Однако Шпеер также знал,

что Гитлер не захочет отставки Геринга, а потому будет искать компромисс. Такой компромисс мог быть достигнут за счет Шпеера. Поэтому Шпеер заявил, что он никак не хотел вторгаться в сферу четырехлетнего плана. Он сказал, что готов стать подчиненным Геринга в рамках администрации четырехлетнего плана.

Через три дня он снова приехал к Герингу с проектом соглашения, по которому Шпеер становился «главным представителем администрации четырехлетнего плана по вопросам вооружений». 1 марта 1942 г. Геринг подписал это постановление, а 16 марта Гитлер одобрил его.

Однако Геринг остался недоволен. В зарубежной печати появились сообщения, что его полномочия были ограничены. Геринг жаловался, что такие сообщения подрывают его авторитет среди ведущих деятелей промышленности Германии. Шпеер объяснял подоплеку этой жалобы: «Ни для кого не было секретом то, что роскошный образ жизни Геринга финансировали деятели промышленности. Мне кажется, он опасался, что падение его престижа приведет к сокращению субсидий со стороны промышленников». Шпеер опять решил схитрить. Он писал: «Я поэтому предложил, чтобы мы пригласили ведущих промышленников на совещание в Берлин, на котором он мог бы официально объявить о том, что я ему подчиняюсь».

Геринг ухватился за это предложение. В Берлин для участия в совещании прибыло около 50 представителей промышленности. По словам Шпеера, в своей речи Геринг говорил о важности военной промышленности, призывал участников совещания «прилагать максимум усилий» и повторял «прочие банальности». Однако, писал Шпеер, «он не упомянул о моем назначении ни в положительном, ни в отрицательном смысле. Благодаря летаргии Геринга, я мог работать свободно и не чувствовал себя связанным».

Нейтрализовав Геринга, Шпеер решил расширить свою сферу деятельности. 21 марта 1942 г. Гитлер подписал новое постановление, в котором говорилось: «Требования всей германской экономики должны быть подчинены производству вооружений». По словам Шпеера, «это постановление передавало мне диктаторскую власть в экономике».

Сомнительные достижения военного производства и их человеческая цена

Шпеер воспользовался неограниченными правами для того, чтобы реорганизовать военную промышленность. Он признавал, что в основу реорганизации он взял идеи, высказанные в свое время Тодтом и Мильхом, а еще ранее – министром иностранных дел Веймарской Германии Вальтером Ратенау. Эти идеи предусматривали специализацию предприятий, стандартизацию производства, активизацию обмена техническими новинками. Шпеер был убежден в том, что эти нововведения помогли Германии значительно увеличить военное производство.

Шпеер указывал, что по сравнению с февралем 1942 г. в августе 1942 г. производство артиллерийских орудий возросло на 27 %, танков – на 25 %, производство боеприпасов удвоилось. Производительность труда в военном производстве выросла на 59,6 %. За два с половиной года (с февраля 1942 г. по июль 1944 г.) военное производство выросло в 3,2 раза. При этом, как подчеркивал Шпеер, число рабочих выросло в этот период всего на 30 %.

Эти достижения военного производства Германии стали поводом для восхвалений Шпеера Гитлером, а также зависти и недоброжелательства со стороны Геринга и ряда других видных деятелей рейха.

После войны деятельность Шпеера на посту стала предметом многочисленных публикаций, авторы которых всячески превозносили министра вооружений Германии. Между тем подобный рост военного производства не был чем-то уникальным в то время. Например, советское военное производство показало гораздо более высокие темпы роста по сравнению с германскими. Несмотря на огромные потери, понесенные советской промышленностью в 1941 г.

и отчасти в 1942 г., производство дивизионных пушек выросло в 1943 г. по сравнению с 1941 г. в 4,6 раза, танковых – более чем в 3 раза, танков, самоходно-артиллерийских машин – в 3,7 раза. В 1943 г. советская авиационная промышленность произвела на 37 % больше самолетов, чем в 1942 г.

Ускорение советского военного производства продолжалось и в 1944 году. Так, в 1944 г. было произведено 29 тысяч танков по сравнению с 24 тысячами в 1943 г., 40,3 тысяч самолетов по сравнению с 34,9 тысячами в 1943 г. Некоторое снижение производства орудий всех типов в СССР в 1944 г. по сравнению с 1943 г. (122,5 тысяч против 130,3 тысяч) объяснялось снятием с вооружения устаревших пушек и резким увеличением производства усовершенствованных артиллерийских систем.

Опережение Советским Союзом Германии в области военного производства отразилось в изменении соотношения сил двух армий. Если к началу войны СССР отставал от Германии по многим видам вооружений, а после отступления 1941 года это отставание существенно возросло, то ситуация изменилась к началу наступления советских войск под Сталинградом. К ноябрю 1942 г. (в первые девять месяцев деятельности Шпеера) германские вооруженные силы сосредоточили на советско-германском фронте свыше 70 тысяч орудий и минометов, 6600 танков и 3500 самолетов, а Красная Армия имела 77 734 орудий и минометов, 6956 танков и самоходных установок, а также 3254 самолетов. Очевидно, что между двумя армиями существовало почти равновесие в вооружениях. (Следует также учесть, что вооружения Красной Армии были поставлены в основном советской военной промышленностью. Советский историк Г. А. Куманев указывал, что в общем объеме советских вооружений «американские поставки боевой техники... составили: по орудиям – 1,4 %, по авиации – 9,8 %, по танкам и САУ – 6,2 %», по автоматам – 1,7 %, по пистолетам – 0,8 %, по снарядам 0,6 %, по минам – 0,1 %».)

Однако в дальнейшем соотношение между вермахтом и Красной Армией по их вооруженности менялось в пользу последней. К лету 1943 г. у Германии имелось 54 300 орудий и минометов, 5850 танков и штурмовых орудий, около 3 тысяч самолетов, а у СССР – 103 тысячи орудий и минометов, 9918 танков и самоходно-артиллерийских установок и 8357 самолетов. Очевидно, что несмотря на усилия Шпеера и других, Германия не поспевала за Советским Союзом в производстве вооружений.

К началу 1944 г. это соотношение изменилось еще больше в пользу СССР. Вермахт сосредоточил на советско-германском фронте 54 570 орудий и минометов, 5400 танков, 3073 самолетов. К этому времени на вооружении Красной Армии имелось 97 тысяч орудий и минометов, 5628 танков и самоходно-артиллерийских орудий, 8818 самолетов.

Шпеер признавал, что германское военное производство работало ниже своих возможностей: «Несмотря на технический и промышленный прогресс даже в разгар военных успехов в 1940 и 1941 гг. уровень производства вооружений Первой мировой войны не был превзойден. В течение первого года войны с Россией военное производство составляло лишь четверть уровня, достигнутого осенью 1918 года. Через три года, весной 1944 г., когда мы достигли максимального уровня производства, мы все еще отставали от уровня Первой мировой войны. И это несмотря на то, что к производству Германии добавилось производство Австрии и Чехословакии».

В отставании германской военной промышленности Шпеер винил, прежде всего, «чрезмерную бюрократизацию». 20 июля 1944 г., в день покушения на Гитлера, Шпеер направил ему меморандум, в котором, в частности, говорилось, что «американцы и русские знают, как применять простые методы организации, в то время как мы отягощены устаревшими формами организации и поэтому не можем добиться их достижений». В своих мемуарах он приводил примеры того, как пустяшная заявка на необходимый продукт могла путешествовать месяцами из ведомства в ведомство, пока потребность в изделии не пропадала. Хваленая четкость гер-

манской организации имела свою теневую сторону – чрезмерный формализм, губивший смысл деятельности, ради которой была создана организация.

В то же время, объясняя причины явного отставания военной промышленности Германии от требований Второй мировой войны, Шпеер подчеркивал, что Гитлер не решился потребовать от немцев слишком больших трудовых усилий и материальных жертв во имя победы. Шпеер писал: «Одна из странностей войны состояла в том, что Гитлер гораздо меньше требовал от своего народа, чем Черчилль и Рузвельт от своих наций... Германские руководители... пытались поддерживать моральный дух народа с помощью уступок. Гитлер и большинство его политических единомышленников принадлежали к поколению, которые, будучи солдатами, стали свидетелями Ноябрьской революции 1918 года и никогда этого не забывали. В личных разговорах Гитлер подчеркивал, что после опыта 1918 года нельзя не проявлять осторожность. Для того чтобы предотвратить недовольство, гораздо большие средства отпускались на производство потребительских товаров, на пенсии для военных или для женщин, потерявших кормильцев на фронте, чем в странах с демократическими правительствами. В то время как Черчилль обещал своему народу лишь кровь, пот и слезы, всё, что мы слышали от Гитлера во время войны это повторение его лозунга: «Победа неминуема». Это было свидетельством политической слабости. Это свидетельствовало о большой озабоченности по поводу возможной утраты популярности, что могло перерасти в бунтарские настроения».

Заняв министерский пост, Шпеер обнаружил, что в то время как во время Первой мировой войны 46,5 % производства стали шло на военные нужды, в Третьем рейхе лишь 37,5 % сталелитейного производства направлялось на военное производство. Шпеер, по его словам, «пытался осуществить заметное сокращение в производстве потребительских товаров, поскольку к 1942 г. уровень этого производства снизился лишь на 3 % по сравнению с довоенным. В 1942 г. я добился снижения лишь на 12 %». Однако вскоре партийные гаулейтеры стали оказывать давление на Шпеера. Даже Ева Браун, которая никогда не занималась государственными делами и старательно избегала общения с правительственными руководителями, написала Гитлеру протест против мер по сокращению производства косметики. В итоге 29 июня 1942 г. Гитлер распорядился «возобновить снабжение товаров широкого потребления населения». Протесты Шпеера не возымели действия.

Продолжая сравнение с Англией, Шпеер так объяснял причины, почему нацисты не пытались осуществить необходимую для военных условий мобилизацию трудовых резервов Германии: «Разрыв между тотальной мобилизацией труда в демократической Англии и небрежным отношением к этому вопросу в авторитарной Германии доказывал, что режим боялся изменений в настроениях народа...» В своей записке Заукелю от 28 января 1944 г. Шпеер писал: «Из сообщений печати я узнал, что занятость женщин в Англии продвинулась гораздо дальше, чем у нас... Из 17,2 миллиона женщин 7,1 миллионов работают полный рабочий день, а 3,3 миллиона заняты неполный рабочий день. Таким образом, 61 % заняты. Для сравнения, в Германии из 31 миллиона женщин в возрасте от 14 до 65 лет лишь 14,3 миллиона заняты полный или неполный рабочий день. Это означает 45 %».

Хотя 26 января 1943 г. Шпеер поставил задачу «перевести один миллион немцев в военную промышленность», она осталась невыполненной. Он привел следующие статистические данные по распределению рабочей силы в ряде отраслей, за счет которых могла быть решена эта задача.

	Май 1943	Май 1944
Торговля, банковское и страховое дело	3.100.000	2.900.000
Сфера управления	2.800.000	2.800.000
Транспорт	2.300.000	2.300.000
Ремесла	3.400.000	3.300.000
Социальные услуги	1.000.000	900.000
Домашняя прислуга	1.400.000	1.400.000
Итого	14 .000 .000	13. 600. 000

Еще более разителен был контраст в мобилизацию трудовых ресурсов в Германии и СССР, о чем умолчал Шпеер. Несмотря на то, что с начала Октябрьской революции принцип «кто не работает, тот не ест» был закреплён в Конституции социалистической страны, несмотря на массовую мобилизацию трудовых сил страны в годы сталинских пятилеток, а также ужесточение трудовой дисциплины с 1940 г., 13 февраля 1942 г. был издан указ Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве». На основе этого указа для работы в промышленности, на строительстве и транспорте было мобилизовано в городах 565 тысяч человек и в сельских местностях – 168 тысяч. В течение 1941–1942 гг. 16 раз проводилась мобилизация молодежи в учебные заведения трудовых резервов. В 1941–1942 гг. трудовые резервы дали для промышленности свыше 1 миллиона квалифицированных рабочих. В 1942 г. женщины составляли 52 % от общего числа занятых в промышленности (в 1940 г. на их долю приходился 41 %).

Чтобы компенсировать нехватку рабочей силы, правительство Германии использовало людей, угнанных из оккупированных стран. Как указывалось в приговоре Международного военного трибунала, Шпеер направлял генеральному уполномоченному по использованию рабочей силы Фрицу Заукелю «заявки на общее число необходимых ему рабочих... Шпеер... знал, что они будут удовлетворены за счет иностранных рабочих, работавших по принуждению... Он участвовал в совещаниях от 10 и 12 августа 1942 года вместе с Гитлером и Заукелем, на котором было решено, что Заукель должен был насильственным порядком привозить рабочих с оккупированных территорий в том случае, когда это было необходимо для удовлетворения потребностей в рабочей силе тех отраслей промышленности, которыми ведал Шпеер. Шпеер также участвовал в совещании в ставке Гитлера 4 января 1944 года, на котором было принято решение, согласно которому Заукель должен был набрать «по меньшей мере, четыре миллиона новых рабочих с оккупированных территорий» с тем, чтобы удовлетворить требования Шпеера на рабочую силу».

В приговоре отмечалось, что «на совещании 1 марта 1944 года заместитель Шпеера очень подробно расспрашивал Заукеля о том, почему ему не удалось выполнить требование на 4 миллиона рабочих, которые должны быть доставлены с оккупированных территорий. В некоторых случаях Шпеер требовал рабочих из определенных зарубежных стран. Так, на совещании 10–12 августа 1942 года Заукеля было поручено доставить Шпееру «еще миллион русских рабочих для германской промышленности вооружения до истечения октября месяца 1942 года». На заседании центрального управления по планированию 22 апреля 1943 года Шпеер обсуждал планы набора русских рабочих для использования их в угольных шахтах и катего-

рически отклонил предложение пополнить дефицит в рабочей силе на этих предприятиях за счет немецких рабочих».

В приговоре подчеркивалось, что Шпеер знал о жестокостях, применяемых «при проведении программы рабского труда. Так, например, на совещаниях центрального управления по планированию его информировали, что его заявки на рабочую силу столь велики, что они вызывают необходимость в применении насильственных методов при наборе рабочих. На заседании центрального управления по планированию 30 октября 1942 г. Шпеер высказал мнение, что многие из угнанных рабочих, которые утверждали, что они больны, на самом деле были симулянтами, заявил: «Нельзя ничего возразить против того, что СС и полиция предпринимают решительные меры и направляют уваливающих от работы в концентрационные лагеря».

Однако использование рабского труда на предприятиях военной промышленности Германии не обеспечило ей перевеса в производстве вооружений. Нацисты не смогли добиться от немецких квалифицированных рабочих такой самоотверженности, какая была характерна для миллионов советских тружеников тыла.

Мой отец часто рассказывал, как в начале осени 1941 г. он получил мандат за подписью И. В. Сталина, гласивший, что он, Емельянов Василий Семенович «является уполномоченным Государственного Комитета Обороны на заводе по производству танков» и что на него «возлагается обязанность немедленно обеспечить перевыполнение программы по производству корпусов танков».

На уральском заводе, на который был командирован отец, только начинался монтаж оборудования для танкового производства. В обычных условиях такой монтаж должен был занять четыре-шесть месяцев. Отец пошел к монтажникам и объяснил им: «Немцы под Москвой. Нужны танки. Нам нужно точно знать, когда будет смонтирован цех». Монтажники попросили двадцать минут на размышление. Когда отец к ним вернулся, их бригадир сказал: «Распорядитесь, чтобы нам несколько лежаков поставили... Спать не придется, отдыхать будем, когда не сможем держать в руках инструменты. Скажите, чтобы еду из столовой нам тоже сюда доставляли, а то времени много потеряется. Если сделаете, что просим, то монтаж закончим через семнадцать дней». По словам отца, люди работали как единый человеческий организм. Рабочие выполнили задание за 14 дней, уложившись в невозможный по техническим нормам график монтажа оборудования ценой невероятного напряжения своих сил. Впрочем, как вспоминал отец, тогда такой труд в тылу был скорее правилом, чем исключением.

Этот подвиг в тылу совершался не только в цехах заводов и на полях страны. Подвиг совершали многие конструкторы, ученые, техники, трудившиеся над разработкой новых видов вооружений. Вспоминая работу над авиационным вооружением в конце 1942 г., советский оружейный конструктор А. Э. Нудельман писал: «Мы, Г. А. Жирных, А. Э. Нудельман, А. С. Суранов, наши механики прожили две недели в тире. Кровати, на которых спали по очереди по 3–4 часа в сутки, стояли в 4–5 метрах от стендов, где отстреливали пушки. Гильзы, вылетающие из пушек при автоматической стрельбе, ударялись об эти кровати. Однако, несмотря на стрельбу, мы после 20 часов рабочего дня спали, и стрельба этому не мешала. Работа в тире ладилась, пушки уходили из тира одна за другой. Трудились с таким подъемом, что наша жизнь в тире, возле стреляющих пушек, в памяти осталась светлым праздником».

Видимо, идейные и политические цели нацистского государства не могли вызвать подобный трудовой подъем у рабочих, техников и ученых рейха. Несмотря на усилия германской военной промышленности, по ряду видов советские вооружения в качественном отношении опережали германские.

Гудериан писал, что еще в начале кампании на советско-германском фронте в Германии предпринимались попытки создать аналог танка Т-34: «В ноябре 1941 г. видные конструкторы, промышленники и офицеры управления вооружения приезжали в мою танковую армию для ознакомления с русским танком Т-34, превосходящим наши боевые машины; непосред-

ственно на месте они хотели уяснить себе и наметить, исходя из полученного опыта ведения боевых действий, меры, которые помогли бы нам снова добиться технического превосходства над русскими. Предложение офицеров-фронтовиков выпускать точно такие же танки, как Т-34, для выправления в наикратчайший срок чрезвычайно неблагоприятного положения германских бронетанковых сил не встретили у конструкторов никакой поддержки. Конструкторов смущало, между прочим, не отвращение к подражанию, а невозможность выпуска с требуемой быстротой важнейших деталей Т-34, особенно алюминиевого дизельного мотора. Кроме того, наша легированная сталь, качество которой снижалось отсутствием необходимого сырья, также уступала легированной стали русских».

По словам Шпеера, «когда появился русский Т-34, Гитлер был в восторге, так как он утверждал, что давно требовал создания танка с длинноствольной пушкой». Гитлер постоянно приводил этот пример в качестве доказательства того, что его суждения были верными. Теперь он требовал создания танка с длинноствольной пушкой и тяжелой броней. Ответом на советский танк Т-34 должен был стать танк «тигр».

Шпеер вспоминал: «Первоначально «тигр» должен был весить 50 тонн, но в результате выполнения требований Гитлера его вес был доведен до 75 тонн. Тогда мы решили создать новый танк весом в 30 тонн, название которого «пантера» должно было означать большую подвижность. Хотя этот танк был легче, его мотор был такой же, как у «тигра», а поэтому он мог развивать большую скорость. Но в течение года Гитлер опять настоял на том, чтобы накрутить больше брони на танк, а также поставить на него более мощные пушки. В результате его вес достиг 48 тонн, и он стал весить как первоначальный вариант «тигра». Чтобы компенсировать эту странное превращение быстрой «пантеры» в медленного «тигра», мы предприняли еще одно усилие создать серию небольших легких подвижных танков. А для того, чтобы угодить Гитлера, Порш предпринял усилия по созданию сверхтяжелого танка весом в 100 тонн. Поэтому его можно было создавать лишь небольшими сериями. По соображениям секретности это чудовище получило кодовое название «Мышь».

Первое же боевое крещение «тигров» прошло неудачно. Их испытали в ходе небольшой военной операции в болотистой местности Ленинградской области в сентябре 1942 г. По словам Шпеера, Гитлер заранее предвкушал, как снаряды советских противотанковых орудий будут отскакивать от брони «тигров», а те без труда подавят артиллерийские установки. Шпеер писал, что штаб Гитлера «указывал, что выбранная для испытания местность не годится, так как делает маневры танков невозможными из-за болот по обе стороны дороги. Гитлер отверг эти возражения с видом превосходства».

Вскоре стали известны результаты первого боя «тигров». Как писал Шпеер, «русские спокойно позволили танкам пройти расположение их противотанковых орудий, а затем нанесли удар в упор по первому и последнему «тигру». Остальные четыре танка не могли двинуться ни вперед, ни назад, ни повернуть в сторону из-за болот. Скоро их также прикончили».

И все же Гитлер и многие из его окружения возлагали на новые танки большие надежды. 22 января 1943 г. Гитлер опубликовал обращение «Ко всем работникам танкостроения». Гудериан писал, что «новые полномочия на расширение производства танков, предоставленные министру Шпееру, свидетельствовали о все растущей тревоге в связи с понижающейся боевой мощью германских бронетанковых войск перед лицом постоянно увеличивавшегося производства старого, но прекрасного русского танка Т-34».

В то же время курс на производство лишь «тигров» и «пантер» поставил бронетанковые войска Германии в тяжелое положение. Гудериан писал: «С прекращением производства танков Т-IV германские сухопутные войска должны были ограничиваться 25 танками «тигр», выпускаемыми ежемесячно. Следствием этого могло быть полное уничтожение германских сухопутных войска за очень короткий срок. Русские выиграли бы войну без помощи своих

западных союзников и захватили бы всю Европу. Никакая сила на земле не смогла бы сдержать их».

В ходе Курской битвы германские войска бросили в бой огромное количество «тигров» и «пантер». Однако расчеты на их решающую роль провалились. Гудериан, посетивший фронт боевых действий на Курской дуге с 10 по 15 июля, вспоминал: «Мои опасения о недостаточной подготовленности танков «пантера» к боевым действиям на фронте подтвердились. 90 танков «тигр» фирмы Порше, использовавшихся в армии Моделя, также показали, что они не соответствуют требованиям ближнего боя; эти танки, как оказалось, не были снабжены в достаточной мере даже боеприпасами. Положение обострялось еще и тем, что они не имели пулеметов и поэтому, когда вырывались на оборонительные позиции противника, буквально должны были стрелять из пушек по воробьям. Им не удавалось ни уничтожить, ни подавить пехотные огневые точки и пулеметные гнезда противника, чтобы дать возможность продвигаться к пехоте. К русским артиллерийским позициям они вышли одни без пехоты».

Ставка Гитлера на новые танки провалилась. Только в битве на Курской дуге немецко-фашистские войска потеряли 1500 танков, включая немало «тигров» и «пантер».

Отставание в вооружениях Германии от СССР проявлялось и в других видах. Еще в начале 30-х годов в СССР был создан самый скорострельный авиационный пулемет в мире – ШКАС (Шпитального Комарицкого авиационный скорострельный). После войны Б. Г. Шпитальный писал: «Когда наши доблестные войска, взявшие штурмом Берлин, ворвались в канцелярию Третьего рейха, то среди многочисленных трофеев, захваченных в канцелярии, оказался на первый взгляд необычного вида образец оружия, тщательно накрытый стеклянным колпаком, и бумаги с личной подписью Гитлера. Прибывшие для осмотра этого образца специалисты с удивлением обнаружили под стеклом тульский авиапулемет ШКАС 7,62-мм и находившийся при нем личный приказ Гитлера, гласивший о том, что тульский пулемет будет находиться в канцелярии до тех пор, пока немецкие специалисты не создадут такой же пулемет для фашистской авиации. Этого, как известно, гитлеровцам так и не удалось сделать».

Отправившись на самый северный участок советско-германского фронта в конце 1943 г., Шпеер услышал от солдат и офицеров «жалобы на нехватку легкого оружия. Особенно им не хватало автоматов. Солдатам приходилось полагаться на советские автоматы, которые они порой захватывали в качестве трофеев».

Лишь под конец войны немецкие оружейники смогли создать и производить оружие, которое сыграло известную роль в сдерживании наступления бронетанковых соединений Красной Армии и союзников. Таким оружием стали «панцерфаусты» (истребители танков), созданные на основе американских базук. В ноябре 1944 г. Германия произвела 997 тысяч панцерфаустов, в декабре 1944 г. – 1253 тысячи, в январе 1945 г. – 1200 тысяч. В середине марта 1945 г. части Красной Армии, по словам маршала Конева, впервые столкнулись с панцерфаустами, которые у нас называли «фаустпатронами». Маршал замечал: «В Верхней Силезии нам впервые за всю войну довелось встретиться с густым насыщением обороны противника фаустпатронами, методы борьбы с которыми были еще недостаточно отработаны». К началу битвы за Берлин, как отмечал Конев, «немцы были обильно вооружены таким опасным для танков оружием, как фаустпатроны». На берлинском направлении их было сосредоточено более 3 миллионов.

Между тем, по мере приближения к катастрофе, Германия нуждалась в таком оружии, которое было бы способно обеспечить решающий перелом в войне. Германские химики разрабатывали все новые и новые виды химического оружия. Ими был создан смертельно опасный газ «табун», который проникал через фильтры всех известных газовых масок. Хотя Гитлер, который под конец Первой мировой войны стал жертвой газовой атаки и едва не лишился зрения, не поддерживал идею применения ядовитых газов, не без основания полагая, что у его противников есть не менее эффективное оружие, он все же не исключал полностью такой

возможности. Однажды уже под конец войны он на военном совещании высказал мнение о возможности применить табуны на советско-германском фронте. По словам Шпеера, Гитлер считал, что «Запад примирится с использованием газов против Востока, потому что на этой стадии войны, британское и американское правительства заинтересованы в том, чтобы остановить продвижение русских». Однако это высказывание Гитлера не получило поддержки у генералов. Кроме того, Шпеер сообщил Гитлеру, что после бомбардировок союзниками предприятий химической промышленности к середине октября 1944 г. в Германии не осталось достаточного количества цианида и метанола, необходимых для производства табуна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.